

Россия и Азия

№ 4 (30), 2024

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 4 (30), 2024 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьёва Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, независимый эксперт г. Манама, Бахрейн.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Москва, Россия.

Содержание

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

- Шкваря Л. В.** «Голубая» экономика как элемент глобального хозяйства: сущность задачи и возможности международного сотрудничества **6**
- Русакович В. И.** Трансформация транспортно-логистической системы и логистического взаимодействия России и стран Азии **23**
- Черников А. В.** Международная торговля возобновляемым топливом **31**

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

- Бирюков Е. С.** Инвестиционные источники экономических реформ в Саудовской Аравии **49**
- Аль Сайяд М. Д.** Финансовое положение Японии и инструменты финансирования задолженности **60**
- Линецкий А. Ф.** Новая Зеландия: влияние интеграционного процесса в АТЭС на социально-экономическое развитие **70**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

- Хэ Миндзюнь.** Концептуальные основы исследования международной торговли **81**
- Поплавский С. П.** Становление и развитие экономики и внешней торговли Республики Корея: теория и практика XX века **96**

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

- Shkvarya L. V.** The "blue" economy as an element of the global economy: the essence of the task and the possibilities of international cooperation **6**
- Rusakovich V. I.** Transformation of the transport and logistics system and logistics cooperation between Russia and Asian countries **23**
- Chernikov A.V.** International trade in renewable fuels **31**

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

- Biryukov E. S.** Investment sources of economic reforms in Saudi Arabia **49**
- Al Sayyad M. D.** Japan's financial situation and debt financing instruments **60**
- Linetsky A. F.** New Zealand: the impact of the APEC integration process on socio-economic development **70**

ECONOMIC THEORY AND HISTORY

- He Mingjun.** Conceptual foundations of international trade research in the 21st century: key characteristics and risks **81**
- Poplavskiy S. P.** Formation and development of the economy and foreign trade of the Republic of Korea: theory and practice of the twentieth century **96**

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

**«Голубая» экономика как элемент глобального хозяйства: сущность
задачи и возможности международного сотрудничества**

Шкваря Людмила Васильевна¹

Актуальность темы вызвана как ростом значимости, так и интереса к вопросам, возможностям и проблемам «голубой» экономики в теоретическом и практическом аспектах вследствие роста климатических угроз, истощаемости природных ресурсов, обострения глобальных проблем, затрагивающих все страны и мир в целом. Исследования «голубой» экономики являются междисциплинарными, а практика анализа трансграничного сотрудничества заинтересованных сторон в различных сегментах «голубой» экономики и ее менеджмента на различных уровнях представляется достаточно сложной задачей с точки зрения паритета интересов. В статье анализируются теоретические и практические аспекты категории «голубая экономика» с точки зрения формирования растущего международного интереса к ресурсам «голубого» сектора мировой экономики и попыток его интеграции и формирования инструментов контроля за его деятельностью. Источниками проведенного экспертного исследования выступают научные статьи отечественных и зарубежных авторов и отчеты международных организаций по тематике проводимого исследования. Автор приходит к выводу о том, что рост интереса к категории «голубая экономика» вызывает, прежде всего, глобализация биолого-экономических отношений как тенденция мирового развития в рамках стремления урегулировать эти отношения. Автором отмечается, что сегодня отсутствуют базовые научные исследования и четкость в понимании как самого процесса, так и его возможного международного менеджмента. Подходы к исследованию и трактовке «голубой» экономики остаются спорными и противоречивыми. Вследствие этого в практике мировой экономики, отдельных стран и регионов остается много «белых пятен» в сфере «голубой» экономики, требующих своего разрешения, а политика в этой сфере остается противоречивой. Практическая значимость исследования затрагивает также и интересы Российской Федерации как одной из крупнейших в мире морских держав. По мнению автора, странам важно сохранять и поддерживать «голубую» национальную безопасность.

Ключевые слова: «голубая» экономика, глобализация биолого-экономических отношений, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), устойчивое развитие, водные ресурсы.

JEL коды: F01, F59, F64, O13, Q01, Q25.

Введение

Мировая экономика сформировалась исключительно в результате развития возможностей человечества «бороздить океаны», однако длительное время этому аспекту уделялось очень мало внимания, в том числе и по объективным причинам. В истории

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия и Азия», Москва, Россия.

экономического развития морской транспорт сыграл решающую роль — считается, что именно плавание Христофора Колумба по Атлантическому океану и «открытие» Американского континента, а затем кругосветные путешествия великих мореплавателей создали предпосылки для формирования мировой экономики. Мировой гегемон XVIII–XIX вв. — Великобритания, была «владычицей морей» обладая самым сильным на тот момент флотом — военным и гражданским, что было тесно взаимосвязано с промышленным ростом и увеличивающейся экономической мощью страны в целом. «Инвесторы, спекулянты и зарождающаяся страховая отрасль (*Lloyds of London*) — все они созданы благодаря участию в международной океанской торговле специями, китовым жиром и драгоценными металлами» (*Blue Economy — Ocean Foundation*). Петр I в России, как и его предшественники, стремился к тому, чтобы у нашей страны был выход к морям, свой флот, стимулирующий производство в стране. И сегодня международные организации классифицируют страны, в том числе, и с точки зрения наличия выхода к морю, и те государства, у кого он есть, традиционно являются более развитыми.

Таким образом, экономическое развитие стран и народов и особенно возможности его роста традиционно тесно связаны с морским фактором. Однако исследование «голубой», или «синей», экономики сегодня все еще не получило широкого развития, так как впервые этот термин прозвучал лишь в 2009 г., когда Гюнтер Паули представил его Римскому клубу. В 2012 г. термин «голубая экономика» впервые прозвучал на состоявшейся в Рио-де-Жанейро конференции ООН по устойчивому развитию. В Кении была проведена в ноябре 2018 г. международная конференция, где обсуждалось будущее мирового океана с точки зрения его устойчивого использования.

Современные исследования «синей» экономики остаются междисциплинарными, а практика анализа трансграничного сотрудничества заинтересованных сторон в различных сегментах «голубой» экономики и ее менеджмента на различных уровнях представляется достаточно сложной задачей с точки зрения паритета интересов.

В статье анализируются теоретические аспекты исследования категории «голубая экономика» с точки зрения формирования растущего международного интереса к ресурсам «голубого» сектора мировой экономики и попыток его интеграции и формирования инструментов контроля за его деятельностью.

Источниками проведенного исследования выступают научные статьи отечественных и зарубежных авторов и отчеты международных организаций (ЕС, ФАО, ВЭФ, *OECD*, *UNCTAD*, *World Wildlife Fund* и др.) по тематике проводимого исследования.

Обзор литературы

«Голубая» экономика, по мнению экспертов, обладает очень серьезными возможностями с точки зрения обеспечения устойчивого развития экономики и человеческого потенциала в мире (Ki-Noon, et al., 2020), включая дополнительные возможности по созданию рабочих мест (Pauli, 2010), и анализируется как в теоретических, так и в практических аспектах. В более широком смысле «голубой океан» рассматривается как «...неосвоенное рыночное пространство, не затронутое борьбой за выживание. В голубых океанах господствующие позиции занимает конкуренция–кооперация, предполагающая получение высоких прибылей за счет создания принципиально новых товаров и услуг» (Панкова, 2019).

Зачастую исследователи отмечают актуализацию изучения «голубой» экономики также с точки зрения решения серьезных глобальных проблем, таких как продовольственная безопасность и тесно связанные с ней климатические угрозы (Coayla, et al., 2023), возможность использования энергии приливов как одного из возобновляемых источников энергии — ВИЭ (Nemer, et al., 2018). Так, эксперты обращают внимание на тесную обратную связь между повышением температуры воды в океане и сокращением возможностей вылова промысловых видов рыб (Portosa, 2021), столь важной для удовлетворения в продовольствии многих стран, особенно островных.

В современных исследованиях первостепенное значение имеет создание благоприятного экономического климата с точки зрения географии взаимодействия с глобализирующимися биолого-экономическими отношениями в многоцелевой морской среде (Winder, Le Heron, 2017; Burg, 2019). Важно оптимизировать институциональную среду для развития «голубой экономики» как в страновой, так и в международной экономике (Keen, et al., 2018).

«Голубая» экономика служит основой для устойчивой морской экономической деятельности, а также разработки новых морских технологий, которые разрабатываются *для* этого сегмента (например, судостроение), могут использоваться, *благодаря* этому сегменту (например, прокладка подводных оптоволоконных кабелей), применяются для улучшения экологии этого сегмента (например, технологии сбора разлившейся в море нефти).

Исследователи указывают на растущую необходимость международного менеджмента «голубых» секторов для повышения их эффективности, снижения угроз загрязнения, климатических вызовов и др. Всемирный экономический форум (WEF) в лице созданной на базе этой структуры Группы по водным ресурсам (*Water Resources Group*) определяет воду как один из важнейших экономических факторов (World Economic Forum, 2023). Этот подход был озвучен Всемирной комиссией по водной экономике на конференции ООН по водным ресурсам в 2023 г. Комиссия призывает к «управлению глобальным водным циклом как глобальному общему благу, коллективно защищаемому и приносящему пользу всем» (Конференция ООН по водным ресурсам, 2023).

По своей экономической природе вода — это товар, и эта точка зрения не принимает во внимание целый ряд других достоинств воды для выживания человечества и всей окружающей среды и зачастую также игнорирует имеющуюся у воды косвенную роль в экономике, так как огромное количество видов деятельности напрямую требует определенное количество воды приемлемого качества. Поэтому важно рассматривать воду как ограниченный и ценный ресурс (Доклад WWF..., 2023). Кроме того, на протяжении ряда лет подчеркивается высокая важность воды с точки зрения преодоления бедности (Pereira, et al., 2009).

При этом подчеркивается необходимость сформировать основы и параметры для статистического анализа экономической деятельности в сфере «голубой» экономики (Colgan, 2013), так как эта систематизация необходима с точки зрения более полного понимания как структуры и возможностей, так и ограничений этого сегмента мировой экономики. Это также необходимо для разработки поддающихся измерению целей использования «голубой» экономики. Однако пока в этом вопросе человечество продвинулось недостаточно, как показывает практика.

Отмечаются определенные успехи в развитии «голубой» экономики (Wenhai, et al., 2019). Также анализируются сохраняющиеся угрозы, например, чрезмерный вылов рыбы,

изменение климата и загрязнение пластиком; авторы утверждают, что то, что плохо для океана, плохо для человечества, и что многие регионы нуждаются в постоянном сотрудничестве для защиты огромного экономического богатства океана (Keen, et al., 2018).

Обращают на себя внимание риски того, что программы развития водной экономики могут оттеснить рыболовецкие сообщества на второй план, когда страны уделяют приоритетное внимание туризму, промышленному рыболовству и доходам от разведки (Mwanza, 2018). Важно разработать показатели, которые давали бы возможность достоверно и комплексно оценить ущерб, который человечество наносит «голубой» экономике, а также те изменения, которые происходят в глобальной водной среде, причем касающиеся не только ее потепления, но и окисления и др.

В отечественной научной литературе среди исследований, посвященных анализу возможностей и ограничений «голубой» экономики, можно выделить статью Кокуриной и Монастырского (2022), характеризующих цели и задачи «голубой» экономики с точки зрения практических аспектов ее развития в Российской Федерации, а также Кривичева и др. (2019), рассматривающих «голубую» экономику с точки зрения ее значимости как фактора активизации экономического развития Российской Федерации.

В прогрессии растет интерес к проблемам «голубой» экономики и в отечественном научном сообществе, а также у российского бизнеса. Отечественные исследователи, предприниматели и политики обращают особое внимание на взаимосвязь и взаимозависимость «голубого» и «зеленого» сегментов мирового хозяйства, подчеркивая, что «...загрязнения водной среды на Земле с началом XXI века происходит с нарастающей скоростью, что создает ряд глобальных экологических проблем. ...стало очевидным, что загрязнением микропластиком морских вод представляет собой серьезную глобальную экологическую проблему» (Титова, Шишкин, 2023. С. 122; 123).

Все это накладывает на рост экономической неустойчивости и многочисленных и разнообразных вызовов экономической деятельности и жизни на Земле, многие из которых связаны именно с «голубыми» и «зелеными» проблемами и возможностями. Таким образом, вопросы «голубой» экономики однозначно актуализируются, и важно понимать ее сущность, возможности, проблемы и перспективы.

Результаты исследования

Теоретические аспекты «голубой» экономики

Сегодня нет устоявшегося определения «голубой» экономики (*blue economy*), различные эксперты включают в этот сегмент более или менее широкие элементы. Более того, наряду с категорией «голубая» экономика используются и такие термины, как «морская экономика», «океаническая экономика» и некоторые другие — без четких определений. Таким образом, впервые термин «голубая экономика» был выдвинут не столько учеными, сколько политиками, а ее определения предлагают международные организации. В современной науке и практике все более активно исследуется категория «голубой» (или «синей») экономики (также используются термины «прибрежная экономика», «океаническая экономика» и некоторые другие).

Сегодня «голубая экономика» «широко пропагандировалась целым рядом заинтересованных сторон как концепция или стратегия охраны мирового океана и водных

ресурсов» (Ki-Hoon, et al., 2020). Имеют место различные интерпретации «голубой» экономики в зависимости от целей исследователя или подхода международной организации (табл. 1).

Таблица 1.

Подходы к определению категории «голубая» экономика

	Определение	Источник
1.	Экономика, направленная на повышение благосостояния людей и социального равенства при значительном снижении экологических рисков и проблемы дефицита.	UNCTAD (2014) стр.2
2.	Устойчивое использование ресурсов океана для экономического роста, улучшения условий жизни и создания рабочих мест при сохранении здоровья экосистемы океана.	World Bank (2017) стр. 6
3.	Всеобъемлющая концепция, охватывающая множество аспектов устойчивости океана — от устойчивых рыбных промыслов до экосистем здоровья и предотвращения загрязнения для увеличения долгосрочных выгод от устойчивого использования морских ресурсов для малых островных развивающихся государств и прибрежных наименее развитых стран».	World Bank: September 2017.
4.	Вся экономическая деятельность, связанная с океанами, морями и побережьями, охватывающая широкий спектр взаимосвязанных устоявшихся и развивающихся секторов	The 2018 Annual Economic Report on EU Blue Economy.
5.	Голубая экономика также включает экономические выгоды, которые могут не продаваться, такие как накопление углерода, защита прибрежных районов, культурные ценности и биоразнообразие.	Conservation International's Center for Oceans
6.	Для некоторых голубая экономика означает использование моря и его ресурсов для устойчивого экономического развития. Для других это просто относится к любой экономической деятельности в морском секторе, независимо от того, устойчива она или нет.	World Wildlife Fund
7.	Голубая экономика, которая включает в себя все отрасли, имеющие прямое или косвенное отношение к океану, такие как морская энергетика, порты, судоходство, защита прибрежных зон и производство морепродуктов, может опередить темпы роста мировой экономики к 2030 г.	OECD (2016)
8.	Развивающиеся и инновационные секторы «голубой экономики» включают морскую возобновляемую энергетику (например, энергию океана, плавучую солнечную энергию и производство водорода на шельфе), «голубую биотехнологию», опреснение воды, морскую оборону, безопасность и наблюдение, исследования и инфраструктуру (подводные кабели, робототехника).	The EU Blue Economy Report 2023.

Источник: разработано автором

Как видно из представленных данных (табл. 1), в самом широком смысле «голубую» экономику можно определить как совокупность связанных с морскими видами деятельности отраслей национальной и мировой экономики. «Голубая экономика — это интегрированная и устойчивая экономическая деятельность, основанная на разработке и использовании морских ресурсов. Отрасли включают рыболовство, морской транспорт, туризм, освоение природных ресурсов и охрану морской среды» (Winder, Le Heron, 2017).

По сути, эти определения, не будучи исчерпывающими, как раз характеризуют широкий спектр тех аспектов, которые включают в понятие «голубой» экономики международные организации в настоящее время (в последние 10 лет), а главным катализатором разработки данной тематики выступает осознание огромных масштабов

ресурсов океана, в том числе в Арктике, и вопрос о том, каким образом их использовать (кем, как и для чего) в условиях ограниченности ресурсов природы, с одной стороны, и необходимости их использования в растущих масштабах для блага человечества — с другой. Концепция «голубой» экономики заключается в том, чтобы человечество получило возможность использовать ресурсы морей и океанов, как транспортные, так и другие, более «материальные», с учетом одновременной более полной и всесторонней, комплексной защиты соответствующих экосистем в экономической деятельности (Устьянцева, 2019). Это направление актуализируется в связи с тем, что для многих государств с развивающимися рынками, в том числе и островных государств, многие из которых остаются беднейшими, именно «голубая» экономика может стать катализатором экономического роста, а концепция голубой экономики продолжает меняться и адаптироваться.

Ядром новой концепции голубой экономики является отделение социально-экономического развития от деградации окружающей среды, поэтому «голубая» экономика тесно связана с «зеленой». «Подмножество всей океанической экономики, которая занимается регенеративной и восстановительной деятельностью, ведет к укреплению здоровья и благополучия человека, включая продовольственную безопасность и устойчивое обеспечение средства к существованию» (Blue Economy — Ocean Foundation).

Цели и задачи «голубой» экономики представлены в табл. 2.

Таблица 2.

Цели и задачи «голубой» экономики

Цели	Задачи
Продвижение морских путей	<ul style="list-style-type: none"> - Совершенствование коммуникаций (инфраструктуры) - Развитие судоходства и морского коммерческого процесса - Аналитическая деятельность и НИР в сегменте
Продвижение продукции рыболовецкого промысла и аквакультуры	<ul style="list-style-type: none"> - Продвижение на мировой рынок морепродуктов - Контроль легальности рыбного промысла и борьба с браконьерством - Развитие промысла аквакультуры
Расширение туристических возможностей	<ul style="list-style-type: none"> - Увеличение ассортимента и качества «голубых» услуг - Улучшение состояния береговых зон - Повышение доступности «голубых» услуг
Повышение стабильности морских зон и прибрежных сообществ и их адаптации	<ul style="list-style-type: none"> - Увеличение НИР в «голубом» сегменте экономики - Рост защиты и активизация восстановления «голубой» сферы, в том числе — разработка и применение для этих целей новых технологий - Развитие моделей управления «голубой» экономикой - Повышение эффективности «голубой» экономики - Интеграция прибрежных зон и сообществ на всех уровнях и создание новых возможностей

Источник: (Кокурина, Монастырский, 2022). Дополнено автором.

В то время как концепция «голубой» экономики продолжает меняться и адаптироваться под существующие и возникающие виды деятельности человека и его задачи (текущие и

перспективные), социально-экономическая динамика в океанических и прибрежных сообществах имеет важное значение для устойчивого развития.

Из рис. 1 следует, что «голубая» экономика динамично развивается, включая «старые» и «новые» отрасли и технологии, в том числе и под влиянием цифровизации. Причем «старые» отрасли активно модернизируются.

Рис. 1. Состав отраслей «голубой» экономики.

Источник: составлено автором.

Например, технологические достижения позволили лучше контролировать и понимать экономику рыболовства в открытом море, которое происходит в 2/3 наших океанов за пределами какой-либо национальной юрисдикции. «Новые» отрасли отражают изменения в

«голубой» экономике, например, океанские возобновляемые источники энергии, добыча на морском дне, зачастую предполагают одновременное восстановление и сохранение голубого углерода, применение водных и биотехнологических технологий.

Некоторые из «новых» отраслей все еще предполагают добычу (например, добывают нефть и газ на морском дне), а другие сосредоточены на изменениях (включая, например, новые технологии судовых двигательных установок). Но и те, и другие в своей деятельности должны оцениваться с точки зрения ценности для новой водной экономики и, на основе прогресса науки и техники, использовать прикладные знания для поддержки позитивной деятельности и ограничения негативных последствий для «голубой» экономики. Это остается важной современной задачей на национальном и на глобальном уровнях и требует комплексного подхода к решению.

Почему «голубая» экономика — это важно?

Важность моря и его роль в современной экономике и жизни людей в мире неоспорима и требует внимания. Интересы морских держав напрямую связаны с их потребностями, возможностями и культурой, и их морская политика формулируется исходя из этих характеристик. Эта политика формулируется в форме морской стратегии государств и преследует экономические, политические и военные цели, и во многом сформировалась исторически. Океаническая экономика всегда существовала для транспорта и торговли, добычи ресурсов и, к сожалению, для утилизации отходов (как преднамеренных, так и непреднамеренных). Еще до появления межконтинентальных контактов океаны перевозили ресурсы, такие как животные, растения и семена, с помощью ветров, течений и приливов. Люди рано ушли в море. Океаническая экономика началась со сбора средств к существованию животных и растений у побережья. Вскоре после этого первые рыбаки покинули берег в поисках дополнительной добычи.

Со временем рыбаки перестали ловить рыбу просто для того, чтобы зарабатывать на жизнь, и начали торговать. Первые свидетельства морской торговли датируются 2000 годом до нашей эры в Индийском океане. Международная торговля была обычным явлением на протяжении тысячелетий и неуклонно росла, поскольку достижения в судостроении и навигации сделали возможным мореплавание на все более дальние расстояния. В I веке была создана морская торговля по «Шелковому пути», и торговля между портами Азии, Африки и Европы процветала. Столетия спустя военно-морской флот римской империи завоевывал и эффективно поддерживал империю за счет морской торговли. Каждая империя с тех пор, включая Великобританию, Нидерланды, Португалию, Испанию, зависела от морской торговли как для своего выживания, так и для своего богатства. На раннем этапе правительства осознали потенциальный доход от наземных товаров, товаров, поступающих в порт из других мест, и поэтому ввели импортные пошлины (меркантилизм). Когда были введены налоги на импорт, началась старая морская индустрия контрабанды. В свою очередь, торговля позволяла обмениваться идеями и информацией, что стимулировало инновации во всех областях науки и техники. Стремясь расширить источники сырья и найти новые рынки сбыта, правительства инвестировали в исследовательские поездки.

С расцветом промышленной революции началась чрезмерная эксплуатация океана в глобальном масштабе, и, по сути, продолжается до настоящего времени. Это понимание трансформировало подход к этому сегменту экономики в мире и в отдельных странах.

Сегодня интерес к «голубой» экономике связан с ростом ее роли и значения в мировом хозяйстве, а также для отдельных государств, как с развитой (стремящихся сохранить контроль над морскими путями сообщения и обеспечить новые возможности, которые позволят преодолеть усиливающуюся ограниченность ресурсов и рост конкуренции за них на мировых рынках), так и с развивающейся экономикой. ПРООН на протяжении свыше четверти века ратует за эффективное и безопасное инклюзивное развитие глобального «голубого» сектора, уже сконцентрировав для этой цели более 1 млрд долларов с географическим охватом более 100 стран. Проекты ПРООН направлены на повышение устойчивости планетарной водной экономики, включающей ресурсы океанов, морей, а также пресных вод.

Интерес к исследованию возможностей «голубой экономики в мире и в России связан с рядом факторов (рис. 2).

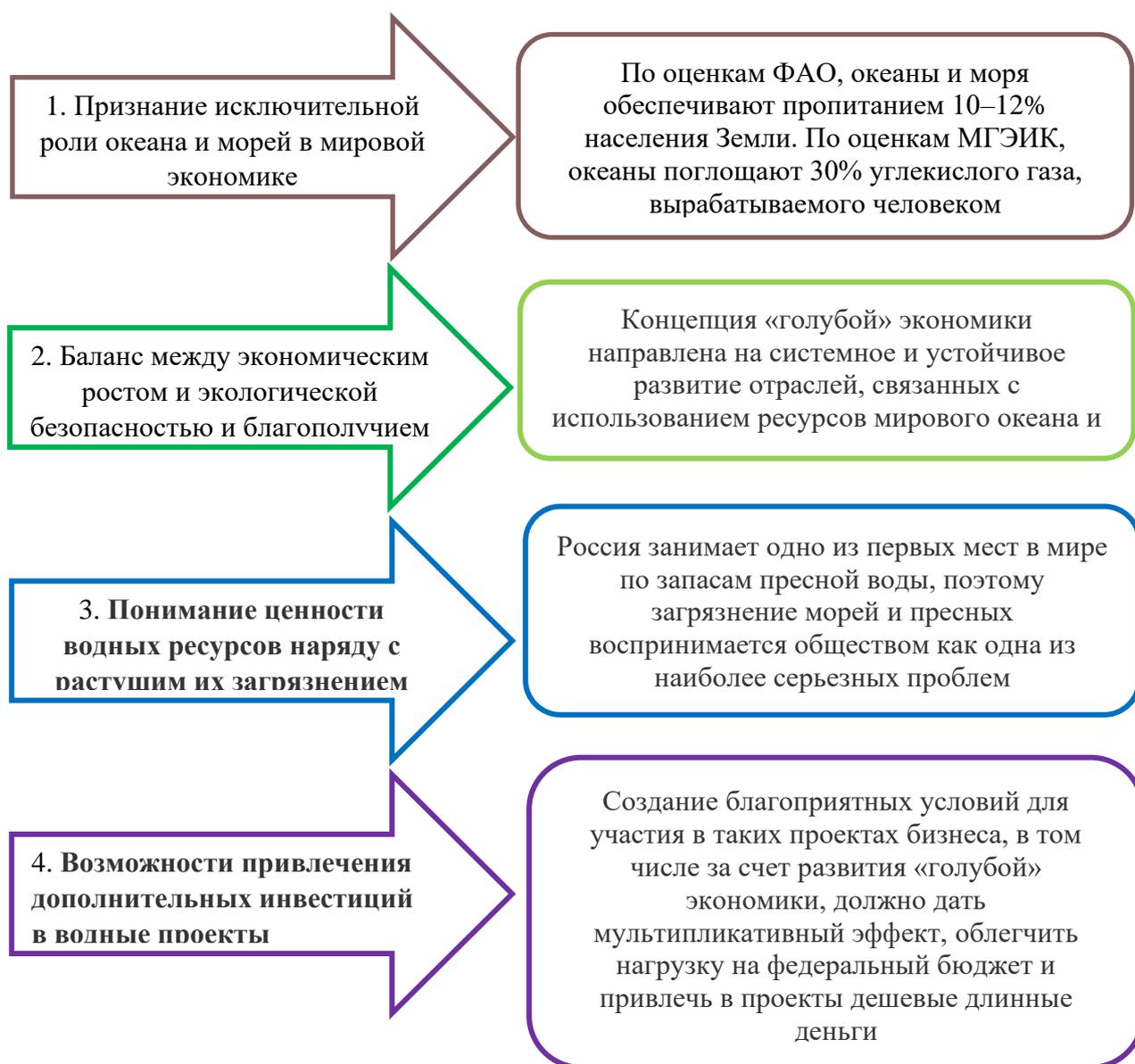

Рис. 2. Некоторые факторы, вызывающие интерес к исследованию «голубой» экономики, ее возможностей, проблем и перспектив.

Источник: составлено автором по: (Концепция «синей» экономики; В ВЭБ.РФ обсудили перспективы развития «синей» экономики. 2024).

Проанализируем данные рис. 2.

Различные организации предоставили оценки экономической ценности воды и эффективность «голубой» экономики, и все они дают очень большие (и различающиеся) цифры. В отчете Всемирного фонда дикой природы за 2023 г. «Высокая стоимость дешевой воды» (*The high cost of cheap water*) водный кризис оценен, как минимум, в 58 трлн долларов, или 60% мирового ВВП, хотя и с предупреждением, что даже такая огромная сумма может быть недооценена (World Wildlife Fund report, 2023). К 2030 г. глобальный дефицит воды достигнет 40%. По данным ООН, менее чем через 6 лет 1,8 млрд человек в мире окажутся в странах, которые не смогут удовлетворить растущий спрос на воду. Хотя вода является основной потребностью человека для жизни, она также важна для экономической стабильности. Во всем мире управление водными ресурсами и улучшение водных ресурсов выступают ключевыми элементами в странах с растущей экономикой и сокращением бедности (Flagship UN report ..., 2023).

Важность «голубой» экономики подтверждается, как уже отмечалось, теми объемами мирового производства и потребления рыбы, аквакультуры, торговли биоресурсами, морских перевозок и др., которые неуклонно растут, и этот рост сохранится в перспективе (рис. 3).

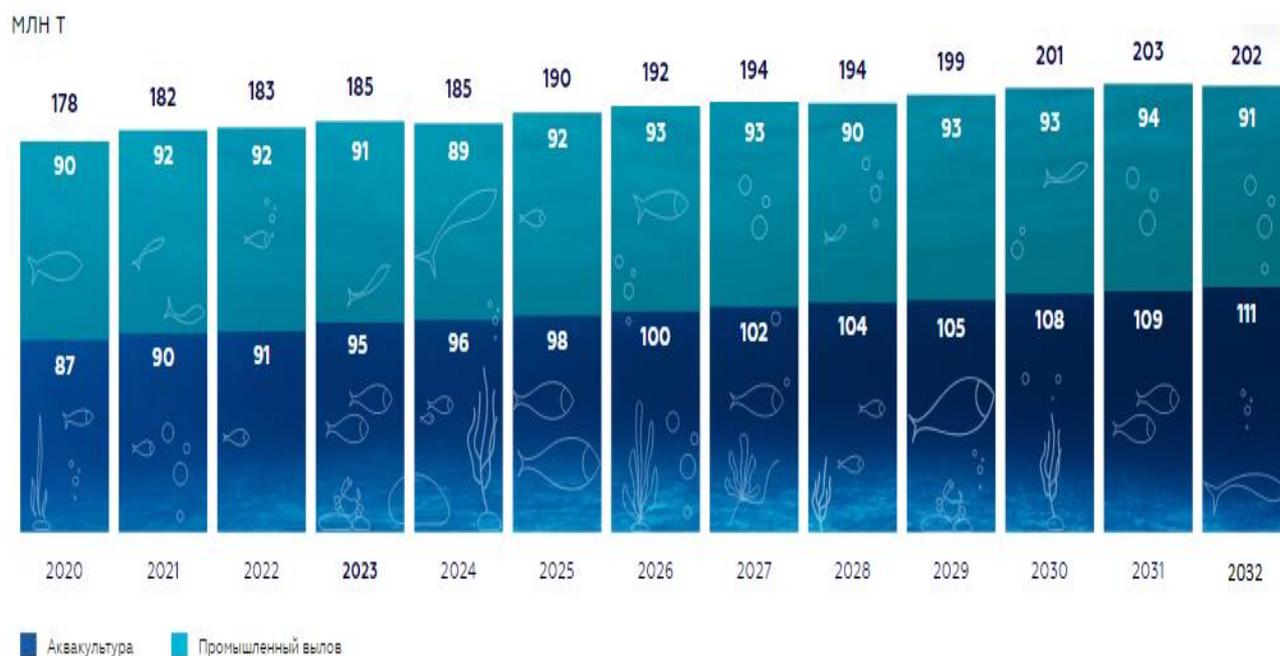

Рис. 3. Мировое производство рыбы в 2020–2023 гг. и прогноз до 2032 г., млн тонн. Источник: (Мировой рынок красной рыбы, 2023).

Согласно прогнозам ФАО, производство и потребление продукции и услуг сегмента «голубой» экономики в мире будут расти (ФАО, доклад 2024). Например, увеличивается потребление рыбы и морепродуктов на душу населения в мире (рис. 4).

Также моря и океаны используются в качестве источника энергии и материалов для воды, включая систему ее опреснения, для извлечения лития, производства бетона, кислорода и водорода, орошения сельскохозяйственных растений, производство биоэтанола с использованием морской биомассы и добычи полезных ископаемых.

При этом значительную (и растущую) долю в этой деятельности занимают страны Азии.

Большое значение в теоретическом исследовании «голубой» экономики приобретают возможности международного сотрудничества в «голубой» сфере.

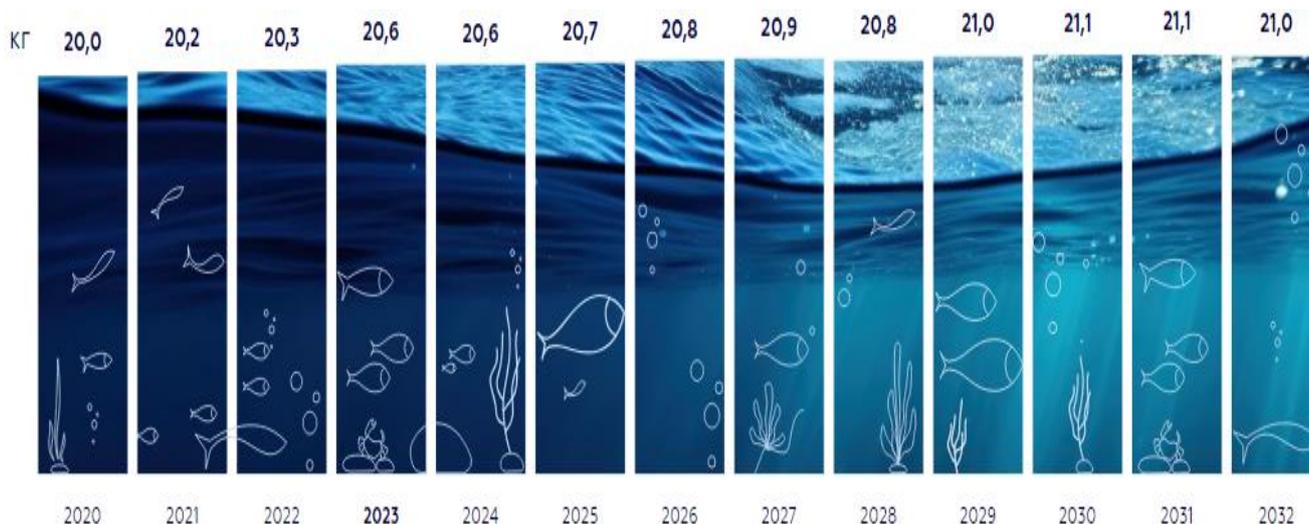

Рис. 4. Мировое производство рыбы в 2020–2023 гг. и прогноз до 2032 г., млн тонн.

Источник: (Мировой рынок красной рыбы, 2023).

В комплексном и всеобъемлющем подходе к устойчивому управлению водными ресурсами и реализации проектов в сфере «голубой» экономики нуждается регион АСЕАН, что было признано на саммитах лидеров АСЕАН в 2021–2023 гг., а для реализации ряда проектов уже предпринимаются некоторые шаги. Рамочная программа «Голубая экономика АСЕАН» была принята в объединении в 2023 г. Она предполагает именно региональные усилия в направлении реализации «голубых» проектов. В 2024 г. в АСЕАН был официально открыт инновационный проект голубой экономики, который, по задумке, должен объединить предпринимателей и новаторов из 10 стран-членов АСЕАН и Восточного Тимора для решения проблем и содействия развитию водного сектора интеграционного объединения, включая океаны и пресноводные экосистемы, что имеет важное значение для интеграционного объединения, которое обладает разнообразным портфелем морских ресурсов с оценочной рыночной стоимостью до 2,5 трлн долларов в год, или 5% мировой экономики (ASEAN Blue Innovation Challenge (ABIC), 2024).

Учитывая высокий потенциал голубой экономики АСЕАН, существует множество проблем, с которыми приходится сталкиваться государствам-членам АСЕАН. Такие проблемы, как чрезмерный вылов рыбы, разрушение среды обитания и загрязнение морской среды, представляют значительную угрозу для морских и пресноводных экосистем региона, что подчеркивает настоятельную необходимость совместных и скоординированных усилий по их решению.

Китай, который стремится к лидерским позициям в мире во многих сферах, в рамках инициативы «Один пояс и один путь» от 2013 г. предложил в 2017 г. к международной реализации «Голубой экономической канал» как элемент долгосрочной морской концепции на основе ряда документов, которые имеют руководящее и стимулирующее значение для

международного сотрудничества Китая и Африки «голубой путь». В «Документе о политике Китая в отношении Африки» китайского правительства предлагается, чтобы Китай расширил сотрудничество с Африкой в области «голубой экономики», поддержал наращивание потенциала основных морских отраслей Африки и помог африканским странам осуществлять морское экономическое развитие в соответствии с местными условиями.

Другими словами, КНР, которая видит себя неотъемлемой и весьма немаловажной частью мировой — традиционной и «голубой» — экономики и морской державой, стремится держать в поле зрения те процессы, которые проходят в мировой морской сфере. Сегодня КНР обладает преимуществами в технологиях и капитале, в опыте и управлении в таких сферах, как морское рыболовство, судостроении, строительстве и эксплуатации морских портов, а также в инновационных технологиях, которые можно использовать для реализации «голубых» проектов. Китай уже сформулировал ряд направлений международного сотрудничества в рамках «голубой» экономики.

Африканский союз последовательно издал и внедрил ряд стратегических рамочных документов и политических мер, связанных с «голубой» экономикой, направленных на поощрение африканских стран к эффективному и качественному развитию «голубой» экономики и руководство ими. «Всеобъемлющая морская стратегия Африки на 2050 год», «Видение на 2063 год», «Хартия Африканского союза по безопасности, обороне и развитию на море», «Синяя экономическая стратегия Африки» и т. д.

Многие африканские страны стремятся к реализации «Голубого (синего) плана экономического развития» Африканского союза (АС) и разрабатывают собственную политику и меры по развитию «голубого» сегмента национального хозяйства. Инициаторами такого подхода стали ЮАР, Кабо-Верде, Маврикий и Сейшельские острова, стремящиеся построить «голубую» экономическую систему. Целый ряд прибрежных африканских государств также используют свои возможности и преимущества в «голубом» хозяйственном сегменте.

Активно развивается китайско-африканское «голубое» сотрудничество, так как сегодня африканские страны зачастую не обладают технологиями и финансовыми ресурсами для реализации проектов в сфере «голубой» экономики, а Китай, напротив, имеет необходимые технологии, финансовые средства и определенный опыт, наряду с амбициями.

В настоящее время Китай и Африка поддерживают прагматичное сотрудничество в области портов, морского рыболовства, а также морской науки и техники. Сотрудничество морских портов является крупнейшей сферой китайско-африканского голубого экономического сотрудничества, включая инвестиции, совместные предприятия, приобретения и инжиниринговые контракты. Африка — самый ранний регион, где Китай начал сотрудничество в области океанского рыболовства. Китай активно осуществляет проекты сотрудничества в области рыболовства, такие как строительство рыболовных портов, обмен технологиями рыболовства и усиление подготовки кадров в области рыболовства с Сьерра-Леоне, Сенегалом, Гвинеей, Танзанией, Кенией и т. д., а также строительство морских охраняемых районов, вывоз морского мусора, мониторинг морской среды, разведка и использование морских ресурсов, ВИЭ и т. д. Сотрудничество в морских экологических проектах и проектах по защите окружающей среды, таких как солнечная и ветроэнергетика.

Заглядывая в будущее, китайско-африканское «голубое» экономическое сотрудничество должно использовать возможности, преодолевать вызовы, создавать более благоприятные условия сотрудничества, расширять масштабы сотрудничества и повышать качество взаимодействия в «голубой» сфере в различных аспектах (рис. 5). В этих аспектах

сотрудничество может быть не только двусторонним, но и многосторонним, в них «найдется место» и другим партнерам, и от этого проекты, страны и народы только выиграют, как и «голубая» мировая сфера в целом.

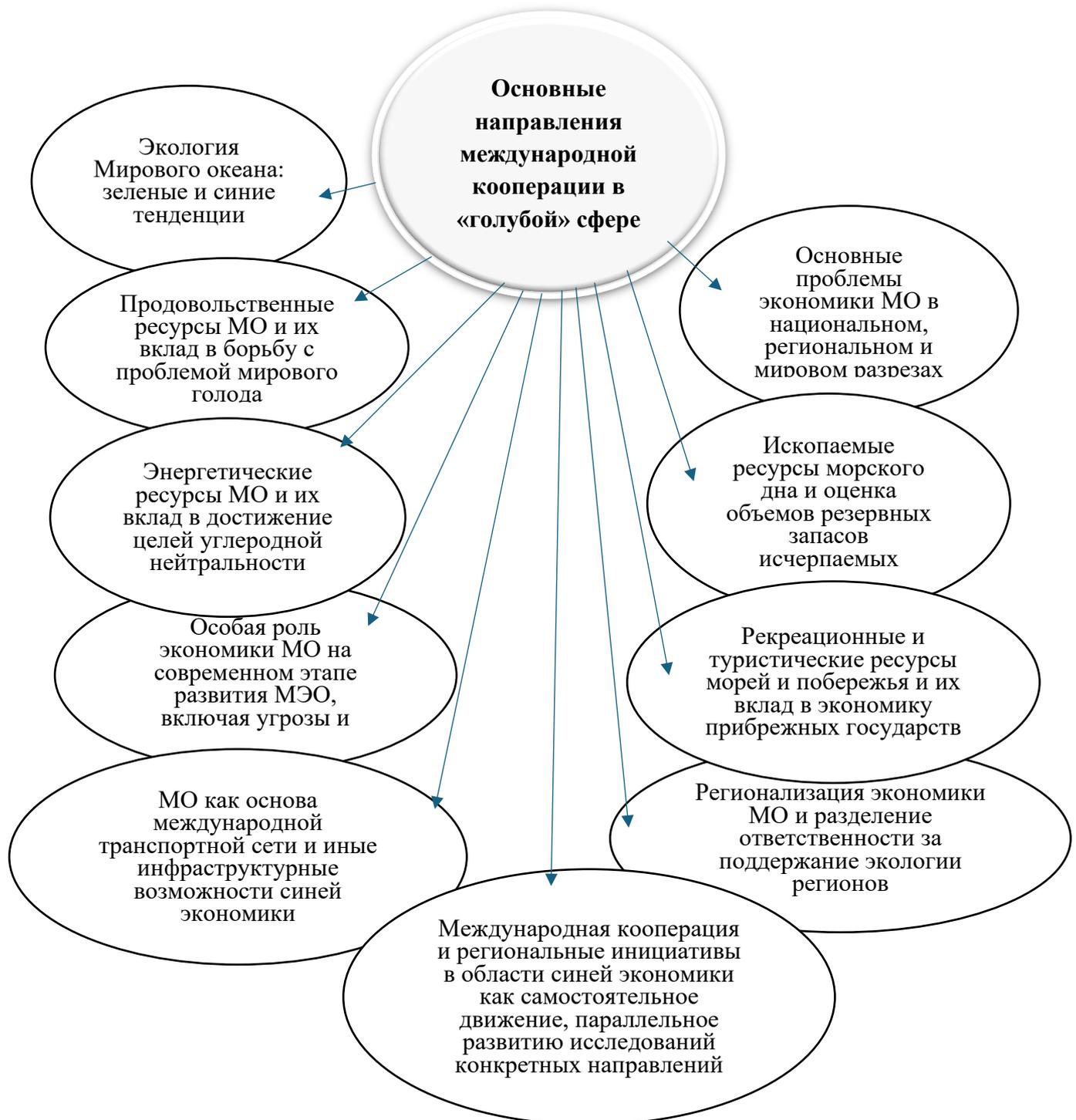

Рис. 5. Основные направления международной кооперации в «голубой» сфере.
Источник: (Минчичова, Оглоблина, 2021).

Как видно из рис. 5, спектр возможностей международного сотрудничества и кооперации в «голубой» сфере весьма широк. Более того, направления взаимодействия расширяются, и эта тенденция сохранится и в перспективе.

Заключение

Анализ «голубой» экономики как сегмента глобальной хозяйственной системы показывает, что, будучи традиционной для человека, «голубая» сфера приобретает в последние десятилетия новое значение, характеристики и задачи. Этого требует ускоряющаяся глобализация биолого-экономических отношений как тенденция мирового развития, с одной стороны, а с другой — необходимость обеспечить прогресс в хозяйственной деятельности и получение более значимых ее результатов при сохранении эколого-биологического равновесия. Концептуально развитие «голубой» экономики означает минимизацию ущерба, причиняемого деятельностью человека, и возможностью восстановления «голубых» экосистем, в том числе и на основе международной кооперации в этой сфере. «Голубая» экономика всех стран взаимосвязана, что требует не только стремления использовать ресурсы океана наиболее развитыми странами, но и международного сотрудничества в «голубой» сфере, а также комплексных мер по ее защите, будучи тесно связанной с «зеленой» экономикой и обеспечивая дальнейшую жизнь на планете.

Список литературы

1. Доклад WWF: водный кризис угрожает продовольственной безопасности и устойчивости (2023) [WWF Report: Water Crisis threatens Food Security and Sustainability (2023) (In Russian).] URL: <https://sreda.uz/rubriki/voda/doklad-wwf-vodnyj-krizis-ugrozhaet-prodovolstvennoj-bezopasnosti-i-ustojchivosti-na-summu-58-trln-dollarov/?ysclid=m5p6ya76b0185119875>
2. Кокурина А. Д., Монастырский Д. И. (2022) Синяя экономика как фактор стратегического развития экономики России в современных условиях // Экономика и социум: современные модели развития. Том 12. № 4. С. 263–270. [Kokurina A. D., Monastyrskiy D. I. (2022) The blue economy as a factor of strategic development of the Russian economy in modern conditions // Economics and society: contemporary models of development. Vol. 12. Is. 4. Pp. 263–270. (In Russian).] DOI: 10.18334/ecsoc.12.4.116990. <https://1economic.ru/lib/116990?ysclid=m27e6h6c89787118728>
3. Конференция ООН по водным ресурсам, 2023. [United Nations Conference on Water Resources, 2023. (In Russian).] URL: <https://sdgs.un.org/ru/conferences/water2023>
4. Концепция «синей экономики». Обзор международных практик устойчивого управления / Департамент многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития России. [The concept of the "blue economy" Review of international sustainable management practices / Department of Multilateral Economic Cooperation of the Ministry of Economic Development of Russia. (In Russian).] URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/4f3bdf9df55157624f13ff2440275880/130821.pdf?ysclid=m5p55y0x2633510262>

5. Кривичев А. И., Нюдлеев Д. Д., Сидоренко В. Н. (2022) «Синяя экономика» как основа устойчивого развития арктического региона России // *Жизнь Земли*. Т. 44. № 4. С. 415–424. DOI: 10.29003/m3116.0514-7468.2022_44_4/415-424
6. Минчичова В. С., Оглоблина Е. В. (2021) Международная кооперация и региональные инициативы в области синей экономики // *Общество: политика, экономика, право*. № 11. С. 36–45. [Minchichova V. S., Ogloblina E. V. (2021) International cooperation and regional initiatives in the field of the blue economy // *Society: politics, economics, law*. No. 11. Pp. 36–45. (In Russian).] DOI: 10.24158/пер.2021.11.4.
7. Мировой рынок красной рыбы. Отчет ПАО «ИНАРКТИКА» (2023) [The global red fish market. INARKTIKA PJSC Report (2023) (In Russian).] URL: <https://ar2023.inarctica.com/ru/market-review/world-fish-market>
8. Панкова Л. Н. (2019) Роль методологии «Океанов» в развитии глобального бизнес-пространства // *Инновации и инвестиции*. № 11. С. 34–36. [Pankova L. N. (2019) The role of the Oceans methodology in the development of the global business space // *Innovation and investment*. No. 11. Pp. 34–36. (In Russian).]
9. Титова Е. С., Шишкова С. С. Актуальные проблемы биоэкономики роль постгеномных дисциплин: монография. М.: ВАШ ФОРМАТ, 2023. С. 406 с.
10. Устьянцева О. В. (2019) Экология морских млекопитающих: социально-экономические и правовые основания // *Использование и охрана природных ресурсов в России*. № 3 (159). С. 58–65. [Ustyantseva O. V. (2019) Ecology of marine mammals: socio-economic and legal grounds // *Use and protection of natural resources in Russia*. No. 3 (159). Pp. 58–65. (In Russian).]
11. ФАО. Доклад «Состояние мирового рыболовства и аквакультуры — 2024» URL: www.fao.org/newsroom/detail/fao-report-global-fisheries-and-aquaculture-production-reaches-a-new-record-high/ru
12. ASEAN Blue Innovation Challenge (ABIC), 2024. URL: <https://oyaop.com/opportunity/competitions-and-awards/asean-blue-innovation-challenge-abic-2024/>
13. Blue Economy — Ocean Foundation. URL: <https://oceanfdn.org/ru/Синий-Экономика/>
14. Burg S., Aguilar-Manjarrez J., Jenness J., Torrie M. (2019) Assessment of the geographical potential for co-use of marine space, based on operational boundaries for Blue Growth sectors // *Marine Policy*. Vol. 100. P. 43–57. DOI: 10.1016/J.MARPOL.2018.10.050.
15. Coayla E., Bedón Y., Jimenez L. (2023) Industrial Marine Fishing in the Face of Climate Change in Peru // *Journal of Marine Sciences*. Vol. 40. Pp. 1–10. DOI: 10.1155/2023/9984319
16. Colgan C. S. (2013) The ocean economy of the United States: measurement, distribution, & trends // *Ocean & Coastal Management*. Vol. 71. Pp. 334–343. DOI: 10.1016/j.ocescoaman.2012.08.018.
17. Flagship UN report extolls win-win water partnerships to avert global crisis (2023) URL: <https://news.un.org/en/story/2023/03/1134862>
18. Hemer M. A., Manasseh R., McInnes K. L., Penesis I., Pitman T. (2018) Perspectives on away forward for ocean renewable energy in Australia // *Renewable Energy*. Vol. 127. Pp. 733–745. DOI: 10.1016/j.renene.2018.05.036
19. Keen M., Schwarz A.M, Wini-Simeon L. (2018) Towards Defining the Blue Economy: Practical Lessons from Pacific Ocean Governance // *Marine Policy*. Vol. 88. Pp. 333–341. DOI: 10.1016/j.marpol.2017.03.002

20. Ki-Hoon L., Junsung N., Jong Seong K. The Blue Economy and the United Nations' sustainable development goals: Challenges and opportunities // *Environment International*. 2020. Vol. 137. DOI: 10.1016/j.envint.2020.105528
21. Keen M, Schwarz A.-M., Wini-Simeon L. (2018) Towards defining the Blue Economy: Practical lessons from Pacific Ocean governance // *Marine Policy*. Vol. 88. Pp. 333–341. DOI: 10.1016/j.marpol.2017.03.002
22. Mwanza K. (2018) Experts: as aquatic economy grows, Africa's fishing communities face "extinction." The Thomas Reuters Foundation. URL: <https://www.reuters.com/article/us-africa-oceans-blueeconomy/african-fishing-communities-face-extinction-as-blue-economy-grows-experts-idUSKCN1NV2HI>
23. Pauli G. (2010) The blue economy: 10 years, 100 innovations, 1000 million jobs. Paradigm Publication. URL: https://books.google.ru/books?id=aJ3HZD1H7ZsC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
24. Pereira L. S., Cordery I., Iacovides I. (2009) Coping with Water Scarcity // *Technical Documents in Hydrology*. Vol. 58. DOI: 10.1007/978-1-4020-9579-5_1
25. Porreca Z. (2021) Assessing Ocean temperature's role in fishery production: A static model of Western and Central Pacific Tuna Fisheries // *Journal of Bioeconomics*. Vol. 23. Is. 2. Pp. 237–256. DOI: 10.1007/s10818-021-09311-1
26. Wenhai L., Cusack C., Baker M., Tao W., Mingbao C., Paige K., Xiaofan Z., Levin L., Escobar E., Amon D., Yue Y., Reitz A., Neves A.A.S., O'Rourke E., Mannarini G., Pearlman J., Tinker J., Horsburgh K.J., Lehodey P., Pouliquen S., Dale T., Peng Z., Yufeng Y. (2019) Successful examples of aquatic economics with an emphasis on international perspectives // *Borders in marine science*. Vol. 6. Is. 261. DOI: 10.3389/fmars.2019.00261 <https://www.frontiersin.org/journals/marine-science/articles/10.3389/fmars.2019.00261/full>
27. Winder G., Le Heron R. (2017) Assembling a Blue Economy moment? Geographic engagement with globalizing biological-economic relations in multi-use marine environments // *Dialogues in Human Geography*. Vol. 7. Is. 1. Pp. 3–26. DOI: 10.1177/2043820617691643.
28. World Economic Forum, 2023. Annual report. URL: <https://2030wrg.org/publications>
29. World Wildlife Fund (WWF) report "The high cost of cheap water" (2023) URL: https://wwf.panda.org/wwf_news/press_releases/?9842941/water-report-2023

The "blue" economy as an element of the global economy: the essence of the task and the possibilities of international cooperation

Lyudmila V. Shkvarya

The relevance of the topic is caused by both the growing importance and interest in the issues, opportunities and problems of the "blue" economy in theoretical and practical aspects due to the growing climate threats, the exhaustion of natural resources, and the aggravation of global problems affecting all countries and the world as a whole. Blue economy research is interdisciplinary, and the practice of analyzing cross-border cooperation between stakeholders in various segments of the blue economy and its management at various levels is quite a difficult task from the point of view of parity of interests. The article analyzes the theoretical and practical aspects of the "blue economy" category in terms of the formation of a growing international interest in the resources of the "blue" sector of

the world economy and attempts to integrate it and form tools for monitoring its activities. The sources of the conducted expert research are scientific articles by domestic and foreign authors and reports of international organizations on the subject of the conducted research. The author comes to the conclusion that the growing interest in the category of "blue economy" is caused primarily by the globalization of biological and economic relations as a trend of global development within the framework of the desire to regulate these relations. The author notes that today there is a lack of basic scientific research and clarity in understanding both the process itself and its possible international management. Approaches to the study and interpretation of the "blue" economy remain controversial and contradictory. As a result, in the practice of the global economy, individual countries and regions, there are many "white spots" in the field of the "blue" economy that need to be resolved, and the policy in this area remains contradictory. The practical significance of the research also affects the interests of the Russian Federation as one of the world's largest maritime powers. According to the author, it is important for countries to preserve and maintain their "blue" national security.

Keywords: *"blue" economy, globalization of biological and economic relations, renewable energy sources (RES), sustainable development, water resources.*

JEL codes: *F01, F59, F64, O13, Q01, Q25.*

Трансформация транспортно-логистической системы и логистического взаимодействия России и стран Азии

Русакович Василий Игоревич²

Актуальность темы предопределяется высокой степенью важности продолжающейся трансформации транспортно-логистической инфраструктуры в Евразии и формированием новых транспортно-логистических коридоров под влиянием ряда новых мировых тенденций, как роста нестабильности и санкций, так и новых возможностей, которые обеспечивает цифровизация. Целью статьи является исследование процесса трансформации транспортно-логистической инфраструктуры в Евразии и взаимодействия в транспортно-логистической сфере между Россией и государствами Азии. Автором в статье показано, что имеет место (как достаточно устойчивая тенденция) рост значимости быстрорастущих экономик Евразии, в том числе — в транспортно-логистических процессах, и по этой причине — рост сотрудничества, прежде всего стран Азии между собой. В статье отмечается, что растет также важность Российской Федерации в этих процессах, занимающей, во-первых, стратегическое положение на континенте, а во-вторых — располагающей стратегическими возможностями в развитии континентальной транспортно-логистической системы. Методами исследования стали синтез, сравнение, экономический и статистический анализ, исторический метод. Информационную базу исследования составили работы отечественных и зарубежных экономистов, национальные статистические сборники Российской Федерации по рассматриваемой теме, а также международные базы статистических данных, прежде всего ЮНКТАД. Автор приходит к выводу о том, что трансформация транспортно-логистической инфраструктуры имеет комплексное и сугубое значение, а растущее логистическое взаимодействие Российской Федерации и стран Азии, особенно — с быстро развивающимися рынками — представляется критически важным в долгосрочной перспективе, причем не только для отечественной экономики, но и для стран-партнеров и мирового хозяйства в целом.

Ключевые слова: *мировая экономика, мировая торговля, Евразия, Российская Федерация, транспорт и логистика, транспортные коридоры, «Север–Юг».*

JEL коды: *F02, L91, L92, R49.*

Введение

Транспортно-логистическая инфраструктура сохраняет важную роль в современной глобальной экономической системе. По транспортно-логистическим каналам перевозится все большее количество товаров между производителями и потребителями, причем, поскольку география производства трансформируется, постепенно перемещаясь в Азию, происходят изменения и в транспортно-логистической системе мира, усиливая или ослабляя

² *Русакович Василий Игоревич* — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Антарес», Москва, Россия.

«связанность» отдельных стран мира, в том числе в Евразии, что отмечается экспертами (Zakharov, 2023). В этой связи возникают новые транспортные маршруты, как сухопутные, так и морские, для обслуживания возникающих в Евразии грузопотоков (Баженов, 2012). Эти грузопотоки и логистические коридоры усиливают экономическое сотрудничество между странами Евразии, прежде всего крупными — Россией, Китаем, Индией, Ираном, аравийскими монархиями. Значимость этих транспортных коридоров подтверждается тем обстоятельством, что против некоторых из них также вводятся санкции (Мальшева, 2021). Большое внимание сегодня уделяется вопросам формирования новой транспортно-логистической системы со стороны России, которая, во-первых, сама активно наращивает торговлю с партнерами из стран Азии, а во-вторых, ее территория географически служит мостом между Китаем, Индией, с одной стороны, и государствами Европы, — с другой. Поэтому новые тенденции и задачи, по сути, требуют глубокой трансформации транспортно-логистической системы Евразии, выступающей ответом на вызовы нынешнего времени, как показано в данной статье. В рамках этих трансформаций создаются, в частности, транспортные коридоры, роль которых неуклонно растет (Прокофьева, 2019).

Методами исследования стали синтез, сравнение, экономический и статистический анализ, исторический метод. Информационную базу исследования составили работы отечественных и зарубежных экономистов, национальные статистические сборники России по рассматриваемой теме, а также международные базы статистических данных, прежде всего ЮНКТАД, *ERAI* и др.

Результаты исследования

В мировой экономике в последнее десятилетие под влиянием новых и разнообразных глобальных и региональных вызовов и рисков произошли достаточно серьезные и глубокие изменения в различных сферах — как производственных, так и торговых, финансовых и др. (Стратегические направления..., 2019). Трансформировалась фундаментальным образом «производственная карта мира», изменились направления крупных торговых потоков, роль тех или иных стран и регионов в мировом производстве и торговле, как и пути перемещения товаров (транспортно-логистические цепочки и цепочки создания стоимости), причем последние остаются важной формой интернационализации (Фролова, 2023).

Российский «поворот на Восток», активизация Ирана в мировом производстве и торговле, рост потребностей Индии и Китая как в импорте, так и в экспорте определенных категорий продукции, расширение состава БРИКС, активизация экономического сотрудничества в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и ЕАЭС и просто необходимость обеспечения экономического развития ставят перед странами новые задачи и требуют развития актуальных направлений и мощностей транспортно-логистической системы, особенно в Евразии.

Транспортный сектор считается одним из важнейших секторов комплексного развития в любой страны и катализатором международного сотрудничества в эпоху скоростей и цифровизации различных видов транспорта (Кузнецова, 2023). Объемы транспортных перевозок растут, в том числе грузопоток по железным дорогам (Шкваря и др., 2023). При этом рынок логистических услуг в Евразии с 2022 г. сталкивается с перебоями, некоторые логистические компании *TNT*, *Federal Express*, *UPS*, *MSC*, *Maersk* и др. — прекратили работу на российском рынке, кроме того, возникли трудности с платежами. В результате в 2023 г.

зафиксировано сокращение контейнерных грузоперевозок в Евразии — как по сегментам, так и в целом (рис. 1).

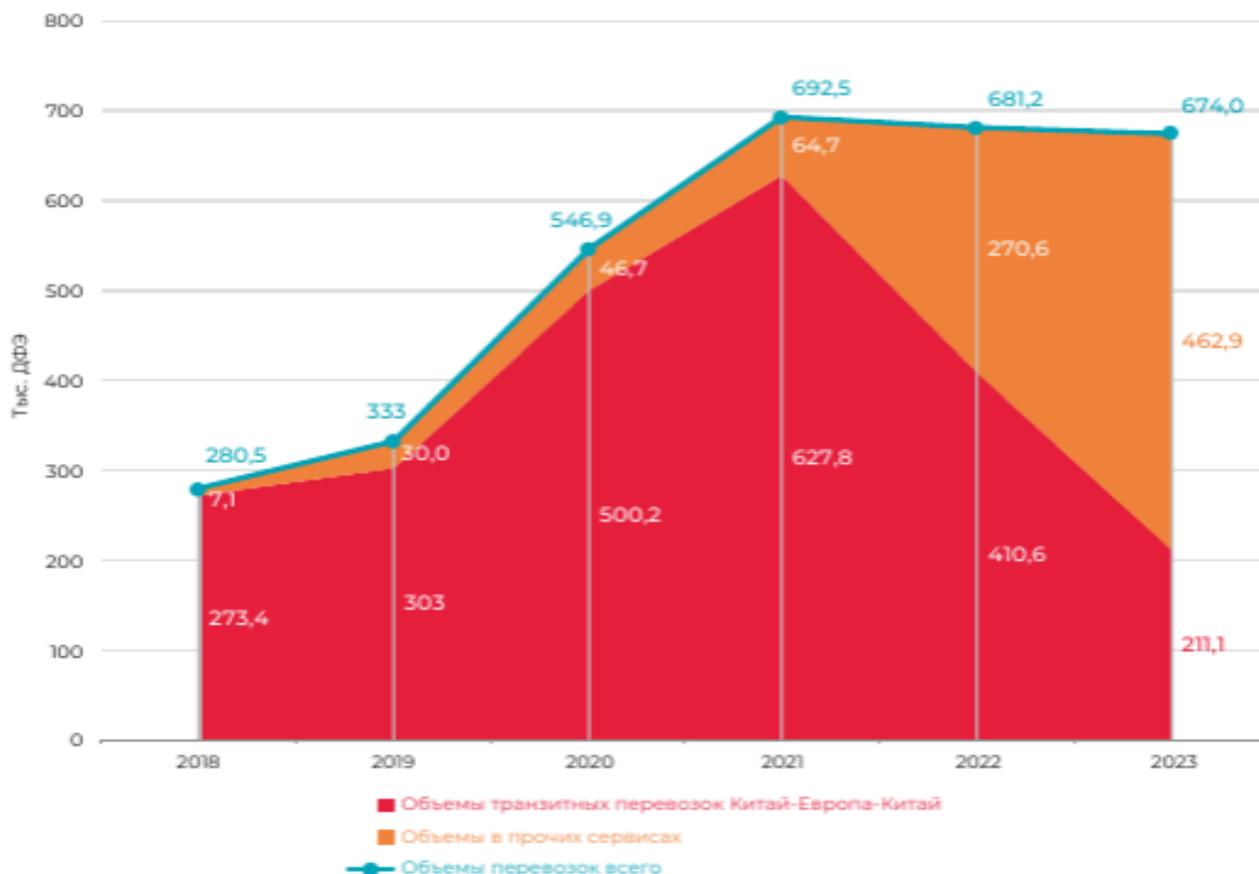

Рис. 1. Совокупные объемы железнодорожных перевозок в Евразии в целом и по сегментам в 2018–2023 г., тыс. ДФЭ (20-футовых эквивалентных единиц).

Источник: (Контейнерные железнодорожные перевозки..., 2023, с. 9).

В значительной степени сократились объемы перевозок из Китая в европейские страны и особенно обратно в 2023 г. (в результате чего увеличилось количество порожних вагонов, следующих из Европы в Китай) при некотором восстановлении и росте объемов китайского экспорта в Европу в 2024 г. (Синьцзян — Казахстан — Российская Федерация — Беларусь — страны ЕС). Пропорционально сократилось в 2022–2023 гг. количество контейнерных поездов. Более того, согласно имеющимся данным, сократилась скорость в пути сохранившихся контейнерных поездов, а время в пути, напротив, увеличилось в 2022–2023 гг., что существенно снижает эффективность железнодорожных перевозок. Основопологающими причинами этого выступает рост нестабильности в Евразии, причем в различных ее регионах, рост западных рестрикций, а также — как результат этого всего — рост не столько транзитных, сколько экспортно-импортных железнодорожных потоков в Евразии и дополняющих их автомобильных, морских и авиационных перевозок.

Россия обладает самой протяженной и плотной железнодорожной, автодорожной и логистической сетью, однако нагрузка на отечественную железнодорожную систему растет, как и требования к ней. Кроме того, перспективы и возможности евразийской и, соответственно, российской железнодорожной системы весьма обнадеживающие. Так, по

имеющимся данным, за первые 6 месяцев 2024 г. по евразийской железнодорожной линии Китай — Европа — Китай было перевезено в общей сложности 189 000 ДФЭ–грузов, что на 66% больше, чем за аналогичный период 2023 г. (Контейнерные железнодорожные перевозки..., 2024).

В этих условиях Российские железные дороги и их партнеры из Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и стран БРИКС открывают новые грузовые маршруты и готовят новые логистические решения. Тем более, что сегодня имеются технические возможности использовать современные цифровые транспортно-логистические решения, что позволяет шире использовать, например, цифровые возможности на транспорте и в логистике, которые повышают эффективность системы в целом.

К тому же стоит отметить существенно возросшую волатильность в сфере морских перевозок, особенно в 2024 г. При этом доля мирового торгового флота в стоимости в разбивке по странам-бенефициарам Азии составила 47% в 2024 г., в том числе на долю Восточной Азии приходилось 31,7%, а на Россию — лишь 1,23% (UNCTADstat).

Стоит отметить, что растущие угрозы судоходства в Суэцком канале вызывают необходимость поиска альтернативных каналов транспортировки грузов, особенно энергетических. Некоторые исследователи говорят о том, что новый китайский шелковый путь с торгово-экономическими коридорами, начинающимися в Китае и идущими на запад, может стать жизнеспособной альтернативой суэцкому каналу (Хэ, 2021).

В этих условиях многие эксперты обосновывают точку зрения, и с этим можно согласиться, что новая транспортно-логистическая система и формируемая на ее основе и в соответствии с ее потребностями инфраструктура будут выступать в перспективе катализатором социально-экономического развития соответствующих стран (Дробот и др., 2023), а также их отдельных территорий (Гадзаов и др., 2006).

Транспортно-логистическое направление становится одним из актуальных и важных направлений сотрудничества России со странами Азии, с учетом глобальных тенденций. Так, в соответствии с Совместным заявлением Китайской Народной Республики и Российской Федерации от 2023 г. об углублении всеобъемлющего стратегического сотрудничества в новую эпоху, «Обе стороны продолжают поддерживать транзит Китай — ЕС через территорию России для осуществления железнодорожных и морских грузоперевозок и повышения эффективности перевозок» (Совместное заявление..., 2023). В 2024 г. в совместном заявлении страны продолжили развитие данной темы и приняли решение «...строить стабильные, бесперебойные и устойчивые транспортно-логистические коридоры, а также развивать прямые или транзитные транспортные маршруты между двумя странами» (Совместное заявление..., 2024), включая модернизацию и преобразование Центральной железной дороги Китай — Монголия — Россия. Это отвечает экономическим интересам обеих стран, а также Евразии в целом, учитывая роль Китая как крупнейшего в мире экспортера и России — как важнейшего евразийского перевозчика. Железнодорожная линия по-прежнему остается одной из главных артерий транспортного сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Активизируется сотрудничество России и Ирана в области развития транспортного коридора «Север — Юг», соединяющего Россию с Персидским заливом. Это сотрудничество даст толчок развитию торговли между двумя государствами, а также между ними и третьими странами, обеспечивая его стабильность. Иран и Россия имеют несколько действующих портов в северной и южной частях каспийского моря. Махачкала, Оля, Астрахань, Солянка и

Лагань (проектируемый) являются основными российскими портами на Каспии, а Астара, Энзели (свободная экономическая зона), Каспиан, Ноушехр и Амирабад — иранскими портами. «По данным Росморпорта, в первом квартале 2024 г. грузооборот астраханских портов составил более 1,4 млн тонн, что на 78% выше показателей аналогичного периода прошлого года. При этом иранское направление по-прежнему остается ведущим» (Морские грузоперевозки..., 2024). Хотя история морской торговли между портами двух стран насчитывает очень долгую историю, начиная с XV в., 2022 г., несомненно, стал поворотным моментом в развитии морской торговли между двумя странами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что формирующиеся и новые транспортно-логистические направления, особенно транспортный коридор «Север — Юг» имеют сугубую важность для Евразии и всей мировой экономики и торговли, так как позволяют решать ряд задач:

1. обеспечить более эффективную и всестороннюю экономическую интеграцию в Евразии, наиболее быстрорастущем регионе мира, в том числе — на основе всеобъемлющего стратегического партнерства между различными странами;
2. стимулировать международную торговлю в быстрорастущих и других государствах Евразии, обеспечивая тем самым их экономический рост;
3. снизить негативные эффекты глобальной нестабильности и тех рестрикций, которые все более активно вводит и применяет «Глобальный Север» против «Глобального Юга»;
4. содействовать росту международной экономики и торговли в целом, снижая риски и вызовы, прежде всего санкционные.

Причинами их формирования выступают рост неустойчивости мировой экономики, активизация новых тенденций, таких как, например, цифровизация, оказывающих растущее влияние на современный транспорт, изменение роли и места стран Евразии — России, Китая, Индии, Ирана — в мировой и евразийской экономике и торговле, а также в транспортной системе. Эти процессы, по нашему экспертному мнению, будут лишь усиливаться.

Следовательно, трансформация транспортно-логистической инфраструктуры имеет комплексное и сугубое значение, а растущее логистическое взаимодействие России и стран Азии представляется критически важным не только для отечественной экономики, но и для стран-партнеров и мирового хозяйства в целом. Странам-партнерам важно не только разрабатывать программы совместного развития транспортно-логистических систем в Евразии, но и поддерживать отечественный бизнес, развивающий и укрепляющий двустороннее и многостороннее сотрудничество в этой области, включая строительство и эксплуатацию инфраструктуры.

Список литературы

1. Баженов Ю. М. (2012) Международный транспортный коридор «Север–Юг» — фактор интеграции Евразийского пространства // Вестник транспорта. № 11. С. 2–4. [Bazhenov Yu. M. (2012) The international transport corridor «North–South» — a factor of integration of the Eurasian space // Bulletin of Transport. No. 11. Pp. 2–4. (In Russian).]

2. Гадзаов Б. М., Станкевич В. А., Салбиева З. И., Меланьина М. В. (2006) Социально-экономическое развитие РСО–Алания. Владикавказ. [Gadzaov B. M., Stankevich V. A., Salbieva Z. I., Melanyina M. V. (2006) Socio-economic development of North Ossetia–Alania. Vladikavkaz. (In Russian).]

3. Дробот Е. В., Макаров И. Н., Колесников В. В., Жидков Н. С. (2023) Формирование новой системы транспортно-логистической инфраструктуры как необходимой составляющей роста экономики России и стран Азии // Экономика Центральной Азии. Том 7. № 1. С. 37–48. [Drobot E. V., Makarov I. N., Kolesnikov V. V., Zhidkov N. S. (2023) Formation of a new system of transport and logistics infrastructure as a necessary component of economic growth in Russia and Asian countries // The economy of Central Asia. Vol. 7. No. 1. Pp. 37–48. (In Russian).] DOI: 10.18334/asia.7.1.117423.

4. Контейнерные железнодорожные перевозки на евразийском пространстве в 2023 г. / ERAI — Eurasian Rail Alliance index. [Container rail transportation in the Eurasian space in 2023 / ERAI — Eurasian Rail Alliance index. (In Russian).] URL: index1520.com/upload/medialibrary/fab/.../_ru_.pdf

5. Контейнерные железнодорожные перевозки на евразийском пространстве в первой половине 2024 г. [Container rail transportation in the Eurasian space in the first half of 2024. (In Russian).] URL: <https://index1520.com/analytics/konteynerye-zheleznodorozhnye-perevozki-na-evraziyskom-prostranstve-v-pervom-polugodii-2024-goda/>

6. Кузнецова Г. В. (2023) Цифровизация на транспорте и влияние ее на перспективы развития международной торговли / В сборнике: Глобальная экономика на перепутье: вызовы и возможности для России. Сборник статей преподавателей и аспирантов кафедры Мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России. Москва. С. 29–39. [Kuznetsova G. V. (2023) Digitalization in transport and its impact on the prospects for the development of international trade / In the collection: The Global Economy at a Crossroads: challenges and Opportunities for Russia. Collection of articles by teachers and graduate students of the Department of World and National Economics of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia. Moscow. Pp. 29–39. (In Russian).]

7. Малышева Д. (2021) Международный транспортный коридор «Север–Юг» в стратегии России // Россия и новые государства Евразии. № II (LI). С. 59–72. [Malysheva D. (2021) International transport corridor «North-South» in the strategy of Russia // Russia and the new states of Eurasia. No. II (LI). Pp. 59–72. (In Russian).] DOI: 10.20542/2073–4786–2021–2–59–72.

8. Морские грузоперевозки между астраханскими и иранскими портами продолжают расти (2024). [Sea freight traffic between Astrakhan and Iranian ports continues to grow (2024). (In Russian).] URL: <https://news.ati.su/news/2024/05/15/morskie-gruzoperevozki-mezhdu-astrahanskimi-i-iranskimi-portami-prodolzhajut-rasti-356656/>

9. Прокофьева Т. А. (2019) Развитие логистической инфраструктуры евроазиатских МТК — стратегическое направление реализации транзитного потенциала и интенсивного экономического роста регионов России // Финансовая стратегия предприятий в условиях нестабильности экономики: материалы III Международной научно-практической конференции. Москва: Академия менеджмента и бизнес-администрирования. С. 134–153. [Prokofieva T. A. (2019) The development of the logistics infrastructure of the Eurasian transport and logistics centers is a strategic direction for realizing the transit potential and intensive economic growth of the regions of Russia // Financial strategy of enterprises in conditions of economic

instability: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Moscow: Academy of Management and Business Administration. Pp. 134–153. (In Russian).]

10. Совместное заявление КНР и РФ об углублении всеобъемлющего стратегического сотрудничества в новую эпоху (2023). [China-Russia Joint Statement on Deepening Comprehensive Strategic Cooperation in a New Era (2023). (In Russian).] URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202303/t20230322_11046188.shtml

11. Совместное заявление КНР и РФ об углублении всеобъемлющего стратегического сотрудничества в новую эпоху по случаю 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами (полный текст) (2024) [Joint Statement of the PRC and the Russian Federation on deepening comprehensive strategic Cooperation in a New Era on the occasion of the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries (full text) (2024). (In Russian).] URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202405/t20240516_11305860.shtml

12. Стратегические направления и приоритеты регионального развития в условиях глобальных вызовов / Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Глухих П. Л., Красных С. С., Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А., Тарасов А. Г., Воронкова О. Н., Масленников М. И., Ливенец М. И., Сапир Е. В., Карачев И. А., Фролова Е. Д., Вылегжанина А. М., Кривенцова Л. А., Попов Е. В., Семячков К. А., Коровин Г. Б., Акбердина В. В., Романова О. А. и др. Екатеринбург, 2019. 504 с. [Andreeva E. L., Ratner A.V., Glukhykh P. L., Krasnykh S. S., Myslyakova Yu.G., Shamova E. A., Tarasov A. G., Voronkova O. N., Maslennikov M. I., Livenets M. I., Sapir E. V., Karachev I. V. Strategic directions and priorities of regional development in the context of global challenges. A., Frolova E. D., Vylegzhana A. M., Kriventsova L. A., Popov E. V., Semyachkov K. A., Korovin G. B., Akberdina V. V., Romanova O. A. and others. Yekaterinburg, 2019. 504 p. (In Russian).] DOI: 10.17059/1_2019

13. Фролова Е. Д. (2023) Современные формы интернационализации: интеграция в глобальные цепочки стоимости / учебное пособие / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург. 108 с. [Frolova E. D. (2023) Modern forms of internationalization: integration into global value chains / textbook / Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Yekaterinburg. 108 p. (In Russian).]

14. Хэ М. (2021) «Один пояс — один путь»: исторические аспекты развития и регулирования торговли // Международная торговля и торговая политика. Т. 7. № 3 (27). С. 79–89. [He M. (2021) «One belt — one road»: historical aspects of trade development and regulation // International trade and trade policy. Vol. 7. No. 3 (27). Pp. 79–89. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2021-3-79-89

15. Шкваря Л. В., Евстратенко А. В., Килочицкая М. А. (2023) Перспективы и особенности развития международных транспортных коридоров на Евразийском континенте / В сборнике: Транспорт в интеграционных процессах мировой экономики. Материалы IV Международной научно-практической онлайн-конференции. Под редакцией профессора В. Г. Гизатуллиной. Гомель. С. 85–89. [Shkvarya L. V., Evstratenko A.V., Kilochitskaya M. A. (2023) Prospects and features of the development of international transport corridors on the Eurasian continent / In the collection: Transport in the integration processes of the world economy. Materials of the IV International Scientific and Practical online Conference. Edited by Professor V. G. Gizatullina. Gomel. P. 85–89. (In Russian).]

16. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.VesselValueByOwnership>

17. Zakharov A. (2023) The International North-South Transport Corridor: the prospects and challenges for connectivity between Russia and India // MGIMO Review of International Relations. Vol. 16. № 2. Pp. 216–234. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234

Transformation of the transport and logistics system and logistics cooperation between Russia and Asian countries

Vasily I. Rusakovich,

PhD (Economic Sciences), General Director of Antares LLC, Moscow, Russia.

The relevance of the topic is determined by the high degree of importance of the ongoing transformation of transport and logistics infrastructure in Eurasia and the formation of new transport and logistics corridors under the influence of several new global trends, such as increasing instability and sanctions, as well as new opportunities provided by digitalization. The purpose of the article is to study the process of transformation of transport and logistics infrastructure in Eurasia and cooperation in the transport and logistics sector between Russia and Asian countries. The author of the article shows that there is (as a fairly stable trend) an increase in the importance of the fast — growing economies of Eurasia, including in transport and logistics processes, and for this reason, there is an increase in cooperation, primarily between Asian countries. The article notes that the importance of the Russian Federation in these processes is also growing, as it occupies, firstly, a strategic position on the continent, and secondly, it has strategic opportunities in the development of the continental transport and logistics system. The research methods were synthesis, comparison, economic and statistical analysis, and the historical method. The information base of the study consisted of works by domestic and foreign economists, national statistical collections of the Russian Federation on the topic under consideration, as well as international statistical databases, primarily UNCTAD. The author concludes that the transformation of the transport and logistics infrastructure is of complex and critical importance, and the growing logistical cooperation between the Russian Federation and Asian countries, especially with rapidly developing markets, is critically important in the long term, not only for the domestic economy, but also for partner countries and the global economy as a whole.

Keywords: world economy, world trade, Eurasia, Russian Federation, transport and logistics, transport corridors, "North–South".

JEL codes: F02, L91, L92, R49.

Международная торговля возобновляемым топливом

*Черников Алексей Владимирович*³

Мировой рынок возобновляемых источников энергии вызывает растущий интерес у практиков и теоретиков, а также политиков, так как связан с возможностью (или невозможностью) снизить угрозы климатических изменений и энергетической нестабильности при необходимости устойчивого развития на глобальном и страновом уровнях. Цель статьи — проанализировать современные особенности международной торговли возобновляемым топливом и оценить дальнейшие перспективы его развития. В статье проанализировано современное состояние мирового рынка возобновляемых источников энергии (ВИЭ), представлены макроэкономические последствия перехода к низкоуглеродной экономике и исследованы проблемы торгового протекционизма как ключевого препятствия глобального энергетического перехода. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время необходимо повсеместное ускорение мер по достижению целей климатической повестки, включая переход к использованию возобновляемых источников энергии. Экономическая конкуренция и национальные интересы государств являются ключевыми движущими силами декарбонизации, однако от стран требуется проявлять сдержанность в политике и максимальный уровень сотрудничества. Автор акцентирует внимание на процессах энергетического перехода, его важности в Российской Федерации и возможных результатах в перспективе. В статье применялись общенаучные подходы экономического анализа, методы статистического и компаративного анализа, а также метод визуализации.

Ключевые слова: международная торговля, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), «зеленая» сделка», углеводороды, изменение климата, глобальный рынок ВИЭ, энергопотребление.

JEL коды: F12, F18, F64.

Введение

Современная мировая экономика сохраняет целый ряд проблем развития, среди которых выделяются климатические и энергетические угрозы. Причем эти угрозы взаимосвязаны, так как устранение энергетических проблем одновременно даст возможность снять и климатические. Эти проблемы и пути их решения остаются дискуссионными, что подтверждает отсутствие единого подхода к их решению. Однако существует устойчивая точка зрения о необходимости развития производства ВИЭ.

ВИЭ, их производство и международная торговля вызывает пристальное внимание мировой общественности как «панацея» от глобальных климатических и энергетических угроз (WEF. Global Risks Report 2023). Под влиянием этой «модной» темы сегодня многие

³ Черников Алексей Владимирович — кандидат экономических наук, ООО «Славянка», Москва, Россия.

исследователи обращаются к анализу процессов декарбонизации и перестройки мировых и страновых энергетических систем (Griffiths, et. al., 2022; Hassan, et. al., 2024) и анализа возможностей производства ВИЭ (Hollaway, 2013).

В то же время исследуются преимущества и недостатки ВИЭ и их производства (Madarin2021), и с наличием как первых, так и вторых можно согласиться.

Однако, на наш взгляд, стоит уделить больше внимания торговле ВИЭ, так как до сих пор сохраняются вопросы, связанные с протекционизмом в этой торговле (Zeren, Akkus, 2019).

Цель статьи — проанализировать современные особенности международной торговли возобновляемым топливом и оценить дальнейшие перспективы его развития.

Для достижения целей и задач исследования использовались общенаучные подходы (анализ, синтез, сравнение и др.) с применением знаний и принципов экономической теории, а также эмпирической экономической науки. С целью проведения эффективного сравнения различных аспектов темы применялся метод компаративного анализа. В структуре методологии научные принципы обеспечиваются следующими подходами: объективность, логичность, системность и критическое мышление.

Статья состоит из трех частей. В первой представлен анализ современного состояния мирового рынка ВИЭ, во второй — макроэкономические последствия перехода к низкоуглеродной экономике, а в третьей исследованы проблемы торгового протекционизма как ключевого препятствия глобального энергетического перехода.

Анализ состояния глобального рынка ВИЭ: основные показатели

Энергетические рынки за последние годы претерпели множество серьезных изменений, вызванных совокупностью сложных факторов и рыночных колебаний (среди которых, прогресс в развитии технологий, перемены в потребительском поведении, внедрение «зеленых» источников энергии и т. д.). Произошедшие изменения сильно повлияли на такие аспекты, как рыночная доходность и условия, настроения инвесторов, особенно если они совпадали с периодическими потрясениями и кризисными периодами (к примеру, глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг., война цен на нефть между Саудовской Аравией и Россией в 2014–2015 гг. и пандемия *COVID-19*) (Richie, et al., 2021). В начале 2023 г. мир столкнулся рядом рисков, многие из которых уже знакомы мировому сообществу. Некоторые из рисков не являются новыми: «инфляции, кризисы стоимости жизни, торговые войны, отток капиталов с развивающихся рынков, широкомасштабные социальные волнения, геополитическая конфронтация и невидимая угроза ядерной войны» (Global Risks Report 2023). Однако быстрое и неограниченное развитие экономики, наряду с ростом глобальной нестабильности, чревато усугублением пагубных последствий для экосистем.

В период с 2013–2022 гг. мировые инвестиции в «зеленую» энергетику увеличились с 239 млрд долл. США в 2013 г. до 499 млрд долл. США в 2022 г., или на 108,8% (рис. 1). Доминирующие позиции занимали инвестиции в солнечные фотоэлектрические системы и береговая ветроэнергетика, которые составили 46% и 32 % от общего количества инвестиций соответственно.

Инвестиции в оффшорную, морскую, ветроэнергетику, возросли и составили 8% от общего объема, за ними следует солнечная энергия, инвестиции в которую составили 5%. Оставшиеся технологии возобновляемой энергетики, включая гидроэнергетику, биомассу и биотопливо, геотермальную и морскую энергию, привлекли в общей сложности 7% от общего

объема инвестиций в 2013–2022 гг., при этом значительная часть финансирования была направлена на развитие гидроэнергетики.

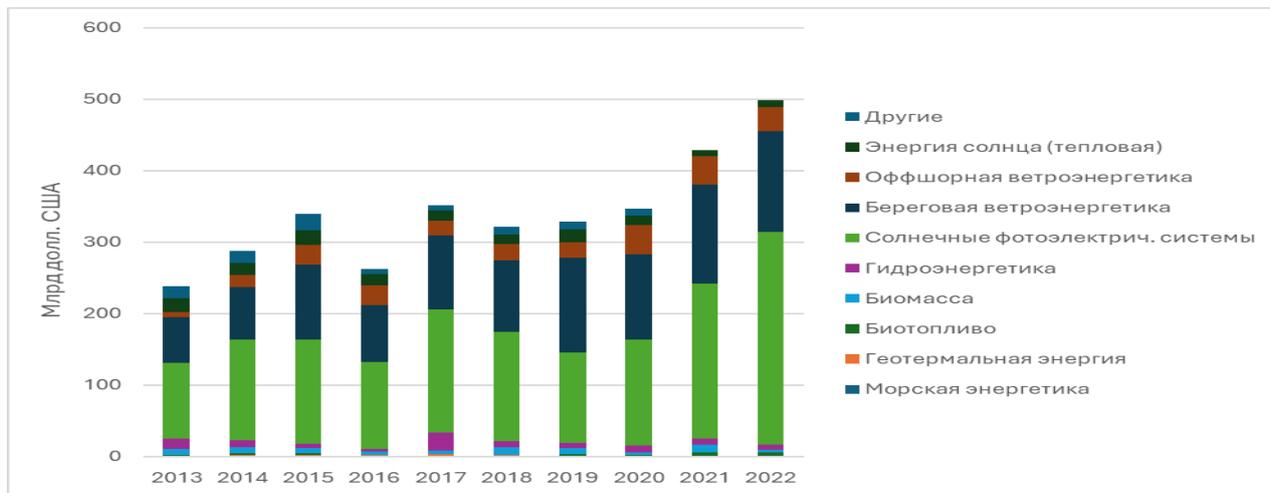

Рис. 1. Инвестиции в различные технологии ВИЭ в 2013–2022 гг., млрд долл. США
 Источник: составлено и рассчитано по: (Investment trends, 2023).

Очевидно, что необходимо привлечение инвестиций в менее зрелые, но востребованные в процессе энергетического перехода технологии возобновляемой энергетики. В 2022 г. инвестиции в солнечные и ветровые технологии возросли еще больше, составив 95% в общем объеме финансовых вложений.

При проведении сравнительного анализа глобальных энергетических инвестиций в ископаемое топливо и в чистые источники энергии, было выявлено, что первые сократились на 20,4%, или 269 млрд долл. в период с 2015 г. по 2023 г. А инвестиции в возобновляемую энергетику за аналогичный период возросли на 666 млрд долл., или 62% (рис. 2).

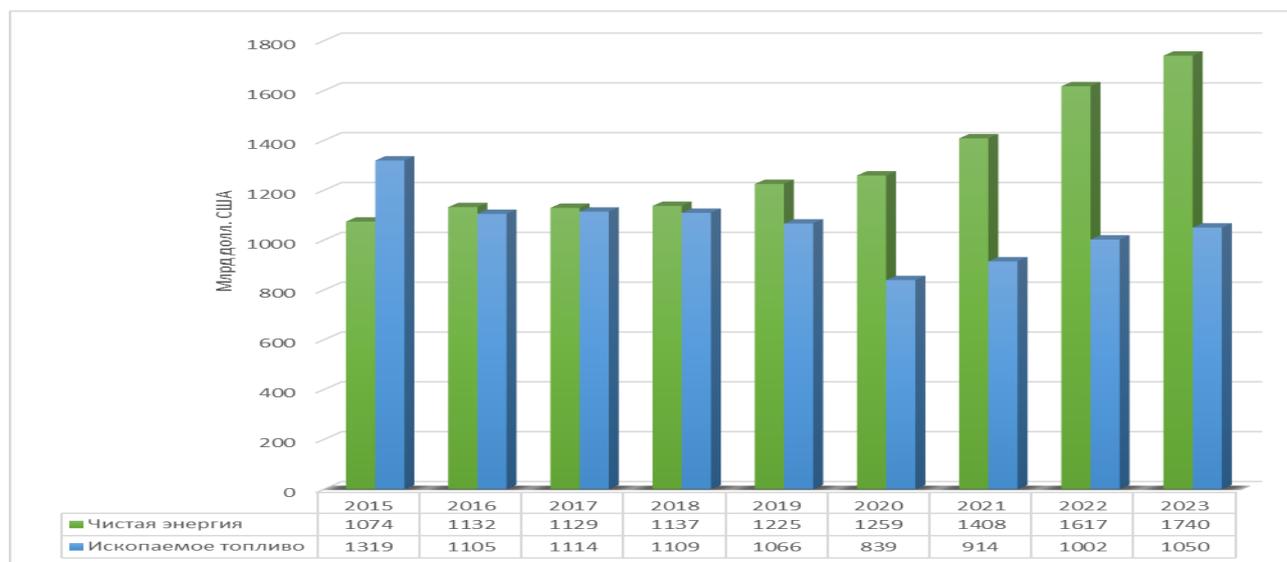

Рис. 2. Глобальные энергетические инвестиции в чистую энергетику и ископаемое топливо в 2015–2023 гг., млрд долл.

Источник: составлено по: (IEA World Energy Investment 2023).

Пандемия в большей степени сказалась на финансировании невозобновляемого топлива, которое в 2020 г. сократилось на 21,3% (227 млрд долл.) по сравнению с 2019 г. Разница в инвестировании «зеленой» энергетики и невозобновляемого топлива стала наиболее явно прослеживаться с 2020 г., когда инвестиции в ископаемое топливо резко снизились, а инвестиционный поток в чистую энергию продолжил свой рост.

Быстрое восстановление после пандемии, волатильность на рынках ископаемого топлива, а также ускорение принятия мер для выполнения планов климатической повесткой стали основными импульсами для развития чистой энергетики. По оценкам МЭА, ежегодные инвестиции в чистую энергетику в 2023 г. по сравнению с 2021 г. росли гораздо быстрее, чем инвестиции в ископаемое топливо — 24% против 15% (рис. 2).

Однако отметим, что финансирование ископаемого топлива в период после пандемии росло, хотя и медленными темпами: среднегодовой темп роста за последние четыре года составил 6, 29%. Это указывает на то, что ископаемое топливо, хотя и отошло на второй план у инвесторов, все же не потеряло своей актуальности (IEA World Energy Investment 2023).

Но, даже учитывая стремление мирового сообщества к минимизации использования невозобновляемого топлива ввиду ряда аспектов (ущерб для экологии в результате выбросов, увеличение цен на энергетических рынках по причине сокращения поставок Россией в ЕС ископаемого топлива и др.), нефть, газ и уголь продолжают доминировать в структуре энергопотребления последние 10 лет. Рассмотрим структуру энергопотребление в мире в 2012–2022 гг. (рис. 3).

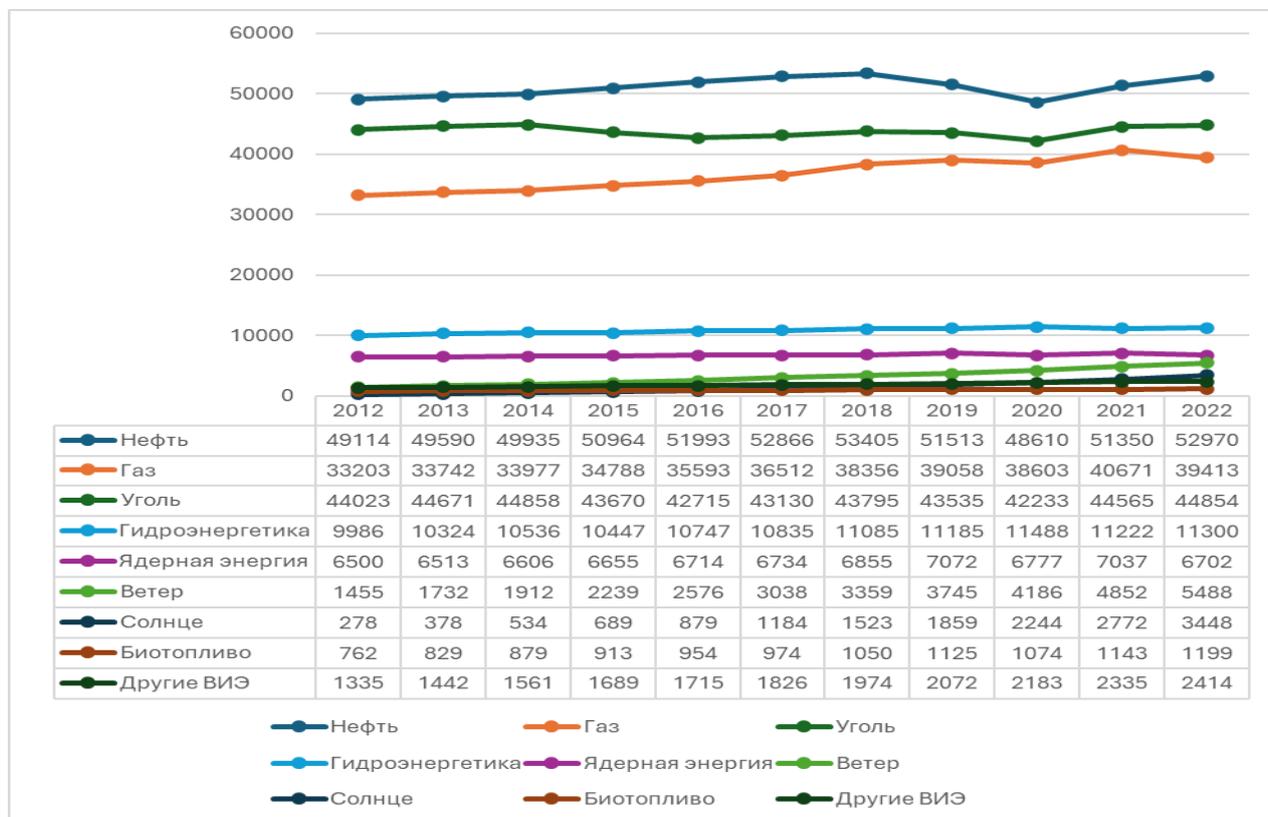

Рис. 3. Потребление энергии по источникам в 2012–2022 гг., Эдж
 Источник: составлено по: (Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2023).

Как видно из представленных данных, наиболее востребованным источником энергии в анализируемый период остается ископаемое топливо, а конкретно — нефть, газ и уголь, лидирующую позицию из которых занимает нефть. В период пандемии коронавируса энергопотребление ископаемого топлива резко снизилось. Так, потребление нефти в 2020 г. снизилось на 5,63% по сравнению с предыдущим годом; потребление газа — на 1,16%; потребление угля — на 2,9%.

Однако уже в 2021 г. показатели потребления невозобновляемого топлива вернулись к допандемическим значениям и даже возросли. Безусловно, разрыв в использовании ископаемого топлива и чистых источников энергии на данное время остается значительным несмотря на то, что многие страны предпринимают усилия по увеличению их использования.

Существует также уже упоминаемый нами разрыв Севера и Юга в использовании ВИЭ. Так, в 2012–2022 гг. доля потребления первичной энергии из низкоуглеродных источников преобладала в странах с уровнем дохода выше среднего и высоким (рис. 4).

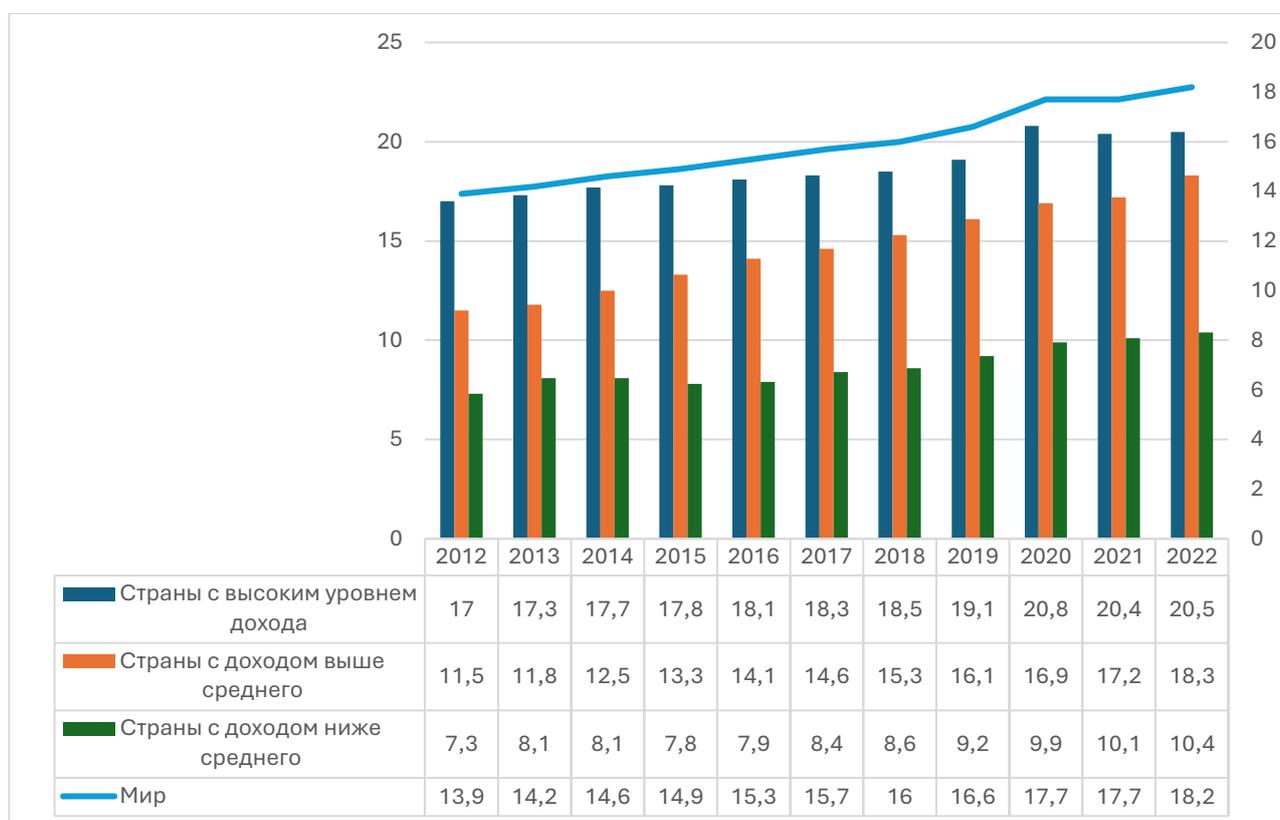

Рис. 4. Доля потребления первичной энергии из низкоуглеродных источников в 2012–2022 гг., %

Источник: составлено и рассчитано по: (Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2023).

Примечательно, что в период пандемии, когда потребление ископаемого топлива сократилось из-за геополитических кризисов и волатильности цен на энергетических рынках (рис. 5), потребление возобновляемой энергии возросло и составило 17,7% от общего потребления.

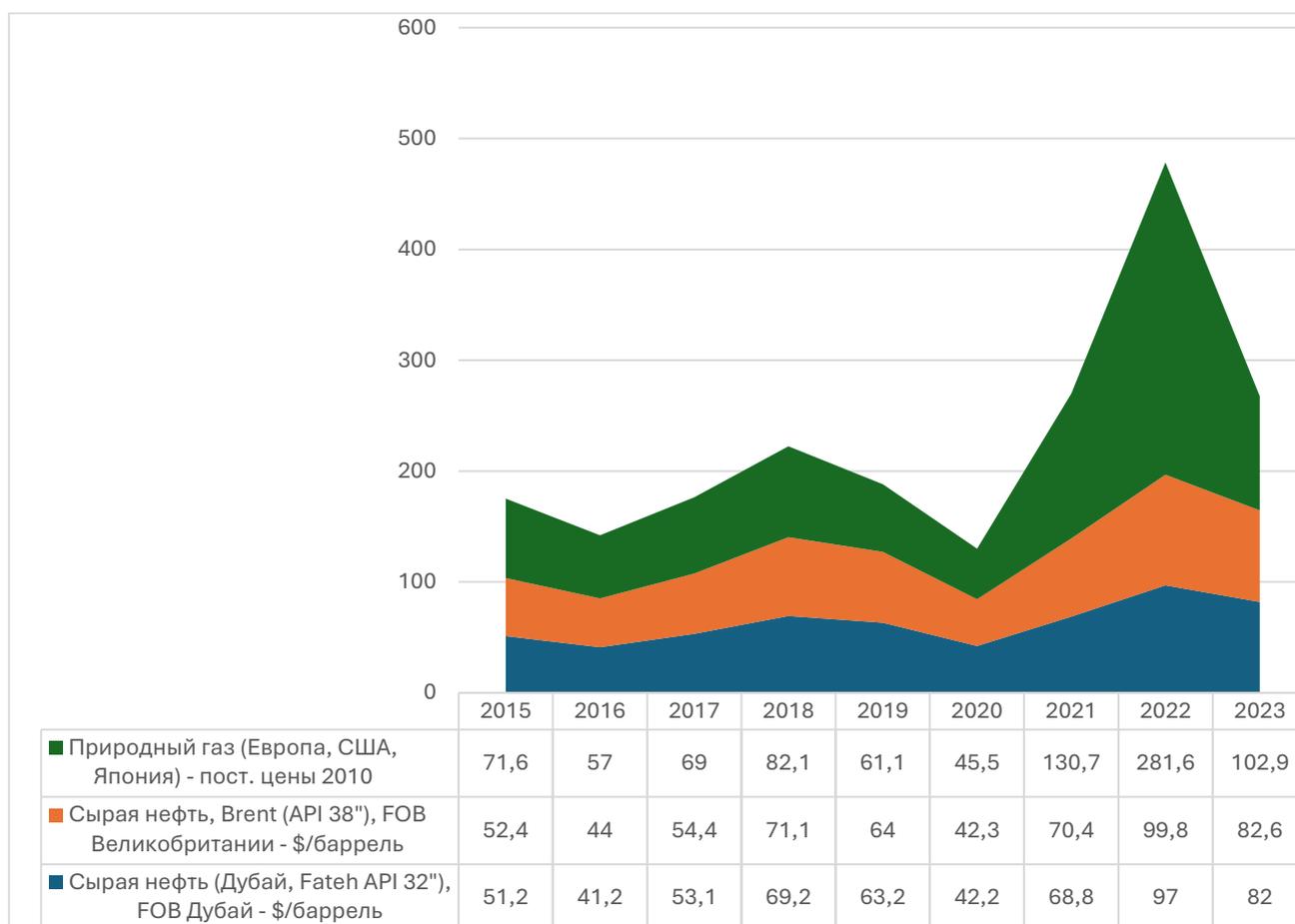

Рис. 5. Цены на ископаемое топливо (сырую нефть и природный газ) в 2015–2023 гг.
Источник: (UNCTADStat. Commodity prices, annual).

Однако доля низкоуглеродных источников по-прежнему отстает от того уровня, который необходим для выполнения климатических обещаний, данных большинством стран (COP27 Presidency).

По данным ЮНКТАД, наибольший рост цен на нефть и газ зафиксирован в 2022–2023 гг. (рис. 5). После стремительного сокращения цен в период пандемии (в 2020 г. цена на нефть *Fateh* снизилась на 33%, нефть *Brent* — на 33,9%, газ — на 30,4%) произошел резкий скачок цен в 2021 г.: *Fateh* вырос на 63%, *Brent* — на 66,4%, а природный газ — на 187,2%. Как мы видим, цены на природный газ возросли практически в два раза, что напрямую коррелирует с геополитическими изменениями и прекращением поставок российского газа на европейские рынки. Именно эти изменения на рынках энергоресурсов стали основным стимулом для быстрого роста мощностей возобновляемой энергетики.

Так, по данным отчета МЭА об обновлении рынка возобновляемой энергетики на июнь 2023 г., прирост глобальных мощностей ВИЭ составит 107 ГВт, что равно совокупной мощности Испании и Германии (IEA, 2023–2024). Рассмотрим динамику изменения чистого прироста мощностей возобновляемой энергетики в 2017–2024 гг.

На рис. 6 показаны два сценария чистого прироста мощностей ВИЭ на 2023 г. и 2024 г. — базовый и ускоренный. Базовый сценарий соответствует приросту сохранению тех темпов развития чистой энергетики, которые есть уже сейчас. Ускоренный сценарий составлен МЭА с учетом того, что нынешние меры в области возобновляемой энергетики будут расширены,

что обеспечит более быструю реализацию последних политик.

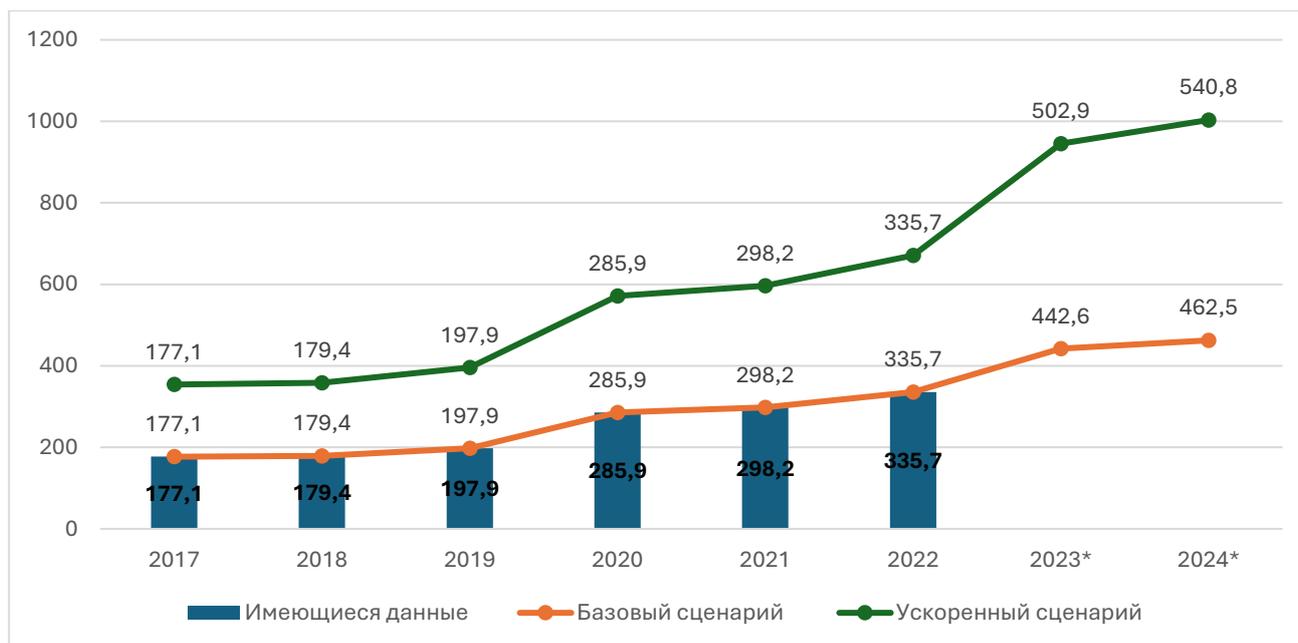

Рис. 6. Чистый прирост мощностей возобновляемой энергетики в 2017–2024 гг., ГВт
Источник: составлено и рассчитано по: (IEA. Renewable Energy Market Update, 2023–2024).

Учитывая усугубление проблем энергетической безопасности, сложности на рынках ископаемого топлива, а также необходимость выполнения климатических обещаний, ускоренный сценарий, на наш взгляд, является наиболее вероятным. При этом наибольший прирост мощностей в 2022–2023 гг. приходится на Китай (45%), который занимает лидирующие позиции в области солнечных фотоэлектрических систем. В 2023 г. Китай ввел в эксплуатацию столько же солнечных фотоэлектрических систем, сколько весь мир в 2022 г., а количество ветровых электростанций выросло на 66% в годовом исчислении (Renewables 2023), что делает Китай безусловным лидером в области возобновляемой энергетики.

Подводя промежуточный итог проведенному анализу, можно заключить, что возобновляемая энергетика развивается стремительными темпами, чему способствует геополитическая обстановка в мире в последние годы. Кризисные явления, негативно отразившиеся на ископаемом топливе, только ускорили развитие ВИЭ. Прогнозируется, что в дальнейшем имеющие тенденции сохранятся.

Макроэкономические последствия перехода к низкоуглеродной экономике

Несмотря на то, что геополитические кризисы последних лет несколько вытеснили климатическую повестку с поля зрения мирового сообщества, энергетический переход, мотивированный в том числе и ростом уровня выбросов парниковых газов (рис. 7), по-прежнему остается одним из актуальных вопросов на данный момент.

Смягчение негативных последствий глобального изменения климата выходит за рамки сугубо экологической повестки и тесно связано с приоритетными задачами государственной политики — «от укрепления энергетической безопасности до повышения

конкурентоспособности национальных компаний и развития более совершенных технологий производства» (Степанов, Галимова, 2021, с. 97). Энергетический переход от ископаемого топлива к ВИЭ, в процессе которого сейчас находится мировое сообщество, больше всего отразится на странах с сырьевой экономикой, к числу которых относится в том числе и Россия. Решение большинства проблем окружающей среды и энергетический переход в том числе зависят от того, сможет ли мировое сообщество пересмотреть свой взгляд на экономический рост и реализовать «зеленую» трансформацию в самом ближайшем будущем.

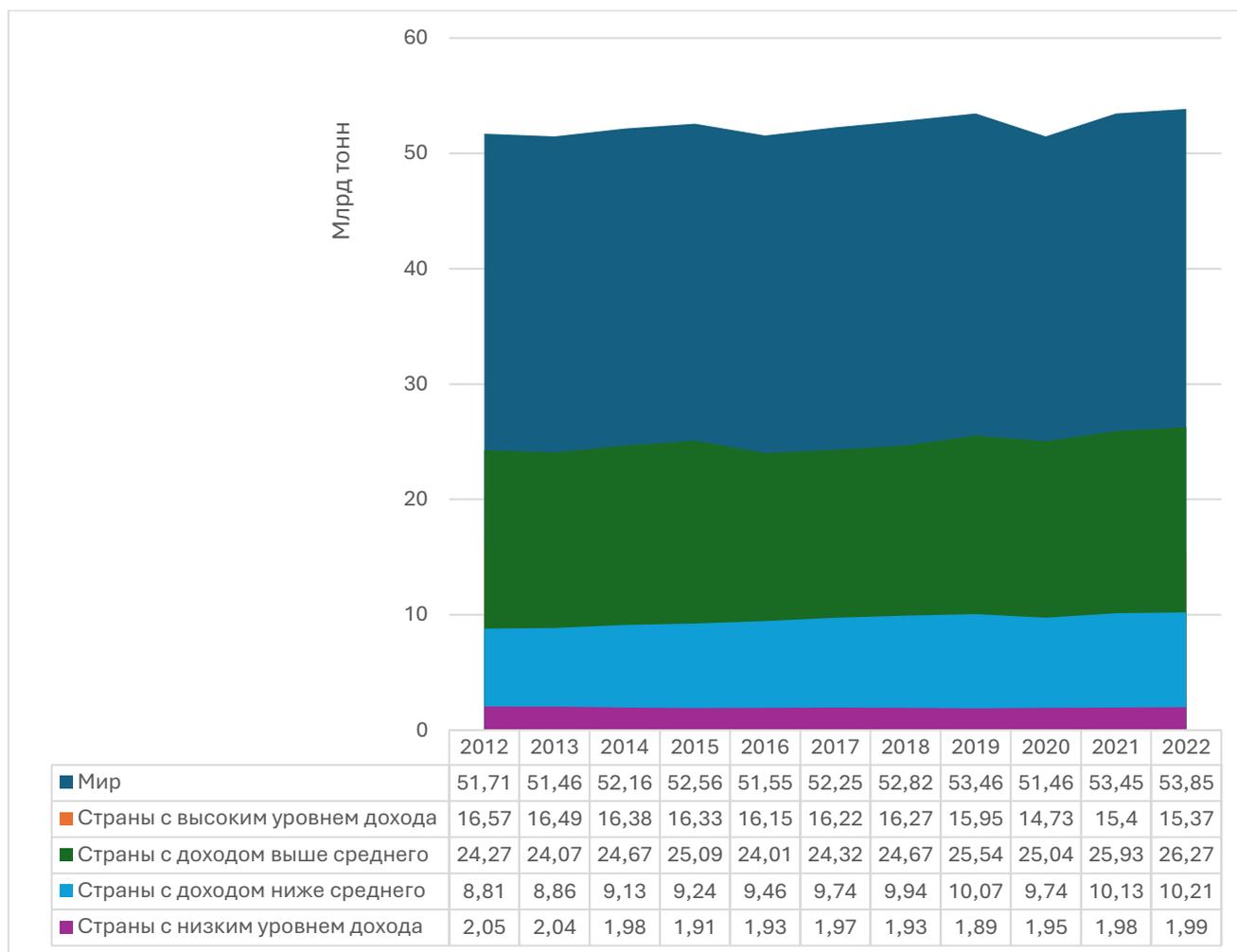

Рис. 7. Выбросы парниковых газов в 2012–2022 гг., млрд тCO₂э

Источник: составлено по: (Jones, et al., 2024).

В последние 20 лет распространенным становится применение рыночных инструментов политики для смягчения последствий климатических изменений (Market-based Instrument, МВИ) — инструментов ценообразования, не связанных с углеродом (см. рис. 7), и ценообразования CO₂, а также эффективных ставок на выбросы углерода. Так, в начале 2000-х гг. МВИ составляли менее 30% принятых инструментов политики, а в настоящее время они составляют более 50% (The Climate Action Monitor 2022). Одним из ключевых элементов экономически эффективной политики по сокращению парниковых газов и сдерживанию глобального потепления является энергетическое и углеродное налогообложение и система торговли квотами на выбросы (Emissions Trading System, ETS).

Развитие *ETS* значительно ускорилось с 2005 г., когда была введена система торговли квотами на выбросы ЕС (*EU ETS*). Последние исследования показывают, что международные углеродные рынки смогут снизить глобальные затраты на смягчение последствий для достижения *NDC* (*Nationally Determined Contributions* — национальные программы содействия) на 58–63% по сравнению со странами, достигающими этих целей в одностороннем порядке. Это будет означать экономию от 220 до 320 млрд долларов к 2030 г. (*The Climate Action Monitor 2022*).

Вторым инструментом снижения выбросов является система налогообложения. ОЭСР разделяет экологические налоги на несколько видов: явный налог на выбросы углерода; акциз на топливо; акциз на электроэнергию. Налоги на энергию способствуют энергосбережению путем сокращения потребления энергии гражданами и предприятиями (например, меньшее отопление зимой или переход на менее энергоемкие виды экономической деятельности). При этом «... компании, подписавшие добровольные соглашения о сокращении выбросов, получают право на соразмерное снижение налогов с максимальным снижением, достигающим 80%, в Швейцарии, Дании, Нидерландах и Соединенном Королевстве» (*Zhenlian, Solovieva, 2023*).

Взимание налогов стимулирует энергосбережение и повышение энергоэффективности, которое снижает количество энергии, необходимой для достижения того или иного результата (объемов производства продуктов, услуг, обеспечение комфорта и др.). Поэтому «...возможно, что (при прочих равных условиях) государства, установившие налог на использование энергии на более высоком уровне, сохранят более низкую энергоемкость своего ВВП. Согласно данным ОЭСР, существует отрицательная корреляция между налогами на энергию и энергоемкостью ВВП. Так, Швейцария и Дания имеют не только одни из самых высоких средних эффективных ставок налога на энергию, но и входят в число стран с самой низкой энергоемкостью ВВП» (*OECD. Taxing energy use 2019*). Однако отмечается, что, хотя и страны с более строгой климатической политикой имеют низкие показатели выбросов углерода, детерминантная связь между ними не установлена.

В международной практике применяется 2 метода установления налогообложения: когда налог взимается только в секторах, наиболее ответственных за выбросы парниковых газов, или более широкий подход. По данным Всемирного банка, широкий подход реализован в Японии, где с 2012 г. действует налог на смягчение последствий изменения климата, применяемый к выбросам CO_2 от сжигания ископаемого топлива во всех секторах, на которые приходится 75% всех выбросов (с некоторыми исключениями для промышленности, энергетики, сельского хозяйства и транспорта) (*World Bank. Carbon pricing Dashboard*). Секторальные воздействия будут зависеть от их углеродоемкости и степени, в которой отрасли смогут заменить топливо с более высоким содержанием углерода на топливо с более низким содержанием углерода.

Налог на выбросы углерода взимается с каждого вида ископаемого топлива (уголь, нефть, газ) пропорционально выделяемым при его сжигании выбросам CO_2 и зависит от энергии, производимой топливом. Это приводит к посленалоговому сдвигу в относительных ценах на различные энергоресурсы. По оценкам Мирового банка, «цены на углеводороды поднимутся на 60–70% по сравнению с ценами на возобновляемые источники. Это, в свою очередь, приведет к снижению спроса на ископаемое топливо примерно на 15% по сравнению с базовым уровнем, в том числе на уголь — на 35%» (*World Bank. Carbon pricing Dashboard*). Снижение спроса в свою очередь понижает мировые цены на ископаемое топливо, при этом

мировые цены на уголь падают примерно в два раза больше, чем цены на газ.

Подобная картина снижает рентабельность добычи угля и иных видов ископаемого топлива на экспорт, что ускорит отказ от использования угля (в первую очередь). Однако рост цен на энергоносители имеет и другой эффект: государства, стремясь защитить домохозяйства и фирмы от роста цен, увеличивают поддержку добычи угля, нефти и природного газа. Так, в 2021 г. в 51 крупной стране-производителе и потребителе энергии, на которые приходится 85% общемирового объема энергоснабжения и 88% выбросов углерода в результате сжигания топлива, государственное субсидирование ископаемых видов топлива почти удвоилось до 697 млрд долларов США по сравнению с предыдущим годом (The Climate Action Monitor 2022). Подобные политические меры противоречат ранее данным обещаниям постепенно отказаться от неэффективных субсидий ископаемого топлива.

Кроме того, к экономическим последствиям введения углеродного налогообложения относится временное повышение инфляции во всех странах и регионах. Причем инфляция выше в странах с развивающейся экономикой, чем в странах ОЭСР. Это складывается из ряда факторов, в том числе более высокой энергоемкости производства (особенно в России и Индии), более высокой зависимости от угля (особенно в Индии и Китае), сильного влияния цен на сырье на потребительские цены и более слабую привязанность инфляционных ожиданий. Например, внезапное повышение налога на углерод может привести к инфляции почти на 10% в России, но добавит менее 2% к инфляции в зоне евро и Великобритании.

Таким образом, масштаб последствий углеродного налогообложения для каждой страны будет зависеть от таких факторов, как: доля внутреннего дохода, получаемого от экспорта ископаемого топлива; энергоемкость производства; гибкость режима обменного курса; способность и скорость структурного перехода в экономике к низкому уровню. В краткосрочной перспективе экономисты ожидают снижения ВВП на 1–2% в большинстве стран при более значительном спаде в энергоемкой экономике России или Китая (Taxing energy use, 2019).

В 2021 г. более 40% выбросов парниковых газов в 71 стране покрывались ценами на углерод по сравнению с 32% в 2018 г. При этом средние цены на углерод в *ETS* и налоги на CO_2 выросли более чем в два раза и достигли 4 евро/ $\text{tCO}_2\text{-экв.}$ Повышение фактических цен на углерод может привести к значительному увеличению доходов государства при одновременном сокращении выбросов. Дополнительный доход играет важную роль в переходе к нулевому выбросу, когда требуются значительные затраты на корректировку способов производства и разработку и внедрение инновационных технологий. В отчете ОЭСР указано, что страны могли бы получить сумму, эквивалентную примерно 2,2% ВВП, если бы страны повысили цены на углерод до 120 евро/ $\text{CO}_2\text{-экв.}$ (это является средней оценкой цен на углерод, необходимой к 2030 г.). Важно отметить, что потенциал стран в получении доходов от налогов и *ETS* существенно отличается в разных странах: одни страны смогут увеличить доходы менее чем на 0,3% ВВП (Дания, Швейцария, Уганда, Коста-Рика), другие — более чем на 5% (Кыргызстан, Индия, Южная Африка) (Pricing Greenhouse gas emissions).

Странами также широко применяются *MBI* ценообразования, не связанные с выбросами углерода, однако степень их применения существенно отличается в странах-членах ОЭСР (табл. 1).

Судя по историческим данным, страны в основном использовали льготные тарифы или льготные надбавки в качестве инструментов поддержки возобновляемой электроэнергии. Некоторые из стран также в последние годы переместили финансовую поддержку со зрелых

технологий использования возобновляемых источников энергии (солнечные фотоэлектрические, ветровые) на менее зрелые технологии, включая оффшорный ветер, водород, хранение электроэнергии и др. Рыночные инструменты, не связанные с ценообразованием углерода, способствуют энергоэффективности и развитию возобновляемых источников энергии.

Таблица 1.

МВИ ценообразования без учета выбросов углерода в странах IPAC

Политика	Количество стран, принявших политику	Доля стран IPAC, принявших эту политику	Доля выбросов ПГ, охватываемая странами, принявшими политику	Сектор
Льготные тарифы на возобновляемую энергию	15	29%	12%	Электричество
Аукционы на возобновляемую энергию	14	27%	60%	Электричество
Стандарты портфеля возобновляемой электроэнергии с товарными сертификатами	13	25%	57%	Электричество
Доступные механизмы финансирования энергоэффективности	39	75%	80%	Промышленность
Доступные механизмы финансирования энергоэффективности	40	77%	79%	Здания
Плата за перегрузку (пробки)	4	8%	2%	Транспорт

Источник: составлено по: (The Climate Action Monitor 2022).

Оценка стоимости энергетического перехода важна еще и с той позиции, что нынешняя геополитическая ситуация, где Россия оказывается под санкционным давлением со стороны Европы, а также испытывает трудности в связи с «зеленой» политикой и введением цен на углерод. Несмотря на то, что в России различные ведомства занимаются разработкой долгосрочных стратегий по переходу к низкоуглеродной экономике, развитие ВИЭ протекает относительно медленными темпами (Героева, 2022). Необходимо отметить, что «Россия реализует лишь незначительную часть своего потенциала в области возобновляемой энергии, несмотря на наличие значительных и разнообразных ВИЭ (солнечной, ветровой, геотермальной, гидроэнергии и биомассы)» (Соловьёва, Бадалзода, 2024. С. 96).

На данный момент официальной оценки стоимости энергоперехода в России нет, однако рядом ведомств и исследователей предпринимались попытки озвучивания масштабов последствий перехода к низкоуглеродной экономике для нашей страны.

Так, на ВЭФ–2021 отмечалось, что, согласно проведенному исследованию, российский энергетический экспорт снизится на 170 млрд долл. к 2035 г. и на 192 млрд — к 2050 г. Российский бюджет понесет потери за счет сокращения доходов от экспорта углеводородов в размере около 5 трлн руб. к 2035 г., а доходы граждан в свою очередь могут снизиться на 14% (Греф спрогнозировал..., 2021). В общей сложности в экспертами Сбербанка было озвучено 6 ключевых рисков энергоперехода для России, среди которых: рост безработицы; падение экспортной выручки; утрата РФ позиций лидера на глобальных энергетических рынках; сокращение бюджетных доходов; возможное возникновение проблем у энергокорпораций при отсутствии их трансформации и дифференциации производства, вероятность их банкротства (Греф рассказал..., 2021).

Прогноз Минэнерго РФ более оптимистичен. Согласно этому прогнозу, несмотря на вероятные потери, у страны есть все возможности, чтобы нивелировать негативные последствия и обратить ситуацию в свою сторону. Эксперты Минэнерго предполагают, что такие риски, как потеря конкурентоспособности, снижение доходов, а также снижение ресурсной ренты, могут быть компенсированы за счет «ускорения монетизации нефтегазовых ресурсов путем экспорта для наиболее полноценной реализации потенциала в условиях сохраняющегося спроса на углеводороды» (Алиферова, 2021). Также необходимо ускорить развитие перспективных направлений, отвечающих принципам ESG: производство водорода, технологии улавливания углерода, нефтехимическая промышленность, диверсификация продуктовой линейки, развитие стимулов для развития энергоэффективности (Интервью П. Сорокина, 2021).

Еще одна из российских оценок энергоперехода была дана замминистром финансов В. Колычевым, который указал, что при реализации ускоренного сценария перехода к низкоуглеродной экономике «уже к началу следующего десятилетия объем ФНБ может упасть до 2–3% ВВП при условии, что бюджет останется сбалансированным, а секвестр расходов проводиться не будет» (Гринкевич, Катков, 2021). Другие министерства и ведомства также исследуют этот процесс, однако, как мы и отметили, однозначной официальной оценки стоимости энергоперехода для России на данный момент нет.

Подводя итог вышесказанному, можем заключить, что введение жестких мер по ускоренному сокращению эмиссии парниковых газов в мире и России имеет как положительные, так и негативные макроэкономические последствия. На данном этапе замедление экономического развития в результате интенсификации низкоуглеродного развития в сочетании с сокращением инвестиций в топливных отраслях и ускоренным ростом цен на электроэнергию на внутренних рынках должно быть компенсировано ростом капиталовложений в электроэнергетике и увеличением энергоэффективности производства в страны при ее низкоуглеродном развитии. В целом энергетический переход в масштабе мировой экономики в долгосрочной перспективе «может стать катализатором экономического развития, ускорив его». При условии реализации сценария достижения углеродной нейтральности к 2050 г. среднегодовые темпы роста глобальной экономики составят 1–2%, согласно прогнозу IRENA (Николаев, Точилкина, 2022).

Торговый протекционизм и слабая внутригосударственная поддержка ВИЭ как ключевое препятствие глобального энергетического перехода

Текущая климатическая повестка и уже начавшийся процесс энергетического перехода стали причиной разработки новых «зеленых» политик, которые предполагают принятие ряда мер, направленных на ускорение внедрения ВИЭ и сокращение использования ископаемого топлива. Пользуясь экономической классификацией ЮНКТАД, отметим, что нынешний политический вектор Глобального Севера, призванный ускорять инвестиции — государственные и частные — в производство ВИЭ, на практике тормозит процесс глобальной декарбонизации, ограничивая, по сути, как производство, так и экспорт «зеленых» товаров и услуг на Глобальном Юге. Двусмысленность трактовки международными организациями в рамках климатической повестки понятия свободной торговли позволяет развитым странам применять различные меры протекционизма в этой сфере.

Так, в статье 3.5 РКК ООН и статье 2.3 Киотского протокола указывается, что «меры, принимаемые для борьбы с изменением климата, не должны представлять собой средство произвольной или неоправданной дискриминации или скрытого ограничения международной торговли и должны осуществляться для минимизации негативных последствий, в том числе для международной торговли» (Tamiotti, et al., 2009; Najarzadeh, et al., 2021). С другой стороны, ВТО противоречит своему мандату о свободной торговле утверждением о том, что страны могут принимать связанные с торговлей меры, которые направлены на защиту окружающей среды и обеспечение устойчивого развития. Подобные противоречия и неоднозначность создают препятствия для глобального энергетического перехода, ускоряя процесс перехода в одних странах и замедляя в других.

Одна из самых значимых протекционистских мер, принятых Глобальным Севером, — это Закон о снижении инфляции США (*Inflation Reduction Act, IRA*) (*Inflation Reduction Act Guidebook*), направленный на преобразование промышленности США и повышение глобальной конкурентоспособности за счет протекционизма. *IRA* предусматривает инвестиционный пакет в размере 500 млрд долл., направленный на чистую энергию, смягчение последствий изменения климата и повышение устойчивости, сельское хозяйство, а также налоговые льготы и инвестиции, связанные с охраной окружающей среды. Фактически данный нормативно-правовой акт является субсидией для стимулирования внутреннего производства, разнозначной нетарифным барьерам. *IRA* задумывался как часть стратегии по ослаблению доминирования Китая. Взаимозависимость Китая и США, долгое время воспринимавшаяся как стимул экономического процветания, в данных условиях считается экономической уязвимостью и ставит США, учитывая преимущество Китая в секторе чистой энергетике и торговую зависимость США от КНР, в трудное положение (Radford, Ferreira, 2023). По этой причине главной задачей нынешней политики США является снижение рисков для американской экономики со стороны Китая.

Резкая критика *IRA* поступила со стороны Европейского Союза, где Закон США был принят как нетарифный барьер в торговле (*EU's response...*, 2023). В качестве ответной меры на *IRA* ЕС разработал промышленный план «Зеленая сделка» (*The Green Deal Industrial Plan*), который призван повысить конкурентоспособность европейской промышленности с нулевым уровнем выбросов и поддержать быстрый переход к климатической нейтральности. В рамках «Зеленой сделки» ЕС был предложен Закон о чистой нулевой промышленности (*The Net-Zero*

Industry Act, NZIA), который должен был обеспечить нормативную базу, которая будет способствовать расширению промышленных мощностей с нулевой чистой стоимостью, созданию базы для упрощенной и ускоренной выдачи разрешений, продвижения европейских стратегических проектов и принятию стандартов поддержки расширения масштабов производства и технологий на едином рынке (*The Net-Zero Industry Act*). Также «Зеленая сделка» способствовала принятию Закона о критическом сырье (*Critical Raw Materials Act, CRM Act*) и реструктуризации электроэнергии.

В Евросоюзе действует механизм регулирования углеродных границ (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*), который вводит сбор на импортируемые товары, равный внутренней цене на углерод, связанной с системой торговли выбросами ЕС (СТВ ЕС), в связи с этим все товары (как произведенные в ЕС и импортируемые в ЕС) сталкиваются с затратами на выбросы углерода. Однако ЕС предусматривается период поэтапного внедрения *CBAM* для декарбонизации. Согласно *CBAM*, в ЕС установлен высокий уровень барьера для импорта энергетических технологий и промышленной продукции с Глобального Юга (Ruiz, Kobl B, 2021).

Вышеназванные и другие протекционистские меры, безусловно, выгодны для «зеленых» секторов США и ЕС, однако они существенно замедляют энергетический переход других стран, а следовательно, снижают темпы глобальной декарбонизации. Важно отметить, что у стран Юга гораздо больший ресурсный потенциал для развития чистой энергетики, однако нет тех финансовых возможностей, которыми располагает Север. Последний отчет Комитета по финансам РКИК ООН, опубликованный в октябре 2022 г., показал, что глобальные потоки климатического финансирования составляли в среднем 803 млрд долл. в год в 2019–2020 гг., что на 12% больше, чем в период 2017–2018 гг. Однако на *COP27* отмечено, что сохраняется растущий разрыв между потребностями развивающихся стран и относительно небольшим объемом ресурсов, предоставляемых им (около 32% от требуемой суммы). К тому же по сравнению с финансированием других областей выделяемая на климатические цели сумма незначительна (*Fifth biennial Assessment ...*, 2022).

Заключение

В результате проведенного нами исследования мы приходим к следующим выводам.

Анализ основных показателей глобального рынка ВИЭ показал увеличение темпов роста возобновляемой энергетики за последние 5 лет, чему способствовало быстрое восстановление мировой экономики после пандемии, волатильность на рынках ископаемого топлива и ускорение принятия мер для выполнения планов климатической повесткой. Глобальный чистый прирост мощностей ВИЭ в 2022 г. увеличился на 89,5% (158,6 ГВт), при этом в 2024 г., по прогнозам, этот показатель возрастет еще на 61,1%. В структуре потребления за последние 10 лет по-прежнему лидирует ископаемое топливо, доля ВИЭ в общем объеме потребления на 2022 г. составляет 18,2%. Ежегодные инвестиции в чистую энергетику в 2023 г. по сравнению с 2021 г. росли гораздо быстрее, чем инвестиции в ископаемое топливо (24% против 15%). Безусловным лидером рынка в области «зеленой» энергетики является Китай, на который приходится 45% прироста мощностей ВИЭ в 2022–2023 гг.

Резюмируя, отметим, что в настоящее время необходимо повсеместное ускорение мер по достижению целей климатической повестки, включая переход к ВИЭ. Экономическая конкуренция и национальные интересы государств являются ключевыми движущими силами

декарбонизации, однако от стран требуется проявлять сдержанность в политике и максимальный уровень сотрудничества.

Список литературы

1. Алиферова Е. ВЭФ–2021. Россия готовится к глобальной ESG-трансформации, которая обернется потерей существенной части нефтегазовых доходов // Neftegaz. [Aliferova E. WEF–2021. Russia is preparing for a global ESG transformation, which will result in the loss of a significant portion of oil and gas revenues // Neftegaz. (In Russian).] URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/695492-vef-2021-rossiya-gotovitsya-k-globalnoy-esg-transformatsii-kotoraya-obernetsya-poterey-sushchestvennoy-chasti-neftegazovykh-dokhodov>
2. Героева А. (2022) ВИЭ в России: медленный рост // Ведомости. [Geroeva A. (2022) Renewable energy in Russia: slow growth // Vedomosti. (In Russian).] URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/science_and_technology/articles/2022/04/29/920410-vie-v-rossii-medlennii-rost
3. Греф спрогнозировал сокращение энергетического экспорта РФ на \$179 млрд к 2035 г. [Gref predicted a reduction in Russia's energy exports by \$179 billion by 2035. (In Russian).] URL: <https://www.interfax.ru/business/788324>
4. Греф рассказал, какой ценой миру и России дастся энергопереход к 2050 году. [Gref told at what cost the world and Russia will succeed in energy transition by 2050. (In Russian).] URL: https://tass.ru/ekonomika/12290455?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
5. Гринкевич Д., Катков М. (2021) Минфин оценил шоковый сценарий энергоперехода // Ведомости. [Grinkevich D., Katkov M. (2021) The Ministry of Finance assessed the shock scenario of the energy transition // Vedomosti. (In Russian).] URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/13/886495-minfin-energoperehoda>
6. Интервью П. Сорокина «Известиям» на ВЭФ-2021 // Министерство энергетики РФ. [P. Sorokin's interview to Izvestia at the WEF-2021 // Ministry of Energy of the Russian Federation. (In Russian).] URL: <https://minenergo.gov.ru/media/intervyu-pavla-sorokina-izvestiyam-na-vef-2021>
7. Николаев И., Точилкина О. (2022) Цена энергоперехода // Общество и экономика. № 9. С. 36–37. [Nikolaev I., Tochilkina O. (2022) The price of energy transfer // Society and economics. No. 9. Pp. 36–37. (In Russian).] DOI: 10.31857/S020736760021859-3
8. Соловьева Ю. Бадалзода С. (2024) «Зеленая» энергетика как тренд развития в мире и в России: перспективы и возможности // Россия и Азия. № 3(29). С. 89-103. [Solovieva Yu., Badalzoda S. Green energy as a development trend in the world and in Russia: prospects and opportunities // Russia and Asia. No. 3(29). Pp. 89-103. (In Russian).]
9. Степанов И. А., Галимова К. З. (2021) Цена на углерод: теория и практика регулирования выбросов парниковых газов // Вестник Московского университета: Серия 6. Экономика. № 4. С. 95–116. [Stepanov I. A., Galimova K. Z. (2021) The price of carbon: theory and practice of regulating greenhouse gas emissions // Bulletin of the Moscow University: Series 6. Economics. No. 4. Pp. 95–116. (In Russian).] DOI: 10.38050/01300105202165
10. COP27 Presidency: Addressing the climate crisis requires bold and rapid collective action. URL: <https://cop27.eg/#/presidency>
11. Energy Institute. Statistical Review of World Energy 2023: Population based on various sources 2023. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review>

12. EU's response to the US Inflation Reduction Act (IRA) // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/740087/IPOL_IDA\(2023\)740087_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/740087/IPOL_IDA(2023)740087_EN.pdf).
13. Fifth biennial Assessment and Overview of Climate Finance Flows // UNFCCC Standing Committee on Finance. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/J0156_UNFCCC%20BA5_2022_Report_v4%5B52%5D.pdf
14. Griffiths S., Sovacool B. K., Kim J., Bazilian M., Uratani J. M. (2022) Decarbonizing the oil refining industry: A systematic review of sociotechnical systems, technological innovations, and policy options *Energy Research & Social Science*. Vol. 89. Is. 10A. Art. 102542. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102542
15. Hassan Q., Viktor P., Al-Musawi T., Bashar M.A., Algburi S. (2024) The renewable energy role in the global energy transformation // *Renewable Energy Focus*. Vol. 48. Is. 12. Pp. 100545. DOI: 10.1016/j.ref.2024.100545
16. Hollaway L. C. (2013) Sustainable energy production: Key metrical requirements // In *Woodhead Publishing Series in Civil and Structural Engineering: Advanced Fiber-Reinforced Polymer (FRP) Composites for Structural Application*. Vol. 2. Pp. 675–701. DOI: 10.1016/B978-0-12-820346-0.00012-5
17. IEA World Energy Investment 2023. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2023/overview-and-key-findings>
18. IEA. Renewable Energy Market Update: Outlook for 2023 and 2024. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/63c14514-6833-4cd8-ac53-f9918c2e4cd9/RenewableEnergyMarketUpdate_June2023.pdf
19. IEA. Renewables 2023: Analysis and forecast to 2028. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/96d66a8b-d502-476b-ba94-54ffda84cf72/Renewables_2023.pdf
20. Inflation Reduction Act Guidebook // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/inflation-reduction-act-guidebook/>
21. Investment trends (2023) URL: <https://www.irena.org/Data/View-data-by-topic/Finance-and-Investment/Investment-trends>
22. Jones et al. (2024) National Contributions to Climate Change Due to Historical Emissions of Carbon Dioxide, Methane and Nitrous Oxide // Zenodo. URL: <https://zenodo.org/records/10839859>
23. Madarin D. (2021) Advantages and disadvantages of renewable energy sources utilization // *International Journal of Energy Economics and Policy (IJEPP)*. Vol. 11. Is. 3. Pp. 176–183. DOI: 10.32479/ijeep.11027
24. Najarzadeh R., Agheli L., Dargahi H. (2021) Kyoto Protocol and global value chains: Trade effects of an international environmental policy // *Environmental Development*. Vol. 40. Pp. 1659–1680. DOI: 10.1016/j.envdev.2021.100659
25. OECD. Taxing energy use 2019: Using Taxes for climate action. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/058ca239-en/1/3/2/index.html?itemId=/content/publication/058ca239-en&_csp_=733ba7b0813af580090c8c6aac25027b&itemIGO=oecd&itemContentType=book#section-d1e1745

26. Pricing Greenhouse gas emissions: Turning climate targets into climate action. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e9778969-en/index.html?itemId=/content/publication/e9778969-en>.
27. Radford J., Ferreira M. Does US Protectionism Jeopardize the Global Energy Transition? // IE University. URL: <https://www.ie.edu/insights/articles/does-us-protectionism-jeopardize-the-global-energy-transition/>
28. Richie Ma, Tao Xiong, Yukun Bao. (2021) The Russia-Saudi Arabia oil price war during the COVID-19 pandemic // Energy Economics. Vol. 102. Pp. 105517. DOI: 10.1016/j.eneco.2021.105517
29. Ruiz P., Kobl B. (2021) How much protection from carbon-intensive imports will CBAM give to EU industries? // Energy Post. URL: <https://energypost.eu/how-much-protection-from-carbon-intensive-imports-will-cbam-give-to-eu-industries/>
30. Tamiotti L., Kulaçoğlu V., Teh R., Olhoff A. Trade and Climate Change: WTO-UNEP Report. June 2009. DOI: 10.30875/6933d673-en
31. The Climate Action Monitor 2022: Helping Countries Advance Towards Net Zero. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/43730392-en.pdf?expires=1683016794&id=id&accname=guest&checksum=1D702CE7708373D2306291B46B865AA7>
32. The Net-Zero Industry Act: Accelerating the transition to climate neutrality // European Commission. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/industry/sustainability/net-zero-industry-act_en
33. Taxing energy use 2019: Using Taxes for climate action. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/058ca239-en/1/3/2/index.html?itemId=/content/publication/058ca239-en&csp_=733ba7b0813af580090c8c6aac25027b&itemIGO=oecd&itemContentType=book#section-d1e1745
34. WEF. Global Risks Report 2023 // URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf
35. World Bank. Carbon pricing Dashboard. URL: https://carbonpricingdashboard.worldbank.org/map_data
36. UNCTADStat. Commodity prices, annual. https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.CommodityPrice_A
37. Zeren F., Akkus H. T. (2019) The relationship between renewable energy consumption and trade openness: New evidence from an emerging economies // Renewable Energy. Vol. 147. Is. 3. Pp. 322–329. DOI: 10.1016/j.renene.2019.09.006
38. Zhenlian T., Solovieva Y.V. (2023) Policy analysis of EU countries under the carbon emissions trading system // Международная торговля и торговая политика. Vol. 9. No. 4 (36). Pp. 41–49. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-41-49.

International trade in renewable fuels

Alexey V. Chernikov,

PhD of Economic Sciences, Slavyanka LLC, Moscow, Russia.

The global renewable energy market is of growing interest to practitioners and theorists, as well as policy makers, as it is associated with the possibility (or inability) to reduce the threats of climate change and energy instability while ensuring sustainable development at the global and

country levels. The purpose of the article is to analyze the current features of international trade in renewable fuels and assess the future prospects for its development. The article analyzes the current state of the global renewable energy market, presents the macroeconomic consequences of the transition to a low-carbon economy, and examines the problems of trade protectionism as a key obstacle to the global energy transition. The author concludes that it is currently necessary to accelerate measures everywhere to achieve the goals of the climate agenda, including the transition to renewable energy sources. Economic competition and national interests of States are the key driving forces of decarbonization, but countries are required to exercise restraint in policy and maximize cooperation. The author focuses on the processes of energy transition and its importance in the Russian Federation and its possible results in the future. The article uses general scientific approaches of economic analysis, methods of statistical and comparative analysis, as well as the visualization method.

Keywords: *international trade, renewable energy sources (RES), green deal, hydrocarbons, climate change, global RES market, energy consumption.*

JEL codes: *F12, F18, F64.*

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES
AND TERRITORIES**

Инвестиционные источники экономических реформ в Саудовской Аравии

Бирюков Евгений Сергеевич⁴

В статье проанализированы инструменты инъекции капитальных инвестиций в экономику Королевства Саудовская Аравия, используемые в рамках национальной стратегической программы долгосрочных реформ «Видение 2030». Показано, что государственный бюджет служит одним из, но не основным инструментом инвестирования, так как Королевство Саудовская Аравия (КСА) реализует масштабную программу, направленную на перераспределение нефтяных активов в ненефтяные. Несправедливо было бы говорить и о полной идейной зависимости саудовских реформаторов от западных консультантов. В статье описаны особенности функционирования Государственного инвестиционного фонда. Автором показаны специфика современной политики, направленной на привлечение в национальную экономику прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и стимулы, предоставляемые иностранным инвесторам. Рассмотрено привлечение инвестиций государственных компаний в экономику в рамках программы Шарик (партнер). Обсужден вопрос о факторах начала саудовских реформ — финансовых проблемах с исполнением бюджета из-за его социальной ориентированности и политической воле саудовских властей. Автор приходит к выводу о том, что у саудовских реформ два катализатора — и экономическая обусловленность, и стратегический подход властей. Нынешний этап инвестиций в рамках программы Шарик можно рассматривать как часть социальных задач государственных компаний.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Видение 2030, Государственный инвестиционный фонд. ССАГПЗ, Мухаммед Бен Сальман.

JEL коды: E22, F21, G23, H54, P11.

За последние 60 лет, с начала 1960-х гг. по настоящее время, выручка шести аравийских монархий от продажи нефти составила немногим более 20 трлн долл. в текущих ценах. Основная часть этих средств освоена — путем социальных расходов, вложений в инфраструктуру и экономическое развитие, импорт вооружений, внешнюю помощь, потребление предметов роскоши. Однако часть средств размещена в виде различных инвестиций. Айдрус привела оценку о том, что в период до кризиса 2008 г. объем доступных для отслеживания зарубежных инвестиций аравийских монархий составлял 2,5 трлн долл. (Айдрус, 2009. С. 377). В настоящее время можно оценить имеющиеся финансовые средства аравийских монархий в размере около 5 трлн долл. Королевство Саудовская Аравия (КСА) реализует масштабную программу, направленную на перераспределение нефтяных активов в

⁴ *Бирюков Евгений Сергеевич* — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва; доцент, Университет науки и технологий МИСИС (НИТУ МИСИС), Москва, Россия.

нефтефтяные. Смысл этого заключается в том, Саудовская Аравия, оказавшись перед лицом рисков, связанных с зависимостью бюджетных доходов от нефтяной отрасли и просчитываемой в будущем ситуации, когда нефтедолларов будет не хватать для обеспечения социальных и других расходов бюджета, приступила к реализации стратегии перенаправления средств из нефтяных активов в инвестиции другие сектора экономики, прежде всего, сферу услуг, а также в инвестиционные активы. Источниками средств, как указал Бирюков (2024а. С. 147), выступают, во-первых, накопленные в предыдущие периоды авуары, во-вторых, активы компании «Сауди Арамко», в-третьих, текущие поступления нефтедолларов.

В рамках долгосрочной программы социально-экономического реформирования Саудовской Аравии «Видение 2030» (стартовала в 2016 г.) планируется за 2021–2030 гг. направить в экономику инвестиции в размере 12,4 трлн саудовских риалов (3,3 трлн долл.). Крупнейшими источниками, согласно приведенным Бирюковым (2024b) данным, станут следующие: средства саудовских компаний — 5 трлн риалов, Государственный инвестиционный фонд (ГИФ) — 3 трлн риалов, средства из бюджета и других внутренних источников — 2,6 трлн риалов, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) — 1,8 трлн риалов. Реформы, как отмечают Русакович (Русакович, 2017. С. 393), Бежанишвили (Бежанишвили, 2017. С. 126) и Шкваря (Шкваря, 2022. С. 5), позволят диверсифицировать экономику, в том числе за счет развития сферы услуг, а также укрепить позиции КСА в мировой и региональной экономике.

Финансирование капитальных затрат из бюджета

Бюджет Саудовской Аравии формируется таким образом, что львиную долю в нем составляют социальные расходы (более 50%). Как отмечает Шкваря (2023. С. 5), причины этого восходят к наличию негласного социального контракта между властями и подданными, а исторически, как писал Васильев (1982. С. 499), — к традиции распределения правящими кругами (до середины XX в. — шейхами племен) части доходов среди населения. Второй статьей расходов выступает импорт вооружений (около 20%). Также направляются средства на выплаты членам королевской семьи и внешнюю помощь.

В бюджете выделяются средства на капитальные затраты, в частности, на развитие инфраструктуры. Однако бюджетным приоритетом являются социальные расходы, а в случае их достаточности финансируется экономическое развитие. При этом для доходной части бюджета характерны достаточно резкие колебания по годам, вызванные мировой нефтяной конъюнктурой. В этой связи бюджет способен выступать одним из средств инвестирования экономического развития, но не способен быть ключевым механизмом принципиальной перестройки экономики.

В 2023 г. при расходах бюджета в размере 1164 млрд риалов ведущие статьи расходов составили: здравоохранение и социальное развитие — 250 млрд, оборона — 248 млрд, образование — 202 млрд. На инфраструктуру и транспорт, по данным *KPMG* (2024. Р. 19), было направлено 37 млрд риалов (около 10 млрд долл.), сюда относятся расходы на транспортную сеть, логистику, технологичные сектора, связь. В 2023 г. капитальные затраты бюджета составили 203 млрд риалов (16% доходов бюджета и 5 % ВВП).

В саудовской истории было два периода, когда в бюджетных расходах государства была высокая доля капитальных затрат — 1974–1985 гг. и 2006–2018 гг. Первый период

коррелирует с высокими нефтяными ценами, второй начался спустя несколько лет после роста цен (правительству потребовалось время, чтобы улучшить ситуацию с госфинансами, в т.ч. госдолгом). На рубеже 1970–1980-х гг., согласно статье Луни (Looney, 2024. P.9), доля инвестиций в инфраструктуру в расходах бюджета находилась на уровне около 25%, но затем, с падением нефтяных цен, резко снижалась, и уже в период 1990–2003 гг. составляла 7–8%, тогда как на социальные и на оборонные расходы приходилось (по отдельности) по 30–35% расходов бюджета. Второй раз рост капитальных расходов в бюджете начался в 2006 г., когда они составили около 30 млрд долл. и, согласно данным Сфакианакиса (Sfakianakis, 2015. P. 2), устойчиво росли до 99 млрд долл. в 2014 г — в эти годы бюджет как раз был инструментом осуществления капитальных инвестиций, а с 2014 г. объем капитальных затрат начал снижаться.

В 2017 г. произошел всплеск капитальных затрат в бюджете буквально на один год, но затем, при некотором росте общих расходов бюджета, капитальные затраты снизились. Это свидетельствует о том, что государство определило в качестве основных источников капитальных затрат иные, внебюджетные механизмы.

Государственный инвестиционный фонд

Сохранение положения, при котором экономика Саудовской Аравии функционирует при социально-ориентированном бюджете без каких-либо альтернативных идей, заведомо вело бы, как указал Бирюков (2024а. С. 148), к кризису в связи с постоянным ростом населения и, соответственно, необходимых социальных расходов, при неспособности государства их обеспечить. В этой связи власти Королевства были вынуждены запланировать и начать реализовывать структурную перестройку экономики и изыскивать другие, внебюджетные, механизмы ее финансирования.

Вторым, кроме бюджета, таким источником стал Государственный инвестиционный фонд. Эта структура была создана в 1971 г. и на протяжении долгого времени носила достаточно формальный характер «зонтика», аккумулировавшего акции ранее находившихся в полной государственной собственности компаний, но затем вышедших на фондовый рынок. Однако вместо прежней пассивной роли Фонда в экономике власти с середины 2010-х гг. в рамках программы «Видение 2030» наделили его новыми «полномочиями» — по инвестированию средств и формированию векторов развития экономики.

Саудовская Аравия аккумулирует нефтедолларовые авуары в Фонде для того, чтобы инвестировать их в ненефтяные активы. Это делается для структурной перестройки экономики, снижения рисков зависимости от одного товара и для формирования крупного направления доходов бюджета за счет процентов от инвестиций. Источниками пополнения средств в Фонд выступили активы Саудовского денежного агентства САМА (с 2020 г. – Центробанк) и Сауди Арамко. Долгое время у Саудовской Аравии, как указал Бирюков (2013b. С. 120) не было суверенного инвестиционного фонда (СИФ), тогда как другие аравийские монархии создали подобные институты. ЗВР, как указал Сетсер (Setser, 2007), хранились в облигациях (в основном, американских казначейских облигациях) и акциях. Как указали Дэвис и др. (Davis et al., 2001), отсутствие в руках Эр-Рияда СИФ неверно было бы оценивать исключительно в негативном ключе, т.к. в случае малых монархий не все нефтедоллары могли аккумулироваться внутри стран; тогда как в Саудовской Аравии, с кратно большим населением, с 1980-х гг. поступающие средства расходовались полностью.

Эти средства рассматривались в качестве «кубышки» для периодов низких цен на нефть (Arab News, 2013).

В 2008 г. в структуре САМА был создан СИФ (Коммерсантъ, 2008. С. 13), в том же году был, как показали Данилина (2011. С. 77) и Монтамбо (Montambault, 2022. Р. 747) выделен капитал для фонда Санабиль, который, впрочем, был небольшим в сравнении с другими СИФ. Теперь же Королевство формирует крупнейший СИФ в мире, согласно планам, активы под его управлением должны достичь 2 трлн долл. к 2030 г.

О нацеленности ГИФ, прежде всего, на инвестирование в национальную экономику, а не за рубеж (в отличие от большинства СИФ) говорят приведенные Аргаам (Argaam, 2024) данные, согласно которым в 2023 г. в активах фонда 20% составляли инвестиции за границу, а 76% — в саудовскую экономику (еще 3% приходилось на золотовалютные резервы). Фонд обеспечивает высокую доходность — 8,7% за 2017–2023 гг. За 2023 г. ГИФ создал 23 новые компании, что находится в русле одной из его ролей — создания новых секторов саудовской экономики.

Государственные компании

В экономике Саудовской Аравии доминирующие позиции, как указал Бирюков (Бирюков, 2016. С. 35) занимают государственные компании. Всего в Саудовской Аравии, как указал Халави (Halaoui, 2017. Р. 7) 135 государственных компаний. Важным элементом Национальной инвестиционной стратегии, являющимся крупнейшим из всех по объему инвестиций в экономику, стала программа Шарик [ар. — партнер], в рамках которой саудовские компании (в акционерном капитале большинства из них присутствует государство) должны сократить дивиденды, направляемые акционерам, и вместо этого инвестировать 5 трлн риалов за 2021–2030 гг. в саудовскую экономику. Таким образом государство сознательно отказывается от части доходов бюджета. Однако более приоритетным для него является создание фундамента для нефтяной экономики.

Традиционно в саудовской экономике государство наделяет государственные компании дополнительными функциями. На первых этапах развития экономики государственные компании обеспечивали инфраструктурное и промышленное развитие, производство основных товаров и услуг, занятость и выполнение других социальных функций. Государственные компании при поддержке правительств выступили пионерами развития многих отраслей — тяжелой промышленности, авиационных перевозок, недвижимости, транспорта, телекоммуникаций, что оказывало кумулятивный мультипликационный эффект на развитие других отраслей и экономики в целом и создало условия для развития частного сектора на современном этапе. К настоящему времени видение властями роли государственных компаний в экономике поменялось, но при этом отказа от самого наличия таких компаний не произошло. Если вначале они фактически являлись отраслеформирующими структурами, то затем добавились функции по выходу на внешние рынки (с целью доступа к технологиям через вхождение в капитал иностранных компаний) и по реализации социальных задач внутри аравийских монархий. Нынешний этап инвестиций в рамках программы Шарик можно рассматривать как часть социальных задач государственных компаний.

Привлечение инвестиций в страну

Важный, хотя не ведущий, источник капитальных затрат в саудовскую экономику — это иностранные инвестиции. На первоначальном этапе развития (в первой половине XX в.) — в момент концессий на геологоразведку и после открытия запасов нефти — они сыграли ключевую роль для старта развития Саудовской Аравии. Затем, при избытке средств у государства, иностранные инвестиции не играли ключевой роли. Доминирующим способом проникновения западных компаний в Саудовскую Аравию был импорт, а не ПИИ; иностранцы заинтересованы в доступе к потребительскому рынку страны, а также к промышленным контрактам; власти же страны долгое время были готовы закупать технику, и не делали акценты на ПИИ и локализацию. К настоящему времени приоритеты поменялись, и власти рассматривают иностранные инвестиции как дополнительный источник средств, необходимых для форсирования перехода к ненефтяной экономике, а как канал получения передовых технологий (Шкваря, Соловьёва, 2019).

На привлечение ПИИ направлен целый спектр программ и льгот, среди них Национальная инвестиционная стратегия, Программа региональных штаб-квартир, налоговые льготы. Так, Королевство поощряет транснациональные компании к переносу своих штаб-квартир на Ближнем Востоке на саудовскую территорию. Компании без таких штаб-квартир с 2024 г. не смогут заключать договора с органами исполнительной власти КСА или получать финансирование от государственных компаний. Зарегистрировавшимся компаниям, напротив, предоставляются льготы (Centuro Global, 2022).

В 2022 г. было создано Агентство содействия инвестициям MISA. Оно предоставляет различные преференции для компаний, намеревающихся инвестировать в Королевство, включая возможности займов, обеспечение доступа к инфраструктуре, предэкспортное финансирование и др.

Долгое время в Саудовской Аравии, как показали Бирюков и Бирюкова (2016, 2017), не было свободных экономических зон (ОЭЗ) — государство ориентировалось на создание иного типа структур — экономических городов.

Однако в контексте программы «Видение 2030» государство стало создавать ОЭЗ. В них иностранным компаниям предоставляются дополнительные льготы. Так, они в течение двадцати лет с момента создания платят налог на прибыль в размере 5%, а не 20%, кроме того, на пять лет освобождены от необходимости соблюдения квот на трудоустройство саудовских граждан в рамках программ саудизации. Инвесторам также предоставляются освобождение от налога на вывод прибыли, НДС, таможенных платежей.

КСА имеет успехи в привлечении ПИИ, однако показатели пока отстают от амбициозных планов. Программа «Видение 2030» поставила цель выйти к 2030 г. на привлечение 103 млрд долл. ПИИ в год, однако за 2021, 2022 и 2023 гг. этот показатель составил, соответственно, 23, 28 и 12 млрд долл., хотя это и существенно выше 2010-х гг., когда привлечение ПИИ составляло в среднем 5,8 млрд долл. в год. Небезынтересно, что в 2023 г., по данным ЮНКТАД (UNCTAD, 2024. Annex Tables) падал объем экспорта ПИИ из Саудовской Аравии — до 16 млрд долл. в год по сравнению с 25–27 млрд долл. в 2021–2022 гг. (UNCTAD, 2024). Это может указывать на ориентацию КСА на направление средств в национальную экономику.

Важное значение КСА, как показал Бирюков (2013с. С. 80) придает тому, чтобы занять в международном разделении труда место крупного финансового центра, а не только

экспортера энергоресурсов. Этому способствует размер аккумулированных нефтедолларов (Бирюков, 2013а. С. 189). В рейтинге глобальных финансовых центров компании Z/Yen за 2024 г. Эр-Рияд занял 63–е место по сравнению с 84–м местом годом ранее (Z/Yen, 2024. P. 5). При этом саудовская столица за год опередила Эль-Кувейт и Манаму. На развитие финансового центра направлен ряд мероприятий по развитию фондового рынка, включая проведение IPO, смягчение условий для иностранных инвесторов, наполнение рынка различными финансовыми инструментами, как саудовские государственные облигации и исламские ценные бумаги (Oxford Business Group; MacBride, 2018).

Основной катализатор реформы: экономическая ситуация vs стратегия саудитов

При рассмотрении изменения инвестиционной стратегии КСА заслуживает внимания вопрос о том, какой из факторов послужил спусковым крючком изменений — стратегическое видение, субъектность саудовских властей или вынужденная необходимость. В пользу экономической предопределенности говорит, во-первых, то, что саудовские власти в условиях кризиса, когда «на глазах» стало происходить истощение ЗВР, на практике увидели невозможность поддержания в долгосрочной перспективе статус-кво по использованию саудовских финансов. В моменте спрогнозировать, что низкие цены сохранятся на недолгий срок (только на 2014–2017 гг.) было невозможно, поскольку одним из факторов, влиявшим на рынок, был рост добычи сланцевой нефти в Северной Америке. При этом цена нефти в 2014–2017 гг., как указали Стокер и др., продолжала оставаться выше среднего уровня (в сопоставимых ценах) за 1970–2017 гг. (Stocker et al., 2018), что могло говорить в пользу дальнейшего снижения цен. Кроме того, для арабских властей политика начавшейся в 2015 г. строгой экономии ассоциировалась не с краткосрочным, а с длительным сохранением нефтяных цен на низком уровне в 1986–1999 гг. О том, что реформы были вызваны необходимостью, свидетельствует заявление Наследного принца Мухаммеда Бин Сальмана в интервью агентству *Bloomberg* о том, что саудиты поняли, что при сохранении расходов на уровне апреля 2015 г. Саудовская Аравия бы «полностью разорилась» в начале 2017 г. (хотя МВФ и другие внешние эксперты считали тогда, что валютные резервы были достаточны, чтобы пережить пять лет низких цен на нефть) (Bloomberg, 2016). Во-вторых, в пользу вынужденности реформ свидетельствует и то, что саудитам пришлось «резать» бюджет не в плановом, а в срочном порядке, уже после принятия: хотя по итогам 2015 г. дефицит бюджета составил 15% ВВП, в середине года, как указал Эллиот (Elliot, 2015), прогнозировался итоговый показатель в 21,6%. В-третьих, в кризис саудовские власти вынужденно приступили и к регулярному пересмотру капиталовложений (опять же, нарушавшему предыдущие планы), чтобы ликвидировать неэффективные траты и сократить государственные инвестиции. При первой стадии пересмотра была затронута деятельность пяти министерств и было остановлено финансирование незавершенных проектов стоимостью 100 млрд риалов (27 млрд долл.). Во время второй стадии анализировались проекты, суммарно стоившие гигантскую сумму в 1,18 трлн риалов (315 млрд долл.); какая часть из них была урезана не сообщалось; однако приводились данные, что капитальные инвестиции из бюджета сократились в 2016 г. по сравнению с 2015 г. почти вдвое — на 46%.

Однако при всей срочности и вынужденности (как стороннего фактора) корректировки модели, второй фактор — роль личности Наследного принца Мухаммеда Бен Сальмана в реформе — несомненно присутствовал. Во-первых, о необходимости корректировки

социально-экономического курса Саудовской Аравии говорилось еще с 1980-х гг. Так, рекомендации по приведению налоговой политики в соответствие с принятой на Западе практикой МВФ выпускал на протяжении десятилетий до саудовских реформ 2010-х гг. Например, ввести акцизные налоги Фонд призывал в своих комментариях о саудовской экономике в 2001, 2002 и 2003 гг., но решился на это только Наследный принц. Во-вторых, период низких нефтяных цен 2014–2017 гг. сменился ростом в 2018 г., таким образом, падение можно было переждать. У модели, заключающейся в перераспределении нефтедолларов в адрес все увеличивающегося населения есть свои объективные пределы, однако они наступают не при текущих (высоких) ценах и численности населения, а позднее. В предыдущие периоды снижения нефтяных цен саудовские власти также прибегали к экономии и декларировали реформы, но затем, после роста цен, происходил откат процесса реформирования. В этот раз было не так. В апреле 2017 г., при росте цен саудовские власти вернули выплаты населению на докризисный уровень (в кризис выплаты падали на треть), однако общий ход реформы продолжился (реформа налоговой системы, инвестиции в диверсификацию экономики, регулирование миграции) (с поправкой на то, что в 2017 г., при росте доходов, саудиты вернулись к социальным программам; а государственное инвестирование в экономику не сокращается, а растет — но эти факты говорят не об отказе от реформы, а о том, что она проводится не в соответствии с теоретическими догмами, а чтобы оказаться наиболее эффективной в саудовских условиях). В-третьих, в условиях кризиса власти занимались не только оперативным «тушением пожара» (что было бы аргументом в пользу вынужденности реформы), но и, сокращая расходы, одновременно предложили стратегию «Видение 2030».

Несправедливо было бы говорить и о полной идейной зависимости саудовских реформаторов от западных консультантов (новая налогово-бюджетная политика вводилась в 2016–2020 гг. на основе рекомендаций МВФ, а концепция «Видение 2030» разрабатывалась консалтинговой компанией *McKinsey*), поскольку по магистральным направлениям реформы саудиты сделали выбор, противоположный основанным на либеральных теориях рекомендациям консультантов: во-первых, МВФ, согласно данным Эллиота (Elliot, 2015) рекомендовал стерилизацию нефтедолларов в фондах, инвестирующих средства за рубеж, тогда как саудовские власти сделали акцент на инвестировании в национальную экономику. Во-вторых, западные эксперты массово называли саудовские реформы политикой тэтчеризма, ожидая приватизации, сокращения роли государства в экономическом регулировании, сокращения госрасходов. Однако от монетаризма (тэтчеризма) саудовские власти взяли только такие инструменты, как, во-первых, финансовый форсаж для ускорения капитальных вложений и, во-вторых, либерализацию некоторых сфер (скорость рассмотрения иностранных инвестиций, создание особых экономических зон, ряд корпоративных и инвестиционных законов). При этом в действительности экономическое развитие Саудовской Аравии происходит и с использованием основных постулатов кейнсианства, описанных Аганбегяном (Аганбегян, 2022). Происходят рост налогов; наращивание расходов бюджета, прибегая при этом к его дефициту; в целом государство концентрируется не на том, чтобы создать условия частным компаниям в ненефтяных секторах, а само создает и поддерживает государственные компании. В целом власти не стремятся придерживаться жесткой догматики, а выбирают те меры, которые видятся им необходимыми на практике, с учетом особенностей саудовской социально-экономической системы.

В сфере собственности действительно произошло некоторое перераспределение активов между организациями, но с точки зрения формы собственности это было не создание крупных частных компаний, а перекалывание активов из одного государственного кармана в другой, и основным результатом стал рост активов под управлением Государственного инвестиционного фонда.

Таким образом, у саудовских реформ два катализатора — и экономическая обусловленность, и стратегический подход властей. По значению и масштабности реформирования, наличию долгосрочного видения роль Наследного принца Мухаммеда Бен Сальмана приближается к роли Короля Фейсала (1964–1975), только Фейсал создал саудовскую модель, которая просуществовала около 60 лет, а Наследный принц — инициировал ее реформу (в период между 1962/1973 — 2016 гг. сопоставимых стратегических изменений в КСА не было). Значимым фактором является молодой возраст Мухаммеда Бен Сальмана, что предоставляет возможность по времени для реализации планов.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. (2022) Две главные макроэкономические теории Д. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России // Проблемы прогнозирования. № 5 (194). С. 9–20. [Aganbegyan A. (2022) The Two Main Macroeconomic Theories of Keynes and Friedman and Their Use in the Economic Policy of the World's Major Countries and Russia // Problemy Prognozirovaniya. Vol. 33. No. 5. Pp. 471–479. DOI: 10.1134/S1075700722050021 (In Russian).]
2. Айдрус И. А.-З. (2009) Экономическое взаимодействие России и арабского мира: факторы, проблемы, перспективы / Интеграция России в мировую экономику, под ред. Н. П. Гусакова. 2-е изд. М.: РУДН, 2009. С. 34–41. [Aidrous I. (2009) Economic cooperation between Russia and the Arab World: factors, problems, perspectives / Integratsiya Rossii v mirovuyu ekonomiku. No. 1. Pp. 34–41. (In Russian).]
3. Бежанишвили А. Д., Бирюкова О. В. (2017) Современные методы оценки международной торговли услугами // Международные процессы. Т. 15. № 1 (48). С. 126–142. [Bezhanishvili A., Biryukova O. (2017) Modern methods of international trade in services trade // Mezhdunarodnye protsessy. Vol. 15. № 1 (48). P. 126–142 (In Russian).]
4. Бирюков Е. С. (2016) Роль и место государственных компаний в экономике монархий Аравийского полуострова // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 1. С. 34–41. [Biryukov E. (2016) The Role and Place of State-Owned Enterprises in the Economy of the Monarchies of the Arabian Peninsula // Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom. No. 1. Pp. 34–41. (In Russian).]
5. Бирюков Е. С. (2013а) Роль финансов стран — членов ССАГПЗ в мировой экономике // Вестник университета. № 2. С. 189–195. [Biryukov E. (2013) The Role of Finance of the GCC Member States in the Global Economy // Vestnik universiteta. No. 2. Pp. 189–195. (In Russian).]
6. Бирюков Е. С. (2013b) Инвестиционные стратегии институциональных инвесторов: суверенные инвестиционные фонды vs эндаументы // Вестник МГИМО-Университета. № 6 (33). С. 117–126. [Biryukov E. (2013) Investment strategies of institutional investors: sovereign wealth funds vs endowment-funds // Vestnik MGIMO-Universiteta. No. 1. Pp. 117–126. (In Russian).]

7. Бирюков Е. С. (2013с) Создание финансовых центров // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2013. № 12. С. 080–097. [Biryukov E. (2013) Creation of financial centers // Nauchno-akademicheskii zhurnal Obozrevatel — Observer. No. 12. Pp. 080–097. (In Russian).]
8. Бирюков Е. С. (2017) Объем и направления зарубежных инвестиций стран ССАГПЗ // Экономика и предпринимательство. № 9–4 (86). С. 1115–1121. [Biryukov E. (2017) The Volume and Directions of Foreign Investments of the GCC Countries // Ekonomika i predprinimatelstvo. No. 9–4 (86). Pp. 1115–1121. (In Russian).]
9. Бирюков Е. С., Бирюкова О. В. (2016) Особые экономические зоны стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. № 11 (712). С. 28–33. [Biryukov E., Biryukova O. V. (2016) Special Economic Zones of the GCC Countries // Aziya i Afrika segodnya. No. 11 (712). Pp. 28–33. (In Russian).]
10. Бирюков Е. С., Бирюкова О. В. (2017) Особые экономические зоны стран ССАГПЗ // Азия и Африка сегодня. № 1 (714). С. 41–46. [Biryukov E., Biryukova O. V. (2017) Special Economic Zones of the GCC Countries // Aziya i Afrika segodnya. No. 1 (714). Pp. 41–46. (In Russian).]
11. Бирюков Е. С. (2024а) О корректировке социально-экономической модели Саудовской Аравии // Международная торговля и торговая политика. Т. 10. № 4 (40). С. 147–158. [Biryukov E. (2024) On the correction of socio-ekonomicheskoy modeli Saudi Arabia // Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika. Vol. 10. №4 (40). Pp. 147–158. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-5-23.
12. Бирюков Е. С. (2024b) Об экономических реформах в Саудовской Аравии // Экономика, предпринимательство и право. Том №14. № 12. DOI: 10.18334/epp.14.12.122399 [Biryukov E. (2024) On economic reforms in Saudi Arabia // Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. Vol. 14. №12. (In Russian).] DOI: 10.18334/epp.14.12.122399
13. Васильев А. М. (1982) История Саудовской Аравии (1745–1973 гг.). М. : Наука. [Vasilyev A. M. (1982) The History of Saudi Arabia (1745–1973). Moscow, Nauka. (In Russian).]
14. Гукасян Г. Л. (2017) Стратегии экономического развития стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Восточная аналитика. 2017. Вып. 4. С. 25–30. [Gukasyan G. (2017) Strategies of Economic Development of the Gulf Cooperation Council // Vostochnaya analitika. Is. 4. Pp. 25–30. (In Russian).]
15. Гукасян Г. Л. (2017) Экономическая трансформация в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива : проблемы и перспективы. Казань : Изд-во Казанского университета. [Gukasyan G. (2017) Economic Transformation in the Countries of the Gulf Cooperation Council: Problems and Prospects. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian).]
16. Как управляют суверенными фондами // Журнал «Коммерсантъ Власть». № 5. 11.02.2013. [Kak upravlyayut suverennyimi fondami // Zhurnal «Kommersant–Vlast». № 5. 11.02.2013. (In Russian).] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2122756>
17. Данилина М. В. (2011) Суверенный фонд благосостояния Саудовской Аравии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 14 (107). 2011. С. 73–80 [Danilina M. Sovereign wealth fund of Saudi Arabia // Natsionalnye interesy: priority I bezopasnost. №14 (107). 2011. P. 73–80 (In Russian).]
18. Русакович В. И. (2017) Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы

народов. Серия: Экономика. Т. 25. № 3. С. 393–404. [Rusakovich V. (2017) Economic development and diversification in the Persian Gulf countries // Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Ekonomika. Vol. 25. № 3. P. 393–404. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-393-404].

19. Шкваря Л. В. (2022) Социально-экономическое развитие Королевства Саудовская Аравия и его позиции в региональной экономике и торговле // Россия и Азия. № 6 (20). С. 38–50 [Shkvarya L. V. (2022) Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Korolevstva Saudovskaya Araviya i ego pozitsii v regionalnoi ekonomike i torgovle // Rossiya i Aziya. No. 4 (36). Vol. 9. Pp. 5–19. (In Russian).]

20. Шкваря Л. В. (2023) Страны Западной Азии в процессах международной трудовой миграции: особенности XXI века // Международная торговля и торговая политика. № 4 (36). Т. 9. С. 5–19. [Shkvarya L. V. (2023) The Countries of Western Asia in the Processes of International Labor Migration: Features of the XXI Century // Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika. No. 4 (36). Vol. 9. Pp. 5–19. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-5-19

21. Шкваря Л. В. (2021) Страны Персидского залива: современные тенденции экономического развития. Ялта. [Shkvarya L. (2021) Persian Gulf Countries: Modern Trends in Economic Development. Yalta. (In Russian).]

22. Шкваря Л. В., Соловьёва Ю. В. (2019) Трансфер технологий и инновационное развитие: Тенденции и перспективы стран Персидского залива. М: Ленанд. [Shkvarya L., Solovieva Yu. (2019) Technology Transfer and Innovative Development: Gulf Trends and Prospects. Moscow: Lenand (In Russian).]

23. Argaam (2024). PIF's AUMs leap 29% to SAR 2.87T, returns at 8.7% // Argaam. 19 August, 2024. URL: <https://www.argaam.com/en/article/articledetail/id/1749339>.

24. Bloomberg (2016) The \$2 Trillion Project to Get Saudi Arabia's Economy Off Oil // Bloomberg. April 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2016-04-21/the-2-trillion-project-to-get-saudi-arabia-s-economy-off-oil>. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2016-04-21/the-2-trillion-project-to-get-saudi-arabia-s-economy-off-oil>.

25. Centuro Global (2022) Saudi Arabia HQ Program — Key Considerations for Companies. 18 November. URL: <https://www.centuroglobal.com/article/saudi-arabia-regional-hq-program/>

26. Davis J., Ossowski R., Daniel J., Barnett S. (2001) Oil Funds: Problems Posing as Solution? // Finance and Development. 38(4). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2001/12/davis.htm>.

27. Elliot L. Oil price slump turns Saudi surplus into huge deficit, IMF report shows // The Guardian. 7 October 2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/07/oil-price-slump-turns-saudi-surplus-into-huge-deficit-imf-report-shows>.

28. Halaoui H. et al. Private-sector participation in the GCC. Riyadh: PWC, 2017.

29. KPMG (2024) Saudi Arabia budget report 2023. Ar-Riyadh: KPMG, 2024.

30. Looney R. (2004) The Saudi Arabian quandary: The economy's inability to sustain growth // METU studies in development. June. 2004.

31. MacBride (2018) Saudi Arabia is Stumbling in Its Efforts to Build a Global Financial Center // Gulf International Forum. URL: <https://gulif.org/saudi-arabia-is-stumbling-in-its-efforts-to-build-a-global-financial-center/>

32. Montambault Trudelle A. (2022) The Public Investment Fund and Salman's state: the political drivers of sovereign wealth management in Saudi Arabia // Review of International Political Economy. Vol. 30. Is. 2. Pp. 747–771. DOI: 10.1080/09692290.2022.2069143.
33. Oxford Business Group. URL: <https://gulrif.org/saudi-arabia-is-stumbling-in-its-efforts-to-build-a-global-financial-center/>
34. SAMA assets to protect economy from gyrations in crude prices // Arab News. 25 December, 2013. URL: <https://www.arabnews.com/news/498521>
35. Setser B. (2007) A Saudi investment authority? // Council on Foreign Relations. December 23. URL: <https://www.cfr.org/blog/saudi-investment-authority>
36. Sfakianakis J. (2015) Saudi Arabia — 2015 budget resilient in the face of lower oil prices. January 2015. L.: Ashmore.
37. Stocker M., Baffes J., Vorisek D. (2018) What triggered the oil price plunge of 2014-2016 and why it failed to deliver an economic impetus in eight charts // World Bank Blogs. 18 January 2018. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/developmenttalk/what-triggered-oil-price-plunge-2014-2016-and-why-it-failed-deliver-economic-impetus-eight-charts>.
38. UNCTAD (2024) World Investment Report 2024. Geneva: UNCTAD.
39. Z/Yen (2024) The Global Financial Centres Index 36. September. London: Z/Yen, 2024.

Investment sources of economic reforms in Saudi Arabia

Evgeny S. Biryukov,

- 1) *Institute for Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences (RAS IEF);*
- 2) *National University of Science and Technology MISIS (Moscow State Institute of Steel and Alloys), Moscow, Russia*

The article analyzes the tools for injecting capital investments into the Saudi economy used within the framework of the national strategic program for long-term reforms "Vision 2030". It is shown that the state budget serves as one of, but not the main, investment tools, as the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) is implementing a large-scale program aimed at redistributing oil assets to non-oil ones. It would be unfair to talk about the complete ideological dependence of Saudi reformers on Western consultants. The article describes the specifics of the functioning of the State Investment Fund. The author shows the specifics of modern policy aimed at attracting foreign direct investment (FDI) into the national economy and the incentives provided to foreign investors. The attraction of investments of state-owned companies into the economy within the framework of the Sharik (partner) program is considered. The issue of the factors of the beginning of Saudi reforms was discussed — financial problems with budget execution due to its social orientation and the political will of the Saudi authorities. The author comes to the conclusion that Saudi reforms have two catalysts — both economic conditionality and the strategic approach of the authorities. The current stage of investments under the Sharik program can be considered as part of the social tasks of state-owned companies.

Key words: *Saudi Arabia, Vision 2030, Public Investment Fund, GCC, Muhammad Bin Salman.*

JEL codes: *E22, F21, G23, H54, P11.*

Финансовое положение Японии и инструменты финансирования задолженности

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар⁵

Актуальность темы статьи обусловлена важной ролью Японии как одного из ключевых участников международной экономической, торговой и финансовой системы в современном мире. Цель исследования – выявить современные особенности участия Японии в мировой финансовой системе в условиях долгосрочной дефляции в японской экономике и инструменты финансирования национальной задолженности. В условиях глобализации и роста взаимозависимости субъектов хозяйствования, с одной стороны, и трансформации мировой экономики и смещения географии глобальных «точек роста», с другой, особое значение приобретает изучение опыта и практики Японии, где сохраняется ряд серьезных угроз, в формировании «защитных» механизмов своей национальной экономической, в том числе финансовой, системы от усиливающихся вызовов и рисков. Япония, которая на протяжении десятилетий сохранявшая, несмотря на жесткую ограниченность природных (ископаемых) факторов производства, а теперь постепенно уступающая свои позиции одного из мировых лидеров, демонстрирует уникальную модель участия в мировой экономической и финансовой системе, сочетая определенную открытость с защитой национальных интересов с помощью специфических инструментов, заслуживающих более пристального изучения. Поэтому, на наш взгляд, экономическая и налогово-бюджетная политика Японии, как и финансовая система в целом, нуждается в корректировке в соответствии с изменениями в экономической и социальной среде. В контексте современных вызовов анализ японского опыта представляет особый интерес для понимания механизмов адаптации национальной экономики к изменяющимся условиям мировой финансовой системы. Период исследования — 2014–2023 гг.

Ключевые слова: Япония, мировая финансовая система, внешняя задолженность, валютные колебания, мировой валютный рынок, мировой финансовый рынок, реформирование национальной финансовой системы Японии.

JEL коды: E22, E31, E43, E44.

⁵ Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Введение

Финансовое положение Японии вызывает пристальный интерес как исследователей, так и практиков. Будучи достаточно устойчивой к мировым, региональным и страновым угрозам, экономика Японии находится под пристальным вниманием государства как важного актора национальной социально-экономической системы (из-за долгосрочных дефляционных рисков и ожесточенного геополитического противостояния между полюсами однополярной и многополярной систем) совершенствуется и адаптируется к ним, особенно после принятия в 2017 г. Программы оценки финансового сектора (FSAP). Однако сегодня финансовая система страны находится, по мнению МВФ, «на критическом этапе в условиях меняющейся макроэкономической среды» (Japan financial sector..., 2024) — растут внешние финансовые риски, «надувается» финансовый «пузырь» в сфере недвижимости, снижается конкурентоспособность Японии на мировых рынках, растет количество банкротств и дефолтов (Thorbecke, 2023). Поэтому роль государства укрепляется, особенно в финансовой сфере Японии (Кумо, Коргун, 2021). Япония нуждается в наличии серьезного государственного участия и регулирования широкого круга хозяйственных процессов для устойчивого развития системы в целом и поддержания ее конкурентоспособности (Портер и др., 2005). К тому же у Японии, как отмечают многие исследователи, очень высокий государственный долг, что создает дополнительные проблемы экономике (Economic and political outline Japan, 2024), в стране осуществляется трансформация традиционной модели корпоративного управления (Тимонина, 2023), а также науки и инноваций (Швыдко, 2022), формируется новое видение стратегии безопасности (Стрельцов, 2023). Все эти процессы оказывают дополнительное давление на финансовую и банковскую системы, что требует повышенного внимания со стороны государства, выступая в то же время объектом анализа исследователей.

Цель статьи – выявить особенности участия Японии в мировой финансовой системе и инструменты финансирования национальной задолженности в современных условиях с учетом как долгосрочной дефляционной специфики Японии, так и растущей глобальной финансовой нестабильности и несбалансированности.

Результаты исследования

Япония: основные макроэкономические тенденции

Достигнув высокого уровня индустриального развития в XX в., Япония в настоящее время демонстрирует черты постиндустриального развития с преимущественной сервисизацией, но обеспечить устойчивый экономический рост экономике в XXI в. не удастся (табл. 1 и рис. 1).

Как видно из табл. 1 и рис. 1, Япония сегодня остается единственной экономикой, входящей в ТОП–5 стран мира по ВВП, которая демонстрирует снижение этого показателя на фоне дефляционных процессов в ее экономической системе. В то же время японские источники утверждают, что в 2024 г. имел место рост японской экономики, сохранение которого ожидается и в 2025 г., причем катализатором этого роста, как ожидается, выступит внутренний спрос (Japan's economic prospects for 2025, 2025).

Таблица 1.

ВВП Японии и других стран-лидеров мировой экономики в 2014–2023 гг., млрд долларов

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
США	17608	18295	18804	19612	20657	21521	21323	23594	25744	27361
КНР	10476	11062	11233	12310	13895	14280	14688	17820	17882	17795
ФРГ	3889	3358	3470	3691	3974	3889	3888	4279	4082	4456
Япония	4897	4445	5004	49361	5041	5118	5056	5035	4256	4213
Индия	2039	2103	2295	2651	2703	2836	2675	3167	3353	3550
Мир	79894	75360	76588	81551	86687	87946	85578	97527	101225	105435

Источник: составлено по данным UNCTAD.

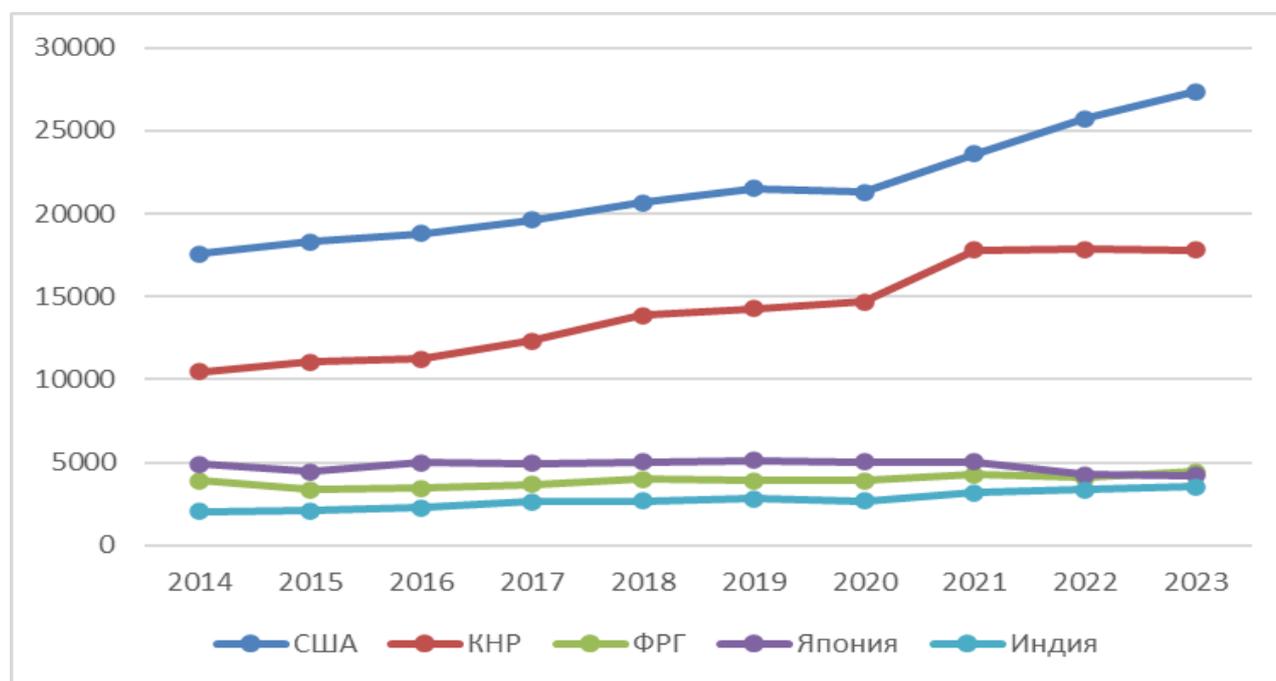

Рис. 1. ВВП Японии и других стран-лидеров мировой экономики в 2014–2023 гг., млрд долларов.

Источник: составлено по данным табл. 1.

Динамика дефляционных процессов представлена в табл. 2 и на рис. 2.

Таблица 2.

Показатели инфляции Японии и в странах мира с минимальным уровнем, 2014–2023 гг., %

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Япония	2,76	0,80	-0,13	0,48	0,99	0,47	-0,02	-0,23	2,50	3,27
Сейшелы	1,39	4,04	-1,02	2,86	3,70	1,81	1,20	9,77	2,63	-1,04
Бахрейн	2,65	1,85	2,79	1,39	2,09	1,01	-2,32	-0,61	3,63	0,07
Китай	1,92	1,44	2,00	1,59	2,07	2,90	2,42	0,98	1,97	0,23
Бруней-Даруссалам	-0,21	-0,49	-0,28	-1,26	1,03	-0,39	1,94	1,73	3,68	0,36
Мир	2,35	1,44	1,61	2,25	2,45	2,21	1,92	3,47	7,97	5,69

Источник: составлено по данным UNCTAD.

Из табл. 2 и рис. 2 видно, что Япония стремится решить проблему дефляции, но устойчивого успеха в этом вопросе пока не обретает.

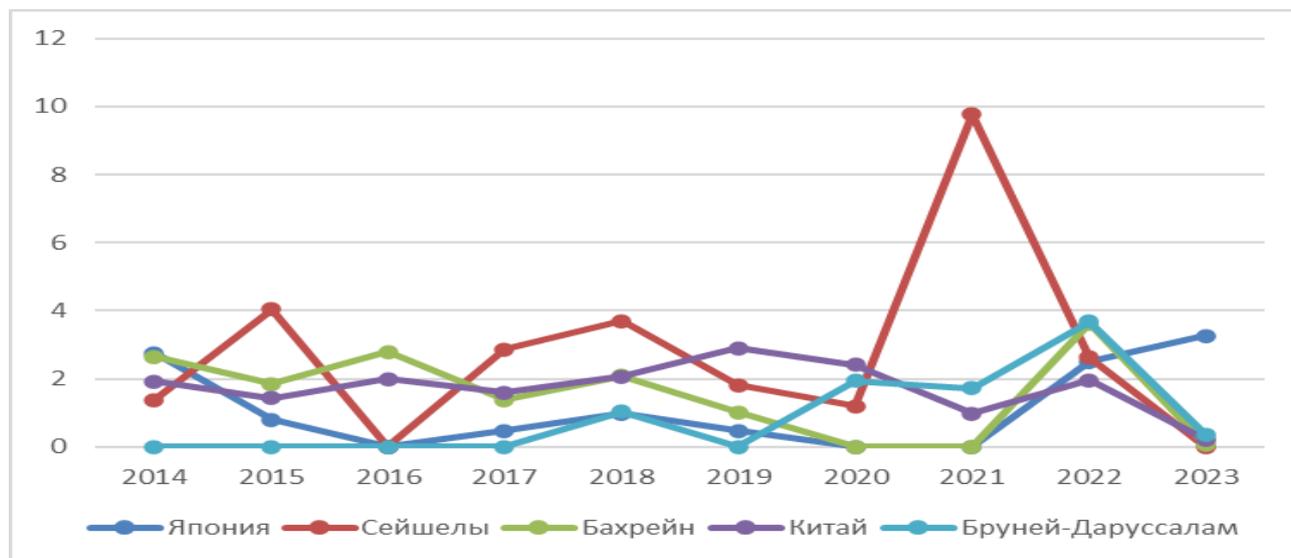

Рис. 2. Показатели инфляции Японии и в странах мира с минимальным уровнем, 2014–2023 гг., %.

Источник: составлено по данным табл. 2.

Сегодня в Японии банковская система представлена рядом банков (табл. 3), однако ни один из этих банков не входит в мировой ТОП–10 крупнейших банков мира (Top 10 Largest Banks..., 2024).

Таблица 3.

ТОП–10 крупнейших банков Японии, 2023 г.

Рейтинг	Наименование банка	Головной офис
1	MUFG	Токио
2	SMBC	Токио
3	Mizuho Bank / Банк Мидзухо	Токио
4	Resona Bank / Резона Банк	Осака
5	Kansai Mirai Bank / Банк Кансай Мирай	Осака
6	The Bank of Yokohama / Банк Иокогамы	Иокогама
7	Daishi Hokuetsu Bank / Банк Дайси Хокуэцу	Ниигата
8	The Shizuoka Bank / Банк Сидзуоки	Сидзуока
9	The Hokuriku Bank / Банк Хокурику	Тояма
10	The Juhachi-Shinwa Bank / Банк Юхачи-Шинва	Нагасаки

Источник: Mamchii, 2024.

Мягкая денежно-кредитная политика Японии позволяет государству оставаться в достаточно устойчивом положении, несмотря на мировые кризисы и растущую глобальную неустойчивость — во многом благодаря инновационным финансовым инструментам (Красных, Андреева, 2017).

Мы наблюдаем американскую кампанию в социальных сетях, особенно на платформе «X» (ранее известной как Twitter), в которой авторы косвенно обвиняют официальную Японию в крупномасштабных операциях в мировом банковском секторе, вплоть до того, что называют Японию крупнейшим валютным трейдером в мире (крупнейшим валютным кэрри-трейдером в мире). Японское правительство и связанные с ним учреждения, Банк Японии (Центральный), центральные и местные органы власти, государственные финансовые учреждения и пенсионные фонды ведут глобальную валютную торговлю, опираясь на огромные банковские резервы Японии, которые составляют 90% ВВП Японии, 56% из которых инвестированы в иностранные активы, считающиеся рискованными. В том числе без хеджирования рисков валютных колебаний, в которые инвестируются японские резервы в торговле, путем заимствования в валютах с низкими банковскими процентами и использования только что заемных средств для инвестирования в валюту с более высокими процентами. Финансовый сектор Японии имеет обширную базу вкладчиков в иенах, которые стремятся инвестировать свои сбережения за рубежом, чтобы получать более высокую прибыль (ввиду дефляционных процессов в стране). Это создает искусственный спрос на займы в долларах, что искусственно повышает цену доллара по сравнению с его реальной денежной стоимостью.

Процентная ставка по депозитам в Японии почти достигла нуля. Банк Японии в течение 17 лет удерживал банковскую ставку на нулевом или близком к нему уровне, пытаясь стимулировать инфляцию в условиях дефляции и надеясь сохранить более высокие темпы роста в одной из крупнейших экономик мира (Бок, 2002).

Однако спустя 17 лет банк решил отказаться от этой политики в пользу поддержки курса иены по отношению к другим валютам и в конце марта 2024 г. принял решение повысить краткосрочные процентные ставки с отрицательных 0,1% до 0–0,1%. А 31 июля 2024 г. банк вернулся к повышению ключевой процентной ставки примерно до 0,25% с нулевого диапазона примерно до 0,1%, чтобы ограничить падение курса иены по отношению к доллару США (Leika, 2024). Вот разница между процентной ставкой по депозитам (в иенах) в Японии и процентной ставкой по депозитам (в долларах) в США: ставка по депозиту на 6 месяцев, больше, но менее 1 года, составляет 5,30% против 0,20% в Японии, по депозиту на 1 год — 5,20% против 0,25%, на 2 года — 4,50% против 0,35%, на 3 года — 4% против 0,40%.

Некоторые трейдеры на денежном и валютном рынках в США утверждают, что торговля иенами и долларами является причиной популярности денежных рынков в Америке (то есть искусственной популярности). По их оценкам, объем валютных торгов в Японии составляет 4 трлн долларов, и даже некоторые рыночные источники говорят, что его объем может быть больше и что все идет к распаду. Они отмечают, что японское правительство распорядилось, чтобы японские учреждения продали свои иностранные активы, в том числе американские, в том числе казначейские облигации США (Япония возглавляет список стран-держателей), и вместо этого купили японские государственные облигации. Это дестабилизирует финансовые рынки США.

Но они признают, что в этом вопросе ФРС играет партнерскую роль. Его политика сохранения высоких процентных ставок в течение более длительного периода, чем ожидали рынки, усугубила ситуацию, сохранив разницу в процентных ставках, которая делает валютные операции привлекательными, что может привести к длительной неопределённости на рынке. Здесь также отмечается, что денежно-кредитная политика Банка Японии в последнее время связана с усилиями Банка Японии по управлению валютными и облигационными рынками, что влияет на попытки Америки привлечь иностранные инвестиции. Однако нет смысла ограничиваться перечислением возможных причин резких колебаний, которые наблюдались на рынке США в последнее время (в июле и августе 2024 г.), а также в политике Японии, которая играет на разнице в доходности валют (в частности, иены и доллара), чтобы использовать прибыль от инвестиций для выплаты своих долговых обязательств, которые являются крупнейшими в мире по объему валовой продукции. На рыночные колебания обычно влияет множество факторов, и объяснять их одной причиной — грубое упрощение. Существует сложная и многогранная интерактивная интеграция факторов валютной торговли (использование разницы в доходности валют на разных мировых рынках), экономических данных, политики центральных банков и настроений инвесторов. Поэтому инвесторам разумно внимательно следить за всеми традиционными экономическими показателями, а также за тенденциями в центральных банках, которые, помимо прочего, подразумевают возможность смягчения политики в отношении разницы в доходности валют, поскольку всё это может существенно повлиять на стабильность рынка в ближайшие месяцы.

Конечно, нет ничего плохого в том, что японское правительство направляет свои финансовые учреждения (Центральный банк Японии, центральные и местные органы власти, государственные финансовые учреждения и пенсионные фонды) на участие в мировой валютной торговле, используя огромные банковские резервы Японии и разницу между доходностью инвестиций в японской иене и доходностью инвестиций в других валютах (в частности, в долларах США). Это законная и неоспоримая практика доктрины свободных и открытых рынков. Однако если такая политика наносит ущерб стабильности других рынков, то Япония (или любое другое правительство, которое прибегает к политике захвата висящих гроздей винограда в ущерб своим незрелым гроздьям) становится мишенью для критики, особенно со стороны тех, кого затрагивает эта политика. Особенно если это союзники Японии. Поэтому не исключено, что кампания скептицизма и драматизации, которую недавно наблюдали в некоторых американских и британских СМИ в отношении состояния японской экономики, станет предупреждением и жестким ответом на действия японских финансовых учреждений на рынках Америки и Европы. Например, так поступил фонд «*Global Competition Review*» (Обзор глобальной конкуренции). Это американо-британское учреждение (со штаб-квартирами в Лондоне и Вашингтоне), специализирующееся на исследованиях в области глобальной конкуренции, права и политики в мире. Эксперты фонда заявили, что Япония находится на грани экономического краха после того, как ее инвесторы избавились от 10,6 млрд долларов, вложенных в ее финансовый рынок. Далее, утверждается, что после сильного удара, нанесенного 5 августа 2024 г. в результате публикации 2 августа 2024 г. данных Бюро по трудовым ресурсам США, которые показали рост безработицы на 0,2% до 4,3%, а также заявления Центрального банка Японии о повышении процентной ставки до 0,25% после 17 лет нулевого и отрицательного процентного кредитования, на мировых фондовых рынках воцарились опасения.

На самом деле, Япония сейчас столкнулась с неблагоприятным сценарием, поскольку отток инвесторов действительно имеет место, хотя и Япония вкладывает свои ресурсы в зарубежные страны (Волгина, 2024). Этот процесс привел к тому, что индекс *Topix* потерял 12% своей стоимости, показав худшие результаты с 1987 г., в то время как в Америке, Великобритании и Европе он снизился на 2–3%. В то же время японская иена начала восстанавливаться благодаря новой денежно-кредитной политике Банка Японии (Центрального). За почти месяц он вырос на 13% после того, как находился на самом низком уровне за 37 лет. Но это не показатель восстановления. События поставили Министерство финансов и Банк Японии перед сложным выбором: либо стабилизировать курс иены, либо предотвратить катастрофический обвал фондового рынка. Решение отдать приоритет иене привело к экономическим последствиям, которые повлияли на все аспекты жизни японцев. Банк Японии решил поддержать иену, пожертвовав фондовым рынком, поскольку индекс *Nikkei* зафиксировал второе по величине ежедневное падение за всю историю, опустившись на 2216,63 пункта — до 35909,70 — 2 августа 2024 г.

Эти резкие движения имеют последствия не только для японских инвесторов и компаний, поскольку финансовая мощь страны означает, что она может стать источником дальнейшей волатильности на напряженных мировых рынках, как пишет *The Economist*. Япония входит в группу из семи стран и в новую «многополярную» финансовую систему, созданную инвестиционными банками и управляющими активами, такими как *Goldman Sachs*, *BlackRock* и другими.

Японии также не удалось заставить мир признать доллар в качестве мировой резервной валюты (платежного инструмента, средства накопления для центральных банков и других банков, компаний и частных лиц, а также измерительного инструмента стоимости), что давало ей право печатать деньги без ограничений и брать кредиты без потолка. Таким образом, когда государственный долг Японии достигает 9,2 трлн долларов, то есть 263% ВВП Японии (данные за март 2023 г.; Japan: Country File..., 2024), это свидетельствует о наличии опасного «пузыря», который бесконтрольно растет, даже если ведущие японские экономические СМИ пытаются преуменьшить его значение на том основании, что большая часть японского долга номинирована в японских иенах и возвращается в собственность местных властей.

В то же время после краха японской модели во второй половине 1980-х гг., когда Япония была вынуждена повысить стоимость иены, потеря ее выигрышной модели (экспорта дешевых товаров) и зависимость от внешних долгов не прекратились, несмотря на запрет Банка Японии (центрального банка) в соответствии с законом о государственных финансах, принятым контролируемым правительством парламентом.

Заключение

На протяжении ряда десятилетий экономика Японии переживает жесткие финансовые проблемы, негативные последствия которых в условиях роста глобальной (финансовой) нестабильности серьезно возрастают, порождая глубокие системные риски для национального хозяйства. Поэтому, на наш взгляд, экономическая и налогово-бюджетная политика Японии, как и финансовая система в целом, нуждается в корректировке в соответствии с изменениями в экономической и социальной среде.

Во-первых, поскольку положительный сдвиг в сокращении разрыва в объеме производства неизбежен, фокус экономической политики должен сместиться со

«стимулирования спроса» на «укрепление потенциала предложения». Экономика Японии может добиться увеличения темпов роста, продвигая меры по повышению производительности (метаболизм экономики в целом, продвижение инноваций, расширение инвестиций в человеческий капитал). Такой подход представляется приоритетным.

Во-вторых, важно обеспечить финансовую устойчивость, учитывая перспективу увеличения выплат по национальным процентам и расходов на оборону. Повышение процентных ставок приводит к увеличению расходов на выплату процентов (таких как расходы по государственным облигациям) с разницей во времени. Более того, необходимы фискальные меры в областях, имеющих растущее глобальное значение, таких как оборона и безопасность. Необходимо укреплять разработку политики, основанной на фактических данных (EBPM), и стремиться к эффективному расходованию средств, чтобы сбалансировать поддержку для укрепления производственно-сбытового потенциала и финансовой устойчивости.

В-третьих, необходимо срочно пересмотреть налоговую систему и систему социального обеспечения, чтобы справиться со снижением рождаемости и старением населения, которые, как ожидается, станут еще более серьезными. В частности, в будущем ожидается дальнейшее увеличение расходов на медицинское обслуживание. Для повышения устойчивости системы социального обеспечения необходимо неуклонно продвигать институциональную реформу. Кроме того, поскольку рабочая сила сокращается из-за снижения рождаемости и старения населения, мы рассмотрим систему, которая подавляет мотивацию к труду, и сделаем налоговую систему и систему социального обеспечения нейтральными по отношению к стилю работы. Это будет способствовать оживлению экономики в средне- и долгосрочной перспективе за счет уменьшения беспокойства домохозяйств по поводу будущего.

Налаживание отношений с новой администрацией США также является неотложным вопросом для правительства.

Список литературы

1. Бок Зи Коу. (2002) Экономика Японии: какая она? М.: Экономика. 350 с. [Bok Zi Kou (2002) Japan's economy: what is it like? Moscow: Ekonomika. 350 pages. (In Russian).]
2. Волгина Н. А. (2024) Прямые иностранные инвестиции Японии, Южной Кореи и Китая в Чехии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 40. № 2. С. 300–321. [Volgina N. A. (2024) Foreign direct investments of Japan, South Korea and China in the Czech Republic // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. Vol. 40. No. 2. Pp. 300–321. (In Russian).] DOI: 10.21638/spbu05.2024.208
3. Красных С. С., Андреева Е. Л. (2017) Формирование финансовых инноваций в глобальной экономике и особенности финансовых инноваций на основе технологии BLOCKCHAIN / В сборнике: Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики. Сборник научных статей XV Международной научно-практической конференции молодых ученых. Ответственный редактор Ю. Г. Лаврикова. С. 336–338. [Krasnykh S. S., Andreeva E. L. (2017) The formation of financial innovations in the global economy and the features of financial innovations based on BLOCKCHAIN technology / In the collection: Development of territorial socio-economic systems: issues of theory and practice.

Collection of scientific articles of the XV International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. The responsible editor is Y. G. Lavrikova. Pp. 336–338. (In Russian).]

4. Кумо К., Коргун И. А. (2021) Стратегии экономического восстановления после пандемии COVID–19: опыт Республики Корея и Японии // Россия и современный мир. № 3. С. 88–113. [Kumo K., Korgun I. A. (2021) Strategies for economic recovery after the COVID–19 pandemic: the experience of the Republic of Korea and Japan // Russia and the Modern World. 2021. No. 3. Pp. 88–113. (In Russian).] DOI: 10.31249/rsm/2021.03.06

5. Портер М., Такеути Х., Сакакибара М. (2005) Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать? М.: Альпина Бизнес Букс. 262 с. [Porter M., Takeuchi H., Sakakibara M. (2005) The Japanese economic model: can Japan compete? Moscow: Alpina Business Books. 262 p. (In Russian).]

6. Стрельцов Д. В. (2023) О новой концепции национальной безопасности Японии // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 9–25. [Streltsov D. V. (2023) On the new concept of national security of Japan // Problems of the Far East. No. 2. Pp. 9–25. (In Russian).] DOI: 10.31857/S013128120025335-9

7. Тимонина И. Л. (2023) Проблемы реформирования корпоративного управления в контексте новой стратегии социально-экономического развития Японии // Японские исследования. № 2. С. 105–128. [Timonina I. L. (2023) The problems of reforming the entrepreneurial structure and business competitiveness in the modern strategy of socio-economic development of Japan // Japanese Studies in Russia. No. 2. Pp. 105–128. (In Russian).] DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-105-128

8. Швыдко В. Г. (2022) Политика правительства Японии в сфере науки и инноваций // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 34–48. [Shvydko V. G. (2022) The policy of the Government of Japan in the field of science and innovation // Problems of the Far East. № 2. Pp. 34–48. (In Russian).] DOI: 10.31857/S013128120019303-4

9. Economic and political outline Japan <https://santandertrade.com/en/portal/analyse-markets/japan/economic-political-outline>

10. Japan: Country File, Economic Risk Analysis (2024) URL: www.coface.com/news-economy-and-insights/business-risk-dashboard/country-risk-files/japan

11. Japan financial sector assessment program Financial system stability assessment / IMF Country Report No. 24/109. May 2024. International Monetary Fund Washington, D.C. 84 p.

12. Japan's economic prospects for 2025. The Kent Domoto Center for Politics and Economics (2025) URL: https://www.mri.co.jp/knowledge/opinion/2025/202501_3.html

13. Leika K. (2024) Bank of Japan scraps radical policy, makes first rate hike in 17 years. URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/japan-poised-end-negative-rates-closing-era-radical-policy-2024-03-18/>

14. Mamchii O. (2024) Which Are The Largest Banks In Japan. URL: <https://bestdiplomats.org/largest-banks-in-japan/>

15. Thorbecke W. (2023) Japanese Economic Performance after the Pandemic: A Sectoral Analysis // Journal of Risk and Financial Management. Vol. 16. Is. 5. Pp. 267. DOI:10.3390/jrfm16050267

16. Top 10 Largest Banks in the World 2024. URL: www.jagranjosh.com/general-knowledge/list-of-largest-banks-in-the-world-1706509334-1

17. UNCTADstat. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org>

Japan's financial situation and debt financing instruments

Al Sayyad Mohammed Jaffar

PhD (Economics), Advisor to Nogaholding, Manama, Bahrain.

The relevance of the topic of the article is due to the important role of Japan as one of the key participants in the international economic, trade and financial system in the modern world. The purpose of the study is to identify the current features of Japan's participation in the global financial system in the context of long-term deflation in the Japanese economy and instruments for financing national debt. In the context of globalization and the growing interdependence of business entities, on the one hand, and the transformation of the world economy and the shifting geography of global "growth points", on the other, it is of particular importance to study the experience and practice of Japan, where a number of serious threats remain, in the formation of "protective" mechanisms of its national economic, including financial, system. from the increasing challenges and risks. Japan, which for decades has maintained, despite the severe limitations of natural (fossil) factors of production, and is now gradually losing its position as one of the world leaders, demonstrates a unique model of participation in the global economic and financial system, combining a certain openness with the protection of national interests through specific tools that deserve closer study. Therefore, in our opinion, Japan's economic and fiscal policy, as well as the financial system as a whole, needs to be adjusted in accordance with changes in the economic and social environment. In the context of modern challenges, the analysis of the Japanese experience is of particular interest for understanding the mechanisms of adaptation of the national economy to the changing conditions of the global financial system. The study period is 2014-2023.

Keywords: *Japan, global financial system, external debt, currency fluctuations, global foreign exchange market, global financial market, reform of the national financial system of Japan.*

JEL codes: *E22, E31, E43, E44.*

Новая Зеландия: влияние интеграционного процесса в АТЭС на социально-экономическое развитие

Линецкий Александр Федорович⁶

Интеграционные процессы в экономических альянсах привлекают внимание исследователей, как и роль и положение отдельных государств-участников этих альянсов. АТЭС (Азиатско-тихоокеанский форум экономического сотрудничества) — одно из крупнейших в мире объединений (по количеству населения, производству ВВП и объему торговли). В условиях роста мегарегионализма актуализируется задача исследования интеграционных процессов и их эффективности с точки зрения влияния на национальные экономики стран-участниц. В статье изучены тренды экономического и социального развития Новой Зеландии как участницы АТЭС в 2012–2022 гг. Автором показано, что страна не выступает примером высокоэффективной и результативной экономики, занимая весьма незначительную долю в совокупной экономике АТЭС. Однако автор приходит к выводу о том, что Новая Зеландия имеет все возможности для того, чтобы нарастить свою долю в АТЭС и стать более значимым участником объединения. В статье применялись метод подбора, анализа и синтеза статистической информации, систематизация научных материалов, их интерпретация и обобщение, а также метод визуализации. Результаты исследования могут быть использованы при формировании интеграционной политики различных стран, в том числе и ЕАЭС.

Ключевые слова: АТЭС, Азиатско-тихоокеанский регион (АТР), Новая Зеландия, интеграционное объединение, региональная экономическая интеграция, мегарегионализм, социально-экономическое развитие.

JEL коды: F02, F15, F53, F53.

Введение

Исследование участия стран в системе международных торговых и экономических отношениях — важнейший аспект понимания глобальных процессов. Развитие мировых экономик напрямую зависит от международного сотрудничества. Оно влияет на большинство макроэкономических аспектов: от уровня занятости и благосостояния населения до общего экономического роста. Страны создают новые механизмы взаимодействия друг с другом для увеличения собственной эффективности, вследствие чего усиливается взаимозависимость экономик, особенно в рамках интеграционных альянсов (Шкваря, 2019).

Для обеспечения стабильного экономического развития государства стали прибегать к созданию интеграционных группировок и блоков. Одним из примером такого взаимодействия является Азиатско-тихоокеанский форум экономического сотрудничества (АТЭС), который

⁶ *Линецкий Александр Федорович* — доктор экономических наук, профессор Институт экономики УрО РАН, Отдел исследования региональных социально-экономических систем, Екатеринбург, Россия.

представляет собой обсуждение и решение вопросов, связанных с торговлей и сотрудничеством в регионе. Изучение роли интеграционных группировок помогает лучше понять механизмы их влияния на мировую экономическую систему.

Новая Зеландия — одна из стран, которая активно развивает международные связи и по праву считается одним из лидеров глобализации в регионе. Несмотря на то, что страна никогда не входила в список государств, определяющих состояние международных отношений и торговли, ее роль в формировании общего характера и содержания ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) значительна (Олейников, 2014).

Новая Зеландия тесно связана торговыми и экономическими отношениями практически со всеми странами АТЭС и сильно интегрирована в мировое хозяйство. Страна провела ряд реформ, которые сильно повлияли на экономическое положение страны и объемы международной торговли. Например, она первой из развитых государств заключило соглашение о свободной торговле с крупнейшим партнером по группировки — Китаем, в апреле 2008 г. (Белов, 2019). Помимо Китая, сильное значение в экономике страны играют отношения с двумя другими ведущими членами группировки — США и Австралии. Новая Зеландия поддерживает тесные связи с этими странами, однако доля Китая в экономике все больше затмевает доли традиционных союзников. Стоит отметить, что экономические и дипломатические отношения с США медленно утрачивают свою силу, в том числе из-за отказа Новой Зеландии присоединиться к коалиции против Китая. Можно предположить, что консолидация китайского влияния исходит из мирового противостояния между двумя крупнейшими державами, а контроль над тихоокеанским регионом позволит Китаю сменить статус гегемонии США.

Цель работы — определить особенность экономического положения Новой Зеландии в АТЭС, определить основные макроэкономические тенденции развития страны и перспективы ее углубления в интеграционную группировку.

Методы исследования — метод подбора, анализа и синтеза статистической информации, систематизация научных материалов, их интерпретация и обобщение.

Результаты исследования могут быть использованы при формировании интеграционной политики различных стран, в том числе и ЕАЭС.

АТЭС как форум сотрудничества

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) – международный экономический форум (не имеющий статус международной организации), созданный для развития интеграционных связей между странами азиатско-тихоокеанского региона. В его состав входит 21 экономика мира (на площадке форума запрещено использовать государственную атрибутику, а его членов принято называть экономиками), включая: Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, КНР, Республика Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили и Япония. Официальные наблюдатели в АТЭС — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Форум островов Тихого океана (ФОТО) и Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС) [8].

Создание в регионе организации экономического сотрудничества началось с 1967 г. посредством учреждения Тихоокеанского экономического совета (ТЭС). В 1968 г. была создана Тихоокеанская конференция по торговле и развитию (ПАФТАД). В 1980 г. появился

Совет по Тихоокеанском экономическому сотрудничеству (СТЭС). Все эти организации были неправительственными. Их создание отражало желание стран региона наладить тесное торгово-экономическое сотрудничество и заложило основу для появления АТЭС (Внешэкономбанк).

Форум АТЭС учрежден в ноябре 1989 г. по инициативе Австралии в Канберре и первоначально туда входили всего 12 стран: Австралия, Бруней, Индонезия, Канада, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Япония, Южная Корея. Россия (вместе с Вьетнамом и Перу) присоединилась к АТЭС в 1998 г. К тому времени в АТЭС уже была 21 экономика и общим решением был введен десятилетний мораторий на принятие новых членов, который действует до сих пор. Основными факторами, способствующими созданию группировки, послужила географическая близость, политическая воля участников, общие региональные проблемы, быстрый экономический рост стран АТР и необходимость в обеспечении стабильности в регионе.

Основные тенденции макроэкономического развития Новой Зеландии

Выявление современных тенденций макроэкономического развития Новой Зеландии внутри АТЭС предполагает анализ показателей, отражающих уровень текущего состояния государства в сравнении с лидерами интеграционной группировки. Для этого проведем анализ динамических данных за 2012–2022 гг. Для начала, рассмотрим показатель численности населения стран АТЭС.

Таблица 1.

Динамика численности населения стран АТЭС, 2012–2022 гг. (млн человек)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	4,4	4,5	4,5	4,6	4,7	4,7	4,8	5,0	5,1	5,1	5,2
Китай	1367	1376	1385	1394	1402	1410	1417	1422	1425	1426	1426
США	320,4	323,1	325,7	328,2	330,7	333,3	335,6	337,7	339,3	340,4	341,6
Индонезия	250,2	253,3	256,2	259,1	261,9	264,5	267,1	269,6	271,9	273,8	275,5
АТЭС	2813	2836	2858	2879	2899,8	2920	2938,9	2954,7	2967	2975	2982

Источник: составлено по: (UNCTADstat Total and urban population).

Численность населения Новой Зеландии за рассматриваемый период возросла на 16% или на 716 тыс. человек (табл. 1). Прослеживается тенденция постоянного повышения общего уровня численности из-за притока мигрантов. Рост населения происходит постепенно, без резких изменений. Общий прирост с 2012 по 2022 гг. составлял в среднем 2%, что говорит о хорошем демографическом состоянии страны. В 2020 г. населения Зеландии преодолело отметку в 5 млн человек. Это является самым быстрым миллионом в истории страны. В 2022 году зафиксировали рекордную численность — 5 185 000 человека. Главной причиной выделяют миграционные потери на фоне пандемии, одновременно с низким естественным приростом внутри страны (В Новой Зеландии зафиксировали...). Разрыв показателей со странами лидерами очень большой. Для сравнения, лишь в столице Китая — Пекине, численности людей в несколько раз больше, чем во всей Новой Зеландии, а по общему количеству населения показатель меньше в 273 раза. Преимущественно, это связано с географической изолированностью страны, ведь Новая Зеландия — одно из самых удаленных островных государств.

Рассмотрим долю каждой из стран в численности населения АТЭС (табл. 2).

Таблица 2.

Доля стран в численности населения АТЭС, 2012–2022 гг. (% от населения АТЭС)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	0,16	0,16	0,16	0,16	0,16	0,16	0,17	0,17	0,17	0,17	0,17
Китай	48,57	48,52	48,47	48,41	48,34	48,29	48,22	48,12	48,03	47,93	47,82
США	11,39	11,39	11,40	11,40	11,41	11,41	11,42	11,43	11,44	11,44	11,46
Индонезия	8,89	8,93	8,97	9,00	9,03	9,06	9,09	9,12	9,16	9,20	9,24
АТЭС	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: составлено по: (UNCTADstat Total and urban population).

Новая Зеландия занимает незначительное место в группировки, имея лишь 0,174% от общей численности. На протяжении всего рассматриваемого периода показатель растет, за 10 лет увеличение составило 0,017 п.п. В это же время Китай занимает около половины всей численности населения АТЭС — 47,82%, однако, показатель имеет отрицательную тенденцию, которая объясняется снижением темпов рождаемости и иммиграцией местного населения в развитые страны группировки, в том числе тихоокеанские (Новая Зеландия и Австралия) и западные (США, Канада). Наиболее значительным увеличением доли в АТЭС стала Индонезия. Ее показатель за 10 лет увеличился на 3,8% или 0,345 п.п., что связано с увеличением темпов рождаемости в регионе и эффективной политикой трансмиграции, позволяющая перенаправлять потоки населения в малонаселенные территории острова. Объем ВВП Новой Зеландии за рассматриваемый период увеличился на 38% или 67353 млн долл. США (табл. 3).

Как видно из табл. 3, прослеживается положительная тенденция увеличения общего потребления страны, без резких скачкообразных изменений (кроме 2021 г.), что следует из процессов постепенного повышения общего уровня жизни населения и экономики. Однако с 2017 г. рост замедлился.

Таблица 3.

Объем ВВП стран АТЭС, 2012–2022 гг. (млрд долл.)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	176	191	201	178	189	207	212	213	212	253	246
США	16356	16983	17711	18398	18909	19716	20757	21627	21426	23700	25858
Китай	8532	9570	10476	11062	11233	12310	13895	14280	14688	17820	17963
Япония	6272	5212	4897	4445	5004	4931	5041	5118	5049	5006	4232
АТЭС	43140	44106	45271	44656	45939	48815	52194	53645	53182	60477	62806

Источник: составлено по: (UNCTADstat, Real gross domestic product).

Такая тенденция связана во многом с замедлением активности строительных компаний в сочетании со спадом в сфере услуг (Рост экономики Новой Зеландии замедлился). С 2020 по 2021 гг. произошел резкий скачок объемов ВВП на 38237 млн долл. (18%). Это говорит о том, что Новая Зеландия быстро оправилась от экономических последствий пандемии *COVID-19*. Однако, уже в 2022 г. показатель снизился на 2,7% на фоне геополитических факторов и

общемировой рецессии. Темпы роста ВВП не такие большие как у ведущих стран АТЭС, однако стоит учитывать территориальную отдаленности, ее размер и численность населения, поэтому государству практически нереально будет достичь результатов лидеров в ближайшем будущем. Показатель ВВП в сравнении с США меньше в 105 раз, в то время как общий по группировке в 255 раз. Стоит отметить, что лишь у Японии ВВП сократился за 10 лет, на 2071 млрд долл. США. Это связано с последствиями мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. из-за чего Япония взяла курс на неизменность ключевой ставки взамен на девальвацию национальной йены (Почему Япония...).

В соответствии с этим, доля ВВП Новой Зеландии к общему валовому внутреннему продукту стран АТЭС крайне мала и составляет всего 0,39% на 2022 г. (табл. 4). Максимум зафиксирован в 2014 г., до возникновения мировых обострений и кризиса и составлял 0,44%. Исходя из данных, можно выявить отсутствие каких-либо изменений показателя относительно всего АТЭС. Странами-лидерами стали крупнейшие мировые державы — США, Китай и Япония. Разница с лидером (США) составляет 40,78 п.п. В ближайшем будущем, вероятно, ситуация не изменится, и Новая Зеландия продолжит занимать маленькую долю в АТЭС.

Таблица 4.

Доля стран в ВВП АТЭС, 2012–2022 гг. (% от ВВП АТЭС)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	0,41	0,43	0,44	0,40	0,41	0,42	0,41	0,40	0,40	0,42	0,39
США	37,91	38,50	39,12	41,20	41,16	40,39	39,77	40,32	40,29	39,19	41,17
Китай	19,78	21,70	23,14	24,77	24,45	25,22	26,62	26,62	27,62	29,47	28,60
Япония	14,54	11,82	10,82	9,95	10,89	10,10	9,66	9,54	9,49	8,28	6,74
АТЭС	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: составлено по: (UNCTADstat, Gross domestic product).

Можно заметить, что азиатские страны имеют значительные изменения за период: Китай увеличил долю на 8,82 п. п., а Япония уменьшила на 7,8 п. п., что говорит о переориентации лидера в азиатско-тихоокеанском регионе.

Текущий прирост ВВП Новой Зеландии составил –2,9% (табл. 5).

Таблица 5.

Темпы прироста ВВП стран АТЭС, 2012–2022 гг. (%)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	4,7	8,3	5,5	–11,5	6,1	9,4	2,6	0,5	–0,3	19,2	–2,9
Россия	7,9	3,8	–10,2	–33,8	–6,4	23,3	5,3	2,2	–11,8	23,0	22,0
Папуа — Новая Гвинея	18,4	–0,2	9,2	–6,4	–4,4	9,6	6,5	2,2	–3,6	9,5	21,1
Бруней	2,8	–5,0	–5,5	–24,4	–11,8	6,4	11,9	–0,7	–10,9	16,7	19,1
АТЭС	5,3	2,2	2,6	–1,4	2,9	6,3	6,9	2,8	–0,9	13,7	3,8

Источник: составлено по: (UNCTADstat, Gross domestic product)

Представленные данные говорят о сокращении деловой активности на острове за 2022 г. Наиболее резкие изменения происходили в смены экономических циклов: 2014 г. — падение на 11,5% из-за геополитических конфликтов в мире, 2021 г. — восстановление экономики после пандемии, увеличение на 19,2%, 2022 г. — возобновление геополитических конфликтов (–2,9%). За 10 лет показатель значительно видоизменялся у всех представителей альянса. Несмотря на снижение конечного потребления и индекса физического объема добавленной стоимости, экономика смогла показать сильную динамику роста через увеличение доли чистого экспорта до 12,7% и существенным ростом цен на экспортируемые топливно-энергетические товары (Росстат улучшил оценку...).

Этим же можно объяснить и значительные темпы прироста в Папуа — Новой Гвинее и Брунее, где экспорт топлива имеет преобладающую роль — 60,11% и 80,27% от общего экспорта страны соответственно (Статистическая база данных Международного торгового центра). Общий темп прироста ВВП по АТЭС имеет положительную динамику ежегодно, кроме 2015 и 2020 гг. Это говорит о стабильности экономического развития в регионе, а также о чувствительности к мировым негативным событиям, которые в последние полтора-два десятилетия становятся все более многочисленными и разнообразными, «затягивая» в рецессионные и даже депрессивные тенденции новые и новые страны, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Преобладающей в отраслевой структуре национальной экономической системы Новой Зеландии остается сфера услуг. На эту сферу приходится почти 2/3 от общего ВВП страны (табл. 6). Это, по сути, характерная черта для всех развитых экономик мира. Например, в США этот показатель занимает 80,5%, в то время как сельское хозяйство практически не представлено в отраслевой структуре — 1,1%. В Японии похожая ситуация, сельское хозяйство занимает 1%, а услуги — 70%. В таких странах в сфере услуг занята бóльшая часть всего населения. Текущие глобальные тенденции сводятся к преобладанию сферы услуг во всем мире, поэтому у Новой Зеландии, как у одного из лидеров глобализации, данная сфера также остается доминирующей в экономике, разница с мировой долей — 4,8 процентных пункта. В последнее время особую роль в сфере услуг занимает сектор туризма. В это же время доля промышленности и сельского хозяйства занимает 22,2% и 6,2% соответственно. За последние годы доли всех отраслей в общей структуре хозяйства значительно не менялись, однако в 2015–2016 гг. доля сельского хозяйства была значительно меньше, чем остальных отраслей.

На эти процессы значительное влияние оказало сокращение экспорта сельхозпродукции, в особенности уменьшение поставок молока и молочной продукции. Относительно всей АТЭС, то показатель схож с общемировым — услуги занимают 67,5%, промышленность — 28,7%, а сельское хозяйство — 3,8%. В основном данный показатель размыают развивающиеся страны, по типу Вьетнама, Таиланда, Папуа — Новая Гвинея и Бруней, в чьих экономиках в зависимости от региона преобладает либо сельское хозяйство, либо промышленность.

Таблица 6.

Отраслевая структура ВВП Новой Зеландии, 2012–2022 гг. (%)

		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	Сельское хозяйство	6,0	7,7	5,2	4,9	6,1	6,5	6,2	6,2	6,2	6,3	6,2
	Промышленность	22,9	22,1	23,3	23,1	22,0	22,4	22,2	22,2	21,5	20,7	21,4
	Услуги	71,1	70,2	71,5	72,0	71,9	71,2	71,6	71,6	72,3	73,1	72,3
США	Сельское хозяйство	1,1	1,3	1,1	1,0	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	1,0	1,1
	Промышленность	19,7	19,8	19,9	19,1	18,5	18,4	18,8	18,3	17,5	17,8	18,4
	Услуги	79,2	78,9	79,0	80,0	80,7	80,7	80,4	81,0	81,7	81,3	80,5
Китай	Сельское хозяйство	9,7	9,6	8,9	8,7	8,4	7,8	7,4	7,5	8,0	7,6	7,7
	Промышленность	45,5	44,2	43,5	41,0	39,8	40,0	39,9	38,8	38,0	39,4	40,1
	Услуги	44,8	46,2	47,6	50,3	51,9	52,2	52,8	53,8	54,0	53,0	52,3
Япония	Сельское хозяйство	1,1	1,1	1,0	1,0	1,1	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	1,0
	Промышленность	26,7	26,8	27,5	28,8	28,7	29,0	29,2	29,0	29,1	28,9	29,0
	Услуги	72,2	72,1	71,5	70,2	70,1	69,9	69,8	70,0	69,8	70,2	70,0
АТЭС	Сельское хозяйство	3,8	4,0	3,8	3,8	3,6	3,5	3,4	3,4	3,7	3,8	3,8
	Промышленность	29,4	29,4	29,4	28,4	27,8	28,2	28,6	27,9	27,4	28,5	28,7
	Услуги	66,8	66,6	66,7	67,8	68,6	68,2	67,9	68,6	68,9	67,8	67,5

Источник: составлено: (UNCTADstat, Gross domestic product).

Показатель ВВП на душу населения Новой Зеландии за рассматриваемый период имеет тенденцию к ежегодному увеличению, причем на 2021 г. можно заметить рекордный рост на 7394 долл. (табл. 7).

Таблица 7.

Объем ВВП на душу населения стран АТЭС, 2012–2022 гг. (долл.)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	39956	42891	44598	38786	40454	43522	43787	42944	41968	49362	47415
Сингапур	54840	56148	56518	54513	55853	59555	64810	64241	58950	71334	78111
США	51045	52564	54377	56057	57172	59160	61859	64038	63145	69634	75686
Австралия	70038	66820	62402	52322	54054	57491	58328	54408	56002	67617	67868
АТЭС	15333	15552	15840	15511	15842	16715	17760	18156	17925	20329	21063

Источник: составлено по: (UNCTADstat, Gross domestic product).

Данный индикатор сильно связан с общим уровнем ВВП, поэтому в 2022 году в соответствии со снижением объемов потребления, показатель снизился на 1947 долл. (3,9%). За 10 лет ВВП на душу населения вырос на 7459 долларов. Данный индикатор указывает на развитый характер экономики Новой Зеландии, превышающая уровень АТЭС почти в 2,5 раза. В списке ТОП–5 стран лидеров за 2022 г. представлены такие страны как: Сингапур, США и Австралия, однако Новая Зеландия тоже является одним из лидеров группировки. Разница показателей с лидером — Сингапуром составляет 30696 долл. и превышает уровень Новой Зеландии на 64%, а общий по группировке в 3,7 раза. В отличие от общемировых показателей лидеров по ВВП на душу населения, в которые входят маленькие страны центры накопления капитала и оффшорных зон (Монако, Бермуды, Виргинские острова), страны-лидеры по АТЭС имеют статус сильнейших мировых держав (Сингапур, США и Австралия) и являются одними из немногих стран, кто действительно регулирует мировые торговые и финансовые потоки.

За рассматриваемый период показатель инфляции в Новой Зеландии держался на уровне ниже 2%, однако после 2021 г. рост потребительских цен значительно вырос: за 2021 г. — на 3,9%, за 2022 г. на 7,2% (табл. 8).

Таблица 8.

Уровень инфляции в странах АТЭС, 2012–2022 гг. (%)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Новая Зеландия	1,1	1,1	1,2	0,3	0,7	1,9	1,6	1,6	1,7	3,9	7,2
Россия	5,1	6,8	7,8	15,5	7,0	3,7	2,9	4,5	3,4	6,7	13,8
Чили	3	1,8	4,7	4,4	3,8	2,2	2,3	2,3	3,0	4,5	11,7
США	2,1	1,5	1,6	0,1	1,3	2,1	2,4	1,8	1,3	4,7	8,0
АТЭС	2,9	2,8	3,0	2,0	2,1	2,3	2,3	1,9	1,5	2,9	5,9

Источник: составлено по: (UNCTADstat, Consumer price indices).

Показатель достиг пикового состояния, что приводит экономику страны в стадию рецессии (Новая Зеландия прогнозирует рецессию..., 2022). Динамика за период 2012–2013 гг. инфляция была на низком уровне — 1%. В это же время, в 2015 г. значения было близко к нулю. С 2012 по 2020 г. показатель являлся одним из лучших во всем мире, однако положительная тенденция сменилась на отрицательную.

Это связано с глобальной мировой рецессией, которую спровоцировали пандемия и геополитические конфликты. Среди стран-антилидеров можно выделить: Россию, Чили и США. Причины высоких темпов инфляции схожи с Новой Зеландией, однако из этих стран наиболее примечательно возрастание показателя в США, которая формирует общий характер инфляции в целом по группировке АТЭС (5,9% за 2022 г.). Хотя оптимальной инфляцией считают показатели до 4–5% в год, подобные значения не характерны для американской экономики. Основной причиной в основном вызвана двумя факторами: мягкой политикой ФРС (увеличение предложения денежных средств через монетарную политику) и ростом цена на сырье с повышением тарифов и стоимости перевозок (Инфляция в США зашкаливает). Это сильно сказывается на АТЭС, так как США является одним из локомотивом группировки.

Общие тенденции экономического развития Новой Зеландии свидетельствуют о том, что экономика имеет устойчивый характер, однако, как и большинство развитых стран группировки чувствительна к мировым глобальным кризисам. Новая Зеландия не является значимой в рамках АТЭС (доля ВВП — 0,39%). Отраслевая структура государства схожа с группировкой, преобладает сфера услуг (72,3%). Большинство макроэкономических показателей имеют положительные тенденции и говорят о продолжении тренда развития. Эти факторы создают благоприятные предпринимательские условия и определяют характер отношений инвесторов, которые не останавливаются инвестировать и сохранять капитал в рамках экономики страны. Новая Зеландия является одной из самых развитых стран внутри группировки. Страна входит в лидеры по ВВП на душу населения (47415 долл.), опережая средние показатели АТЭС более чем в 2 раза. Экономика государства продолжает находиться в активной стадии развития, несмотря на последствия пандемии *COVID-19* и геополитические разногласия.

Заключение

В процессе исследования были выявлены основные особенности участия Новой Зеландии в АТЭС, ее роль и место в экономическом форуме. Страна активно развивает международные торговые отношения и взаимодействует с крупнейшими экономиками мира в рамках организации. Она никогда не имела статус лидера (доля в общем ВВП АТЭС — 0,39%).

Положение страны остается стабильным, несмотря на общемировой спад. В будущем ожидается увеличение степени интегрированности страны в АТЭС, но пока она имеет слишком большие разрывы между странами-лидерами группировки. Несмотря на экономический успех, экономика Новой Зеландии имеет ряд трудностей, которые замедляют процесс углубления интеграции в АТЭС. Населению страны затруднительно изменять потребительские и промышленные привычки, вследствие чего Новая Зеландия не может эффективно внедрять инновационные технологии и адаптировать к НТП. Это приводит к снижению общей конкурентоспособности производственных секторов и дефициту рабочей силы практически во всех отраслях. Также, государственная политика фокусируется на краткосрочных политических целях, упуская из виду необходимость долгосрочных структурных изменений, которые затрагивают основные общественные сферы (здравоохранение и образование). Тем не менее, благодаря своей приверженности открытым рынкам и свободной торговле, Новая Зеландия имеет все возможности для того, чтобы нарастить свою долю в АТЭС и стать ведущим участником организации.

Список литературы

1. Белов К. К. (2019) Внешнеторговые связи Новой Зеландии и ее специализация в международной торговле товарами // Журнал экономических исследований. №. 4. С. 174–180. [Belov K. K. (2019) New Zealand's foreign trade relations and its specialization in international trade in goods // Journal of Economic Research. No. 4. Pp. 174–180. (In Russian).]
2. В Новой Зеландии зафиксировали самый низкий прирост населения за последние 36 лет. [New Zealand has recorded the lowest population growth in the last 36 years. (In Russian).] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15479087>
3. Внешэкономбанк (информационно-аналитические материалы): АТЭС — Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество. [Vnesheconombank (information and analytical materials): APEC — Asia-Pacific Economic Cooperation. (In Russian).] URL: https://veb.ru/common/upload/files/veb/analytics/apec20120906_1
4. Инфляция в США зашкаливает: с чем она связана и можно ли было ее избежать. [Inflation in the United States is off the charts: what is it related to and whether it could have been avoided. (In Russian).] URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/62d0265c9a794713d1b37fbb>
5. Новая Зеландия прогнозирует рецессию в следующем году (2022). [New Zealand predicts a recession next year (2022). (In Russian).] URL: <https://1prime.ru/world/20221214/839162272.html>
6. Олейников И. В. (2014) Новая Зеландия и страны Восточной Азии: взаимоотношения в сфере политики, экономики и культуры: монография / И. В. Олейников, Н. Н. Пузыня. Иркутск: Изд-во ИГУ, 167 с. [Oleynikov I. V. (2014) New Zealand and the countries of East Asia: relations in politics, economics and culture: a monograph / I. V. Oleynikov, N. N. Puzynya. Irkutsk: IGU Publishing House, 167 p. (In Russian).]
7. Почему Япония выпала из тройки сильнейших экономик и как собирается это исправлять. [Why Japan dropped out of the top three strongest economies and how it is going to fix it. (In Russian).] URL: <https://www.forbes.ru/society/507247-почему-aponia-vypala-iz-trojki-silnejshih-ekonomik-i-kak-sobiraetsa-eto-ispravlat>
8. Росстат улучшил оценку динамики ВВП России в 2021–2022 годах. [Rosstat has improved its assessment of the dynamics of Russia's GDP in 2021-2022. (In Russian).] URL: <https://tass.ru/ekonomika/19653637>
9. Рост экономики Новой Зеландии замедлился. [New Zealand's economic growth has slowed. (In Russian).] URL: <https://regnum.ru/news/2288517>
10. Статистическая база данных Международного торгового центра. [Statistical database of the International Trade Center. (In Russian).] URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>
11. Шкваря Л. В. (2019) Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве. Сер. Высшее образование Бакалавриат. Москва, 2019. 315 с. [Shkvaryya L. V. (2019) International economic integration in the global economy. Ser. Higher education Bachelor's degree. Moscow, 2019. 315 p. (In Russian).]
12. UNCTADstat, Consumer price indices, annual UNCTAD URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>
13. UNCTADstat, Gross domestic product: Total and per capita, current and constant prices, annual UNCTAD URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

14. UNCTADstat Total and urban population, annual, UNCTAD URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

New Zealand: the impact of the APEC integration process on socio-economic development

Alexander F. Linetsky

Dr Sc. (Economics), Professor, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of Research of Regional Socio-Economic Systems, Yekaterinburg, Russia.

Integration processes in economic alliances attract the attention of researchers, as well as the role and position of individual member states of these alliances. APEC is one of the largest trade unions in the world (in terms of population, GDP production, and trade volume). In the context of the growth of megaregionalism, the task of studying integration processes and their effectiveness in terms of their impact on the national economies of the participating countries is becoming relevant. The article examines the trends of economic and social development of New Zealand as a member of APEC in 2012-2022. The author shows that the country does not serve as an example of a highly efficient and efficient economy, occupying a very small share in the total APEC economy. However, the author concludes that New Zealand has every opportunity to increase its share in APEC and become a more significant member of the association. The article uses the method of selection, analysis and synthesis of statistical information, systematization of scientific materials, their interpretation and generalization, as well as the visualization method. The results of the study can be used in shaping the integration policy of various countries, including the EAEU.

Keywords: *APEC, Asia-Pacific region (APR), New Zealand, integration association, regional economic integration, megaregionalism, socio-economic development.*

JEL codes: *F02, F15, F53, F53.*

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMIC THEORY
AND HISTORY**

**Концептуальные основы исследования международной торговли в XXI
веке: ключевые характеристики и риски****Хэ Миндзюнь¹**

Одной из наиболее серьезных проблем современной мировой торговли является ее системная трансформация – товарная, географическая и институциональная – под влиянием тех вызовов и угроз глобального характера, которые сформировались в XXI в. и обостряются на протяжении последнего десятилетия. Под влиянием новых глобальных рисков происходит трансформация внешней торговли различных стран и их внешнеторговой политики. Трансформация внешней торговли и внешнеторговой политики традиционно выступает катализатором социально-экономического роста и обеспечивает его устойчивость. В условиях роста глобальной нестабильности стране особенно важно уменьшить негативное влияние глобальных рисков на экономику и социальную систему, на отечественные предприятия и их конкурентоспособность. Поэтому изучение состояния и перспектив трансформации внешней торговли в условиях новых глобальных вызовов представляют значительный научный интерес, а также имеет важное практическое значение. Хронологические рамки данного исследования затрагивают 2000–2023 гг. Методологической основой исследования послужили общенаучные и экономические методы исследования, в том числе эмпирический, аналитический, логической взаимосвязи, позволившие на основе сбора, анализе и интерпретации данных и статистики о торговых потоках более точно анализировать и понимать влияние различных факторов на современную международную торговлю. Информационную базу исследования составили преимущественно данные ЮНКТАД. На основе проведенного исследования автором систематизированы и обобщены основные тенденции развития внешней/международной торговли (глобальная нестабильность, изменение характера и условий взаимодействия в международной торговле и рост глобальной конкуренции, экологизация и социализация, протекционизм, «торговые войны» и санкции, цифровизация, «френдшоринг», снижение эффективности международных институтов, прежде всего ВТО). Установлено, что данная систематизация требует учета при формировании внешнеторговой политики отдельных стран в условиях новых рисков.

Ключевые слова: международная торговля, трансформация международной торговли, ВТО, товарооборот, экспорт, импорт

JEL коды: E30, F2, F13.

¹ Хэ Миндзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Введение

Мировая торговля на протяжении веков остается важнейшей системообразующей формой взаимодействия субъектов хозяйствования из разных стран, которые эволюционно формировали ее специфику исходя из задач обеспечения эффективности своего развития и наличия национальных преимуществ. Будучи комплексным, многоуровневым и неоднозначным процессом, международная торговля на протяжении длительного периода вызывает пристальный интерес исследователей, а также международных организаций, особенно в части ее сущности, характеристик, направлений (или сфер, которые она охватывает), эффектов, в том числе — на страновом и мировом уровнях.

Фундаментальные академические теории международной торговли формируются еще с XV века (меркантилизм). Меркантилисты были первые, кто теоретически обосновал важность международной (внешней) торговли, ее роль как фактора повышения эффективности национальной экономики (при определенных условиях) и необходимость со стороны государств (правительств) уделять пристальное внимание внешнеторговой политике. Во главу угла у меркантилистов (а также у классиков) ставились *выгоды государства*, т. е. исследовалась *внешняя* (а не международная) торговля.

За более чем полтысячелетия теория и практика международной торговли и традиции внешнеторговой политики прошли огромный путь развития — количественного и качественного — и содержит широкий спектр концептуальных подходов, затрагивает различные аспекты (от необходимости до полного отрицания государственного регулирования), оценку ее эффектов, трактовки и систематизации стимулов, предпосылок, последствий. Заметно смещение акцентов в концептуальных подходах исследования международной торговли с выгоды отдельного государства во *внешней* торговле на выгоды в *международной* торговле вообще: главная цель — ее рост на основе *международного* регулирования в рамках ВТО и специализации стран в МРТ.

Подводя итог многочисленным идеям (А. Смит (1993), Д. Рикардо (2008), Э. Хекшер (Heckscher, 1935) Б. Олин, П. Самуэльсон, В. Леонтьев, П. Кругман (Krugman, 1991) и др.), мы можем резюмировать следующее:

– Международная торговля представляет собой комплексную и разветвленную систему, которая, поэтапно усложняясь на основе МРТ и глобализации, к концу XX в. приобрела новое качество — экстремально высокий уровень внешнеторговой взаимосвязи и взаимозависимости стран и их субъектов и наднационального регулирования правил торговли и международных рынков.

– Международная торговля стимулирует экономический и технический прогресс, рост благосостояния стран и уровня жизни их граждан.

– Международная торговля, прежде всего основанная на либеральных правилах, традиционно декларировалась как призванная обеспечить равные возможности развития для всех стран и условия эффективности их национальных экономик. На практике такой подход не нашел своей реализации.

Но на рубеже веков в международной торговле появились новые тенденции, отмеченные, в частности, П. Кругманом, которые качественно трансформировали эту форму международных экономических отношений на основе формирования новых географических, производственных, рыночных и других возможностей, при этом усиливая ее

системообразующее значение, что привело к формированию ранее неизвестных рисков и возможностей как для всей глобальной системы, так и для отдельных регионов и стран.

В результате в мировой (и отечественной) научной экономической литературе появилось довольно большое количество разносторонних исследований различных направлений и факторов развития международной торговли, что вызывает необходимость их анализа и обобщения. Хронологические рамки данного исследования затрагивают 2000–2023 гг. В необходимых для решения поставленных научных задач случаях также исследована динамика макроэкономических показателей, и прежде всего — экспорта и импорта — на более ранних исторических этапах.

Методологической основой исследования послужили общенаучные и экономические методы исследования, в том числе эмпирический, аналитический, логической взаимосвязи, позволившие на основе сбора, анализе и интерпретации данных и статистики о торговых потоках более точно анализировать и понимать влияние различных факторов на современную международную торговлю. Информационную базу исследования составили преимущественно данные ЮНКТАД.

Результаты исследования

В современной мировой торговле фиксируется ряд новых процессов и тенденций. При этом новые явления в разных источниках и у различных исследователей включают дифференцированные аспекты (сферы). Выделим некоторые из них.

1. Первым важнейшим фактором развития мировой торговли в новом столетии выступает **глобальная нестабильность** мировой экономики, рост которой за последние 20 лет достигает катастрофических масштабов и охватывает и мировое производство, и международную торговлю, и инвестиции, а также все регионы и страны. Динамика производства мирового ВВП дестабилизировалась, прежде всего с посткризисного (2008 г.) периода (рис. 1).

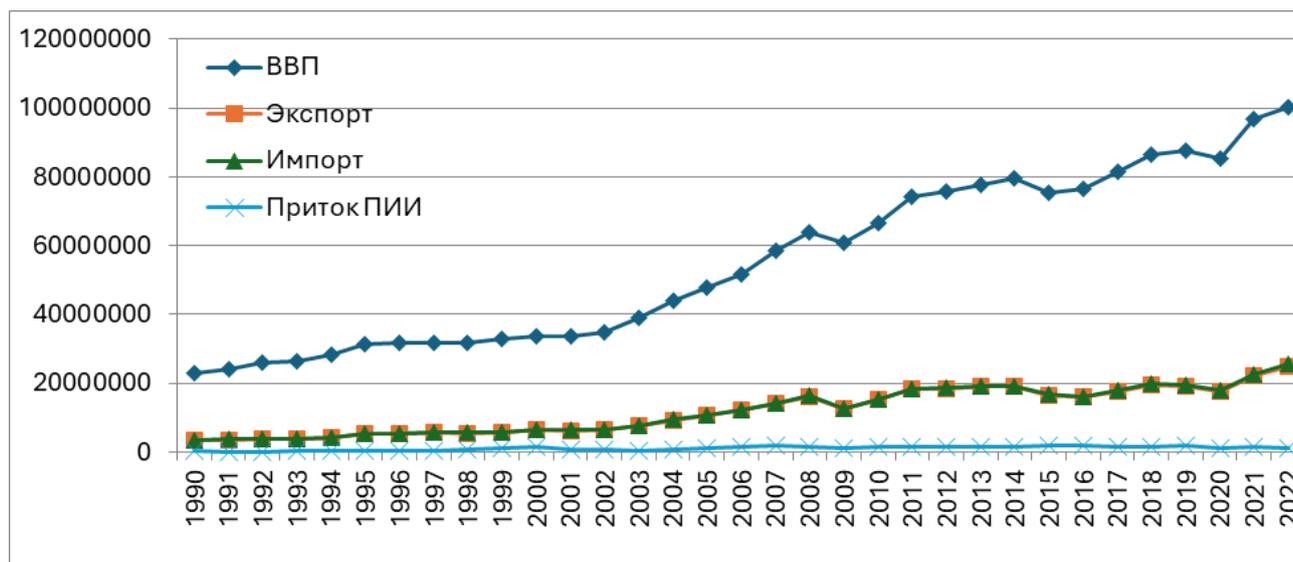

Рис. 1. Динамика основных мировых макроэкономических показателей в 1990–2022 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу

Источник: составлено по: (UNCTAD)

Глобальная нестабильность оказывает негативное влияние на состояние мирового товарооборота (рис. 1), волатильность динамики которого беспрецедентна. В 2023 г. глобальный товарооборот сократился на 1,2%, несмотря на более позитивные прогнозы ВТО относительно его роста. Увеличение мировой торговли в 2024 г. оценивается в 2,6%, вместо заявлявшихся ранее 3,5% (это значительно ниже среднегодового показателя в 4,9% с 2000 по 2019 гг., а в 2025 г. предполагается, что мировой товарооборот вырастет на 3% (ВТО, 2024). Такая динамика связана с дальнейшим сокращением темпов роста мирового ВВП. Так, МВФ утверждает, что «Согласно базовому прогнозу, рост мировой экономики замедлится с 3,5% в 2022 г. до 3,0% в 2023 г. и 2,9% в 2024 г., что существенно ниже среднего значения за прошлые периоды (2000–2019 гг.) в 3,8%» (МВФ, 2023). Соответственно, возникает некий «замкнутый круг», и мировая экономика не может пока служить катализатором роста международной торговли. Эксперты отмечают, что в существующих условиях мейнстримом мировой торговли стало развитие сферы услуг, особенно в контексте масштабирования ИКТ (Оценка, 2023. С. 17).

2. Изменение характера и условий взаимодействия в международной торговле и **рост глобальной конкуренции** также усиливаются как фактор, влияющий на динамику и структуру мировой торговли, прежде всего — в географическом аспекте.

В XXI в. все больше стран активизируют свое присутствие на мировых рынках, что ведет к росту конкуренции и повышению стандартов качества товаров и эффективности торговли (Krugman, 1991). При этом речь идет не только о мировых сырьевых рынках. Высокотехнологичные товары также производятся в странах с развивающимися рынками и, соответственно, торгуются на международном уровне (Solovieva, He, 2021). Современная практика и статистика подтверждает, что развивающиеся страны и регионы, особенно в Азии, становятся все более активными участниками мировой экономики и торговли (рис. 2).

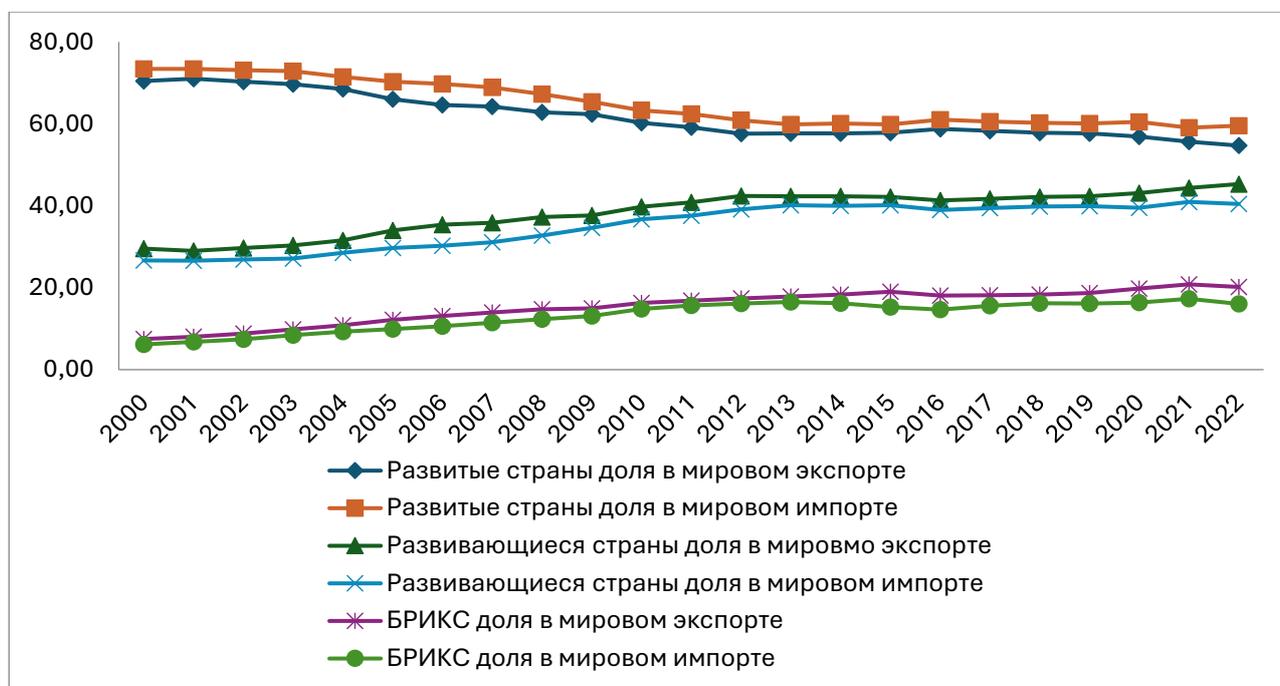

Рис. 2. Изменение доли некоторых групп стран в мировом экспорте и импорте в 2000–2022 гг., %

Источник: составлено и рассчитано по: (UNCTAD)

На основе накопленных в их экономиках качественных трансформаций произошло перераспределение экономического потенциала и создание новых возможностей для международной торговли, из-за чего и происходит ее глобальная географическая трансформация. Поэтому на рис. 2 видно, что рост мирового товарооборота осуществляется в основном за счет стран с развивающимися рынками. Многополярность выступает основной характеристикой не только мировой экономики (Тарасов, Ишуков, 2023), но и международной торговли, что усиливает глобальную конкуренцию. Соответственно, выгода от международной торговли, основанной на либерализации, поддерживаемой и продвигаемой ВТО, распределяется «не по правилам» глобализации, т. е. не в пользу развитых стран. И эта тенденция сохранится, как минимум, в краткосрочной перспективе. В этой связи характерно утверждение МВФ о том, что «В странах с развитой экономикой имело место замедление с 2,6% в 2022 г. до 1,5% в 2023 г. и 1,4% в 2024 г. по мере того, как начнет сказываться ужесточение политики. В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах прогнозируется небольшое снижение роста с 4,1 % в 2022 г. до 4,0% в 2023 и 2024 гг.» (МВФ, 2023).

В попытках развитых стран сохранить существующие правила, направленные на исключительное извлечение выгоды от торговли для этой группы государств, возникают новые факторы, влияющие на международную торговлю, например, экологизация и социализация.

3. Экологизация и социализация как фактор и тенденция развития международной торговли на макро- и микроэкономическом уровнях (Доклад о торговле и развитии за 2021 г.). По мнению международных организаций и отдельных исследователей, экологизация стимулирует устойчивость и справедливость в торговле природными ресурсами, уменьшает выбросы вредных веществ в окружающую природу, обеспечивает защиту окружающей среды и биоразнообразия, препятствует изменению климата. Регенеративная экономическая система рассматривается как качественная альтернатива существующей модели, основанной на преимущественно экстенсивном типе развития (Авдокушин, Кузнецова, 2023).

Что касается социальных аспектов, влияющих на международную торговлю и вносящих серьезные изменения в ее структуру, то к ним можно отнести демографические — рост населения планеты и рост продолжительности жизни. Это означает все большее количество потребителей, чей возраст превышает 50 лет, которые, к тому же, стремятся приобретать больше экологической продукции. Потребители, а также компании, все больше предпочитают товары и услуги, которые производятся с соблюдением экологических и социальных норм, а государства вводят строгие экологические и социальные стандарты для внешней торговли.

Эти направления развития международной торговли также в значительной мере меняют структуру и международной торговли, и производства, рыночные условия и эффекты для отдельных стран, включая рост затрат и снижение эффективности международной торговли для стран-экспортеров углеводородов, например (Акимов, Яковлев, 2020).

4. Протекционизм, «торговые войны» и санкции оказывают все более заметное влияние на международную торговлю.

Авторы отмечают растущее негативное и комплексное влияние на международную торговлю и мировую экономику нерыночных и неэкономических факторов, таких как санкции, а также глобальная пандемия, военные конфликты, массовая миграция населения и др. (Афонцев, 2020). Санкции применяются в XXI в. все чаще, в том числе в сфере

международной торговли — от эмбарго на ввоз в определенные страны, например, в Россию, Иран, Сирию, на Кубу и т.д. тех или иных товаров, независимо от их спектра (товары для производства или народного потребления, включая медикаменты), что и дает исследователям основание рассматривать их как современную систему (Мальцев, Чичилимов, 2023). На протяжении ряда лет проводятся исследования эффектов от введения санкций на подсанкционные экономики (Шкваря, 2017) и глобальное хозяйство в целом (Угрюмова и др., 2023), и в этих исследованиях в основном превалирует точка зрения о преимущественно негативном их влиянии — локальном и глобальном. Эти факторы оказывают влияние не только на отдельные страны, например, «подсанкционные», или рынки, например, энергетический, ухудшают не только двусторонние связи, например США — КНР, но приводят к глобальной рецессии, и страны могут попасть под негативное воздействие этих факторов опосредованно, что не уменьшает их негативного влияния.

5. Цифровизация — как торговли, так и мировой экономики в целом, что отмечают многие авторы (Спартак, 2018; Malkawi, 2020; Цифровое государство, 2022). Цифровизация рассматривается и как фактор роста международной торговли страны и ее отдельных регионов (Андреева и др., 2020), и как направление ее развития (Lopez-Gonzalez, Jouanjean, 2017), повышающее эффективность и конкурентоспособность и содействующее процветанию. Цифровизация торговли распространяется в мире с конца XX в., в том числе затрагивая регионы (Шкваря, Фролова, 2022), национальные экономики (Shkvarya, Hailing, 2021; Solovieva, Mengxin, 2023), деятельность их субъектов (Zhang, et al., 2022), а также и мировые рынки. Она существенно трансформирует не только торговую деятельность через развитие электронной торговли, т. е. продажу по интернету традиционных товаров и услуг, значительно ускоряя, облегчая и наращивая объемы международной торговли. Цифровая торговля ускоряет и цифровизацию экономики, включая не только финансовую сферу, но и реальный сектор, стимулируя создание новых, цифровых товаров (например, информационно-телекоммуникационных, т. е. ИКТ), а также услуг.

В 2024 г. продолжалась трансформация промышленной структуры из-за дальнейших технологических преобразований, а также реагирования на изменение климата в странах, которые хотят занять более выгодное положение на рынке, особенно — в его энергетическом сегменте. В 2024 г. промышленная структура будет изменена из-за технологических изменений, а также реагирования на изменение климата в странах, которые хотят занять более выгодное положение, особенно с точки зрения энергетики.

6. «Френдшоринг» (*friend-shoring*). Это совершенно «свежее» в науке понятие, на которое внимание научного мирового сообщества обратилось лишь в последние 2–3 года (Kessler, 2022). Поэтому данная тенденция пока не нашла широкого анализа в научной литературе.

Эксперты определяют френдшоринг как «направление экономической деятельности в страны, которые разделяют ценности и принципы развитого мира» (Лисоволик, 2023), или, адаптируя эту тенденцию к российским реалиям, как «преимущественного взаимодействия с так называемыми дружественными государствами, подавляющее большинство которых сконцентрировано на пространстве глобального Юга» (Яковлев, 2023). Причем френдшоринг предполагает не только собственно обмен товарными потоками между дружественными странами, но и «ограничивает сети цепочек поставок до союзников и дружественных стран» (Su-Lin Tan, 2022). Этот принцип и соответствующая практика, по сути, означает

фрагментацию не только в международной торговой сфере, но и в мировой экономике и, в частности, в международном производстве и логистике.

7. Институты и оценка эффективности. Эксперты отмечают необходимость реформирования ВТО (Портанский, 2019) вследствие невозможности выполнения основополагающих функций в направлении либерализации мировой торговли, и с этим можно согласиться. Фактически происходит сокращение/трансформация роли ВТО в международной торговле. ВТО оказалась не готовой к устранению или даже смягчению большинства центробежных тенденций в мировой торговле, как и к уменьшению протекционизма и торговых войн, а также санкционного давления. Значение ВТО на глобальном уровне стало факультативным, на региональном и страновом — осуществляется поиск новых институтов и внеинституциональных возможностей, включая использование потоков и сетей. Тем не менее, ЮНКТАД декларирует необходимость отказа от «строительства» барьеров в торговле между странами на принципах «Глобализация 2.0» для «безопасного, инклюзивного и устойчивого будущего» (World Trade Report 2023).

Кроме того, помимо традиционных макроэкономических показателей, характеризующих международную торговлю — экспорт, импорт, товарооборот и др., — появились и новые индексы, характеризующие международную торговлю, например индекс конкурентоспособности, цифровизации и др., с помощью которых формируется рейтинг стран в мире.

Эти и другие факторы оказывают существенное качественное (и для многих стран — объективное, т. е. зачастую не зависящее от их воли и желания) воздействие на их внешнюю торговлю и — вследствие этого — на динамику национальной экономики, а также социальную сферу. Однако, наряду с указываемыми учеными плюсами, цифровизация мировой экономики и торговли несет странам — экспортерам и импортерам — определенные риски, зачастую значительные (Смирнов, 2023).

Поскольку новые явления и ключевые характеристики современного этапа международной торговли, влекущие за собой как положительные эффекты, так и вызовы, угрозы и риски, в разных источниках и у различных исследователей включают, как правило, дифференцированные аспекты (сферы), то мы предлагаем следующие направления обобщения в контексте настоящего исследования (табл. 1). Они сформированы автором на базе основных теоретических подходов к анализу особенностей и факторов современной международной торговли в контексте основных срезов их практического проявления.

Таблица 1.

Классификация основных факторов, вызовов и рисков в международной торговле в XXI веке

	Фактор	Последствия для международной торговли	Сформированные фактором вызовы и угрозы (риски) для мировой / внешней торговли
1.	Глобальная нестабильность	Сокращение стабильности и объемов производства мирового ВВП мировой торговли	Общезкономические и общеполитические глобальные вызовы; рост дифференциации стран в мировой экономике и международной торговле вследствие экономических и неэкономических (COVID-19) причин

2.	Изменение характера и условий взаимодействия в международной торговле и рост (обострение) глобальной конкуренции	Создание новых возможностей направлений для международной торговли и рост ее потенциала за счет активизации в мировой торговле развивающихся стран, формирование альянсов государств «Глобального Юга».	Структурные вызовы (угрозы) и риски роста конкуренции: снижение промышленного производства в отдельных странах Запада, (деиндустриализация), что может на определенном этапе оказаться несовместимым с обеспечением экономической безопасности. Сокращение возможностей для стран ОЭСР реализовать максимум прибыли за счет импорта дешевых ресурсов и роста конкуренции за счет более дешевого экспорта готовой продукции стран Глобального Юга. Рост конкуренции за безопасные логистические системы
3.	Экологизация и социализация	Рост спроса на товары, которые производятся с соблюдением экологических и социальных норм, и возможность увеличить производство этих товаров и расширить присутствие на рынке (для отдельных производителей/стран)	Природные и общественные вызовы (риски): угрозы экологических катастроф и изменения климата могут повлиять на производственные процессы и экологические стандарты, что потенциально повлияет на экспорт товаров. Политические изменения и регулирование (карбоновые налоги ESG, и др.)
4.	Протекционизм, «торговые войны» и санкции	Возможность защиты национального рынка поддержки уровня конкурентоспособности, и вытеснение конкурентов с того или иного рынка, снижение объемов внешней торговли конкурента и общего уровня его социально-экономического развития; возможность изменения конкурентом своей внешнеторговой политики в результате испытываемого	Политико-экономические и коммуникационные вызовы (угрозы): угрозы трансформации товарной структуры международной торговли под влиянием роста неэкономических и нерыночных факторов; снижение эффективности МТ, негативного влияния на национальные экономики и всю глобальную хозяйственную систему в совокупности. Риски снижения договороспособности и обеспечения выполнения ранее принятых обязательств в мировой торговле и усиления ее нестабильности в этой связи

		давления и открытие своего рынка или его сегментов	
5.	Цифровизация	Рост эффективности международной и страновой торговли, НТП, Индустрии 4.0. Улучшение состояния и модернизация мировой и отечественной промышленности позволяет странам изменить свою специализацию в МРТ, а также стимулирует эти изменения, обеспечивая рост эффективности экономики и внешней торговли	Технологические вызовы (угрозы): риски кибератак, потери данных, утечки информации, репутационные риски и др., рост конкуренции в высокотехнологичных сегментах и «цифрового разрыва» в мире; пробелы в
6.	Френдшоринг	Гарантирует надежность цепочек производства/поставок в «союзах», в том числе — торговых в условиях растущих рисков в мировой торговле	Вызовы (угрозы) фрагментации мирового рынка: угрозы дискриминации отдельных стран (или их групп) в мировой торговле, обеспечивает превалирование национальных интересов над ценностями либеральной торговли
7.	Институты (ВТО)	Либерализация мировой торговли, обеспечивающая ее рост и эффективность.	Институциональные вызовы (угрозы): риски роста глобальной и страновой нестабильности и непредсказуемости международной торговли и невозможности использования ВТО сегодня и в перспективе для защиты национальных интересов и снижения потерь в международной торговле

Источник: разработано автором.

Резюмируя представленные в табл. 1 данные, мы приходим к выводу о том, что в международной торговле в последние четверть века сформировался ряд новых ключевых характеристик, статических и динамических, экономических и неэкономических, а также институциональных. Они представляют собой набор новых возможностей, а также правил торговли, представляющих собой в совокупности некую достаточно жесткую форму, в рамках которой должна осуществляться внешняя торговля стран в планетарном масштабе, и на основе которой страны должны сформировать новые основы внешнеторговой политики, несмотря на сохраняющиеся риски.

Как представляется, цель этой системы также трансформируется. Если в прошлом система международной торговли была призвана обеспечить преимущественное развитие стран Центра (ядра мировой экономики) и их национальных интересов на основе либерализации — доступа к мировым ресурсам и рынкам, то сегодня система международной торговли перемещается в направлении формирования более равноправных условий для стран мира.

Заключение

Эти новые характеристики порождают (несут в себе) новые угрозы и риски для мировой экономики и торговли в целом, а также для внешней торговли и экономики отдельных стран мира (и даже большинства, как показывает мировая практика последнего десятилетия), что требует пересмотра как теоретических основ международной торговли, так и основ внешнеторговой политики стран, особенно сохраняющих высокую степени зависимости от внешней торговли. Более того, если раньше риски сохранялись главным образом для развивающихся монотоварных стран, то теперь столь прямой зависимости нет. Это означает, что эффективность торговли для развитых стран может сократиться, в том числе — критически, что подтверждает практика внешней торговли стран Западной Европы.

На наш взгляд, нынешняя система международной торговли носит некий промежуточный, переходный характер, как и система мирового хозяйства, переживающая сейчас фундаментальную качественную трансформацию. Поэтому в перспективе те решения в сфере внешнеторговой политики, которые будут приниматься разными странами и их группами, например Китаем, Индией, или группами стран, например БРИКС, будут оказывать влияние на формирование новой системы международной торговли. Эти обстоятельства требуют от конкретных государств максимально продуманного подхода к процессу разработки национальной внешнеторговой политики, в рамках реализации которых можно было бы максимизировать экономическую безопасность, эффективность отечественной внешней торговли и минимизировать имеющиеся риски — глобальные, локальные и страновые.

Особенно это касается государств, которые, как Республика Корея, исторически, в том числе объективно (из-за отсутствия природных ресурсов как фактора производства) сформировали модель развития, в очень значительной степени зависящую от внешнего фактора, его состояния, стабильности, особенно — от «экономического здоровья» и динамики ведущих южнокорейских внешнеторговых партнеров, а также появления (формирования) новых тенденций в системе международной торговли.

Одновременно структура формирующегося международного торгового взаимодействия представляет и будет представлять собой механизм «... международного сотрудничества, основанного на стремлении защитить национальные экономические интересы перед лицом роста глобальной нестабильности на базе «правил, равных для всех» — как в регулировании и действиях, так и в возможностях получения экономической выгоды» (Концепция, 2023).

Это обстоятельство требует анализа концепций развития не только международной торговли, но и отдельных национальных экономик.

Таким образом, автором на основе систематизации современных научных исследований и мировой практики определены и охарактеризованы, а также обобщены

основные тенденции развития внешней/международной торговли (глобальная нестабильность, изменение характера и условий взаимодействия в международной торговле и рост глобальной конкуренции, экологизация и социализация, протекционизм, «торговые войны» и санкции, цифровизация, «френдшоринг», снижение эффективности международных институтов). Эти тенденции приносят как новые возможности, такие как: активизация и рост эффективности внешней торговли, вовлечение новых стран и товаров/услуг, ускорение и рост прозрачности внешнеторговых операций, так и новые риски, в частности, утрата ВТО глобальной регулирующей роли, рост торгового протекционизма, рост конкуренции и изменение конфигурации мировой торговли вплоть до возможного возникновения 2-3 крупных торговых блоков. Данная систематизация требует учета при формировании внешнеторговой политики Республики Корея в условиях новых рисков.

Также сделан вывод, что нынешняя система международной торговли носит некий промежуточный, переходный характер, так как и система мирового хозяйства в целом, переживающая сейчас фундаментальную качественную трансформацию.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. (2023) Регенеративная экономика как составная часть новой экономической системы // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 1 (33). С. 6–21. [Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. (2023) Regenerative economy as an integral part of the new economic system // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 1 (33). Pp. 6–21. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-1-6-21
2. Акимов А. В., Яковлев А. И. (2020) Общество и технологии в XXI веке: прогнозы и управление развитием в странах Востока и Запада. Москва. 399 с. [Akimov A. V., Yakovlev A. I. (2020) Society and technology in the 21st century: forecasts and management of development in the countries of the East and West. Moscow. 399 pages. (In Russian).]
3. Андреева Е. Л., Глухих П. Л., Красных С. С. (2020) Оценка влияния процессов цифровизации на развитие технологического экспорта регионов России // Экономика региона. Т. 16. № 2. С. 612–624. [Andreeva E. L., Glukhykh P. L., Krasnykh S. S. (2020) Assessment of the impact of digitalization processes on the development of technological exports of Russian regions // The economy of the region. Vol. 16. No. 2. Pp. 612–624. (In Russian).] DOI: 10.17059/2020-2-21
4. Афонцев С. А. (2020) Политика и экономика торговых войн // Журнал НЭА. №1 (45). С. 193–198. [Afontsev S. A. (2020) Politics and economics of trade wars // NEA Journal. No. 1 (45). Pp. 193–198. (In Russian).]
5. ВТО (2024): мировая торговля восстанавливается, но риски для нее растут. [WTO (2024): Global trade is recovering, but the risks to it are growing. (In Russian).] URL: <https://expert.ru/news/vto-mirovaya-torgovlya-vosstanavlivaetsya-no-riski-dlya-nee-rastut/>
6. Доклад о торговле и развитии за 2021 г. От восстановления к устойчивости: сквозь призму развития. Доклад секретариата Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. [Trade and Development Report for 2021 From recovery to sustainability: through the prism of development. Report of the secretariat of the United Nations Conference on Trade and Development. (In Russian).] URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2021_ru.pdf
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [The Concept of the foreign policy of the

Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on March 31, 2023) (In Russian).] URL:

<https://www.mid.ru/print/?id=1860586&lang=ru&ysclid=lr1x2yucsgh838978225>

8. Лисоволик Я. (2023) Новая парадигма: френдшоринг. РСМД, 17 февраля. [Lisovolik Ya. (2023) A new paradigm: friendshoring. INF Treaty, February 17. (In Russian).] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-frendshoring/?ysclid=lpe0wlsi7848627595>

9. Мальцев А. А., Чичилимов С. В. (2023) Особенности формирования системы протекционизма в условиях шестой инновационной волны // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 3 (35). С. 19–35. [Maltsev A. A., Chichilimov S. V. (2023) Features of the formation of a system of protectionism in the context of the sixth innovation wave // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 19–35. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-19-35

10. МВФ. Перспективы развития мировой экономики. Адаптация к расхождениям в мировой экономике. Октябрь, 2023. [The IMF. Prospects for the development of the global economy. Adapting to the divergences in the global economy. October, 2023. (In Russian).] URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023>

11. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023: междунар. докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / М. К. Глазатова (рук. авт. кол.), С. С. Аветисян, Д. А. Алешин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 306 с. [Assessment of the EAEU integration processes in the field of trade: 2023: International Proceedings of the XXIV Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2023 / M. K. Glazatova (author's col.), S. S. Avetisyan, D. A. Alyoshin et al.; National research. University of Higher School of Economics. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 306 p. (In Russian).]

12. Портанский А. П. (2019) Императив реформирования ВТО в эпоху роста протекционизма и торговых войн // Вестник международных организаций. Т. 14. № 2. С. 304–318. [Portansky A. P. (2019) The imperative of WTO reform in the era of rising protectionism and trade wars // Bulletin of International Organizations. Vol. 14. No. 2. Pp. 304–318. (In Russian).] DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-12

13. Рикардо Д. (2008) Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное / Д. Рикардо; [пер. с англ.; предисловие. П.Н. Клюкина]. М.: Эксмо. 960 с. [Ricardo D. (2008) The beginnings of political economy and taxation. Favorites / D. Ricardo; [trans. translated from English; preface by P.N. Klyukin]. Moscow: Eksmo. 960 p. (In Russian).]

14. Смирнов Е. Н. (2023) Международная торговля в условиях новых стрессов в развитии глобальной экономики // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 1 (33). С. 153–175. [Smirnov E. N. (2023) International trade under new stresses in the development of the global economy // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 1 (33). Pp. 153–175. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-1-153-175

15. Смит А. (1993) Исследование о природе и причинах богатства народов: В 2 т. М.: Наука. 570 с. [Smith A. (1993) Research on the nature and causes of the wealth of nations: In 2 volumes. Moscow: Nauka. 570 p. (In Russian).]

16. Спартак А. Н. (2018) Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. № 5. С. 7–23. [Spartak A. N. (2018) The implications of digital transformation for international trade // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 5. Pp. 7–23. (In Russian).]
17. Тарасов А. Г., Ишуков А. А. (2023) Многополярность как основная характеристика постглобального мира: поиск экономических ориентиров новой модели // Международная торговля и торговая политика. Т. 9. № 1 (33). С. 74–89. [Tarasov A. G., Ishkov A. A. (2023) Multipolarity as the main characteristic of the post-global world: the search for economic guidelines for a new model // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 1 (33). Pp. 74–89. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-1-74-89
18. Угрюмова А. А., Польшев А. О., Родионова И. А. (2023) Сравнительный анализ противодействия санкционному давлению в мировой экономике // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 3 (35). С. 74–89. [Ugryumova A. A., Polynev A. O., Rodionova I. A. (2023) Comparative analysis of countering sanctions pressure in the global economy // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 74–89. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-5-18
19. Цифровое государство и цифровая экономика / Меланьина М. В., Рузина Е. И., Пономаренко Е. В., Рассказов Д. А., Налбандян А. А., Шкваря Л. В., Тыркба Х. В., Оганесян А. А., Вереникина А. Ю. Москва, 2022. 195 с. [The digital State and the digital economy / Melanyina M. V., Ruzina E. I., Ponomarenko D. A., Nalbandian A. A., Shkvarya L. V., Tyrkba Kh. V., Oganesyanyan A. A., Verenikina A. Yu. Moscow, 2022. 195 p. (In Russian).]
20. Шкваря Л. В. (2017) Особенности взаимной торговли России и ЕС в условиях санкций // Научное обозрение: теория и практика. № 6. С. 26–34. [Shkvarya L. V. (2017) Features of mutual trade between Russia and the EU in the context of sanctions // Scientific review: theory and practice. No. 6. Pp. 26–34. (In Russian).]
21. Шкваря Л. В., Фролова Е. Д. (2022) Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. Т. 18. № 2. С. 479–493. [Shkvarya L. V., Frolova E. D. (2022) Comparative analysis of the development of foreign trade in the digital segment by regions of the world // The economy of the region. Vol. 18. No. 2. Pp. 479–493. (In Russian).] DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13
22. Яковлев П. П. (2023) С позиций френдшоринга: торговые отношения России с регионами глобального Юга // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 1 (33). С. 136–152. [Yakovlev P. P. (2023) From the perspective of friendshoring: Russia's trade relations with the regions of the global South // International trade and Trade Policy. Volume 9. No. 1 (33). Pp. 136–152. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-1-136-152
23. Heckscher E. F. (1935) Mercantilism, Vols. I and II. London: Allen & Unwin.
24. Kessler S. What Is 'Friendshoring' // The New York Times, New York, 18.11.2022.
25. Krugman P. R. (1991) Geography and trade. 2nd print. Leuven: Leuven University Print.
26. Lopez-Gonzalez J., Jouanjean M.–A. (2017) Digital Trade: Developing a Framework for Analysis // OECD Trade Policy Paper, 205. 2017. DOI: 10.1787/524c8c83-en
27. Malkawi B. (2020) Digital Trade Issues in WTO Jurisprudence and the USMCA // The International Trade Journal. Vol. 35. Is. 3. Pp. 1–9. DOI: 10.1080/08853908.2020.1801536
28. Shkvarya L. V., Hailing Y. (2021) Digital Economy in China: Modern Trends // Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 198. Pp. 1209–1216. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_131

29. Solovieva Y. V., He M. (2021) China-EU Trade: Dynamics and Current Trends // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap: Institute of Scientific Communications Conference. Vol. 198. Cham: Springer Nature. Pp. 1907–1913. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9_209.

30. Solovieva Ju., Mengxin Yu. (2023) The current situation of cross border e-commerce development in China // Международная торговля и торговая политика. Vol. 9. No. 2(34). P. 126–133. [Solovieva Ju., Mengxin Yu. (2023) The current situation of cross border e-commerce development in China // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 2(34). P. 126–133.] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-2-126-133.

31. Su-Lin Tan. Yellen says the U.S. and its allies should use ‘friend-shoring’ to give supply chains a boost (2022) URL: <https://www.cnbc.com/2022/07/19/us-treasury-secretary-on-supply-chain-resilience-use-friend-shoring.html>

32. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/>

33. World Trade Report 2023 — Re-globalization for a secure, inclusive and sustainable future. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr23_e.htm

34. Zhang X., Yaoyu X., Liang M. (2022) Research on Successful Factors and Influencing Mechanism of the Digital Transformation in SMEs // Sustainability. Vol. 14. No. 5. DOI: 10.3390/su14052549

Conceptual foundations of international trade research in the 21st century: key characteristics and risks

He Mingjun,

PhD (Economics), Senior Lecturer at the Law Faculty of Kunming Polytechnic University, Kunming, China.

One of the most serious problems of modern world trade is its systemic transformation – commodity, geographical and institutional – under the influence of the global challenges and threats that emerged in the 21st century and have been escalating over the past decade. Under the influence of new global risks, the foreign trade of various countries and their foreign trade policies are being transformed. The transformation of foreign trade and foreign trade policy has traditionally been a catalyst for socio-economic growth and ensures its sustainability. In the context of growing global instability, it is especially important for the country to reduce the negative impact of global risks on the economy and social system, on domestic enterprises and their competitiveness. Therefore, the study of the state and prospects of transformation of foreign trade in the context of new global challenges is of considerable scientific interest, as well as of great practical importance. The chronological framework of this study covers the years 2000-2023. The methodological basis of the study was general scientific and economic research methods, including empirical, analytical, logical interrelation, which made it possible, based on the collection, analysis and interpretation of data and statistics on trade flows, to more accurately analyze and understand the impact of various factors on modern international trade. The information base of the study was mainly made up of UNCTAD data. Based on the conducted research, the author systematizes and summarizes the main trends in the development of foreign /international trade (global instability, changes in the nature and conditions of interaction in international trade and the growth of global competition, greening and socialization,

protectionism, "trade wars" and sanctions, digitalization, "friendshoring", reducing the effectiveness of international institutions, primarily the WTO). It has been established that this systematization requires consideration when shaping the foreign trade policy of individual countries in the context of new risks, among which global instability and the actual inability of the WTO to global trade regulation remain of growing importance.

Keywords: *international trade, transformation of international trade, WTO, trade turnover, export, import*

JEL codes: *E30, F2, F13.*

Становление и развитие экономики и внешней торговли Республики Корея: теория и практика XX века

Поплавский Сергей Петрович¹

Трансформационные процессы, происходящие в мировой экономике и торговле, а также торговой политике в последние четверть века и необходимость понимания и прогнозирования их перспектив, динамики — глобальной и отдельных стран — актуализирует изучение историко-экономических аспектов. Республика Корея — одна из стран, экономика которой произвела резкий скачок в социально-экономическом развитии, повторить который многим странам пока не удалось, поэтому ее опыт представляет собой значительный научный и практический интерес. В статье в качестве цели исследования ставится выявление и анализ основных факторов и детерминант развития экономики и внешней торговли Республики Корея, обеспечивших стране резкий скачок в развитии во второй половине XX в., изучить особенности динамики торговых потоков и качественные аспекты внешней торговли Республики Корея в XX и в XXI вв. и сформулировать их особенности и фундаментальные характеристики. Автор обосновывает точку зрения, что Проведенное исследование позволило установить, что что модель экономического развития Республики Корея была направлена на всемерное стимулирование внешней торговли. Проведенная нами этапизация развития внешней торговли и национального хозяйства, прежде всего промышленности, позволила обосновать вывод как о тесной взаимосвязи этих процессов, так и о перманентной трансформации внешнеторговой политики под влиянием изменений внешних и внутренних факторов. Обоснована точка зрения о том, что Республика Корея, как и другие развитые страны, сегодня стоит перед необходимостью очередного этапа модернизации внешнеторговой политики для обеспечения внешнеторговой безопасности и повышения эффективности внешней торговли и национального хозяйства в новых условиях. В статье применялись методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также метод визуализации.

Ключевые слова: Республика Корея (РК), мировая экономика, мировая торговля, внешняя торговля, товарооборот, южнокорейская модель.

JEL коды: B22, B27, F12, F13, F14.

Введение

Понимание феномена южнокорейской экономики, на наш взгляд, невозможно без использования терминологии, принятой в англосаксонской геополитике (Mackinder, 1996), согласно которой Корею можно отнести к пограничным территориям (Rimland), являющимся, по мнению Николаса Спайкмена (Spykman, 1944. P. 40), ключом к достижению мирового

¹ Поплавский Сергей Петрович — кандидат политических наук, доцент Департамента техносферной безопасности АТИ, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

господства. Расположение между британско-американским морским влиянием (Море) и Большой Евразией (представляющей собой в данной концепции Сушу, *Heartland*, где расположились Россия и Китай), а также близость к Японии, — все это усиливает геополитическую уязвимость Республики Корея в части возможностей военного и торгового контроля региона со стороны США.

Этот вывод может быть подтвержден и высказываниями известного американского политолога, социолога и государственного деятеля Збигнева Бжезинского, по мнению которого Республика Корея до сих пор остается геополитически уязвимым государством (Бжезинский, 2015). Ее статус-кво зависит от глобального господства и покровительства США. И здесь мы можем наблюдать как раз положительный эффект, так как вмешательство США в дела Республики Корея привели к впечатляющему экономическому росту в этой стране. Можно сказать, что наиболее мощное государство центра капитализма позволило бедной периферийной стране стать «витриной рыночной экономики», опорным пунктом и союзником по регулированию и контролю региона Восточной Азии.

Парадигма роста экономики Республики Корея является процессом, каждая стадия которого в определенной мере отражена в ряде концепций и базирующихся на них стратегий. Смена стратегий по мере достижения той или иной стадии рыночной экономики остается важнейшей составляющей успехов страны, что во многом обусловлено внешнеторговой политикой, которая тесно увязана с моделью экономического развития.

Принципиально важно, что разрабатываемые на западе и внедряемые в Республике Корея стратегии развития базировались на *цивилизационном подходе*. Это обусловлено тем, что Корея входит в зону китайской конфуцианской цивилизации, где основой производственной культуры страны являются единые ценности, коллективная ответственность и общность судьбы, а не конкуренция за большую личную выгоду. Социальная гармония через формирование и поддержание иерархии, **со-участие** работников в управлении на микроуровне, экономическое процветание для всех (*сяо кан* — всеобщее благосостояние) на макроуровне при сохранении авторитарной политической власти, во многом стали факторами «корейского экономического чуда» 1970-х гг. (Коргун, Попова, 2011).

Принципы конфуцианства тесно связаны с историческим азиатским способом производства, где исключительно высока роль государства и коллективного труда на благо страны, клана, предприятия, территории. Социальная ответственность, дисциплина, аскетизм и желание учиться — важнейшие характеристики менталитета трудовых ресурсов РК, и в том числе высшего менеджмента страны и корпораций.

Первоначальный период развития экономики Республики Корея (Кукла, 2022) до 60-х гг. XX в. можно описать в логике *стратегии импортозамещающей индустриализации стран периферийного капитализма*, главные положения которой разработаны Раулем Пребишем (1992). Он отмечал, что место развивающихся стран (периферии) в международном разделении труда (сырьевой придаток, трудоемкие производства) блокирует их модернизацию и возможность повторения пути индустриально развитых стран центра (метрополий). *Протекционизм во внешней торговле бедных стран в сочетании со стимулированием внутренних сбережений и осуществлением целенаправленных крупных инвестиций при наличии жесткого государственного регулирования* позволяют перейти к самоподдерживающемуся росту экономики.

Отчасти к Республике Корея применимы рассуждения в духе постадийного развития У. Ростоу (Ростоу, 1961) (от традиционного аграрного общества к обществу массового потребления) через модернизацию. «Внешний толчок» к развитию экономика Республики Корея получили от США в форме дешевых кредитов и интеллектуальной собственности.

Метод индукции в исследовании внешней торговли Республики Корея и ее факторов позволил обобщить собранные конкретные факты и действия, происходящие как во внешней торговле страны, так и в глобальной экономической системе в целом, и выявить общие закономерности и тренды, а также глобальные риски и их влияние на РК. Дедукция, в свою очередь, позволяет конкретизировать результаты исследования, основываясь на общепринятых теоретических предположениях и моделях в сфере экономики и международных отношений. Также применялся метод визуализации.

Результаты исследования

Развитие Республики Корея в полной мере соответствовало вышеизложенным подходам. В 1960-е гг. в стране проводилась мобилизационная индустриализация, основанная на государственном планировании, внутренней концентрации ресурсов, дешевых внешних кредитах и ПИИ, интенсивном использовании дешевой и организованной рабочей силы. На основе «индустриализации через экспорт» Республика Корея уже к середине 1960-х гг. резко наращивает легкую (получает развитие мукомольная, сахарная, текстильная промышленность) промышленность через приобщение к новым технологиям посредством их импорта (Коргун, Попова, 2011). Это дало резкий толчок развитию внешней торговли Республики Корея (рис. 1).

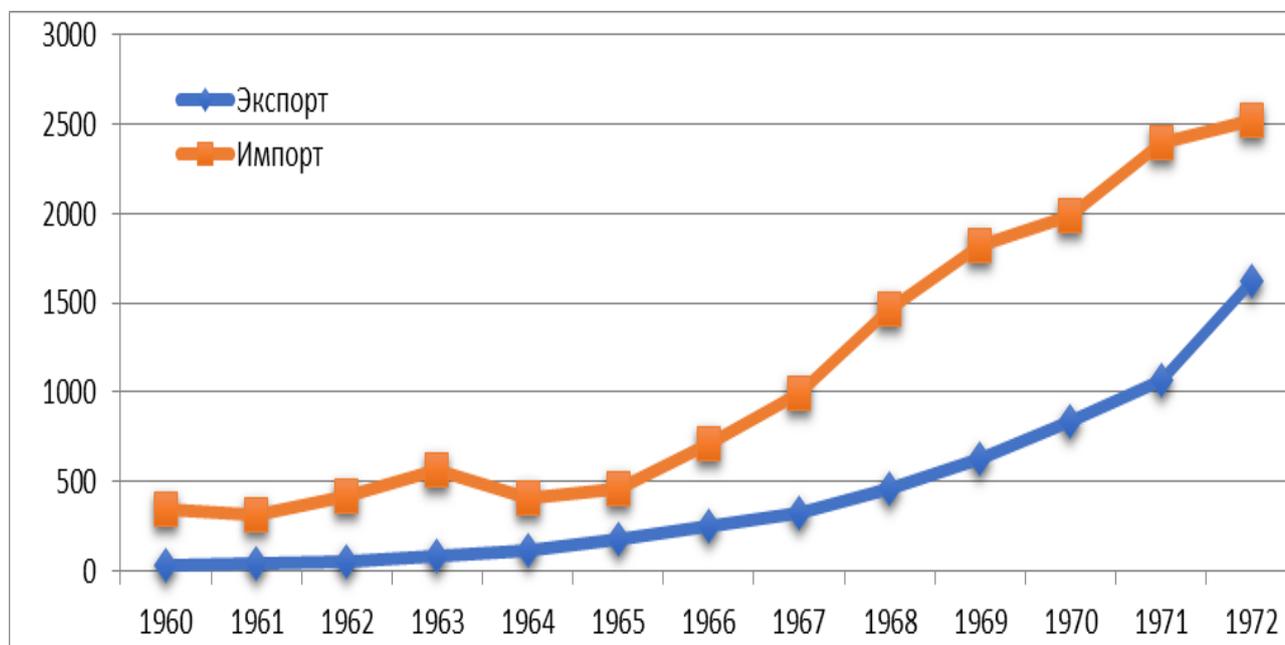

Рис 1. Динамика экспорта и импорта Республики Корея в 1960–1972 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

В 70-е гг. XX в. при ведущей роли государства с опорой на крупный бизнес (чеболи) проводится следующий этап индустриализации, нацеленный на создание капиталоемкой тяжелой промышленности.

Бедность ресурсной базы (сырье, топливо) Республики Корея вынуждала использовать комбинированную внешнеторговую политику: выражено селективное регулирование импорта и ослабление национальной валюты в целях повышения конкурентоспособности корейского экспорта.

Для стимулирования, поддержки и продвижения экспорта государство использует множество различных механизмов, среди которых: экспортные субсидии, изъятия из импортного тарифа на сырьевые товары и запчасти, сниженные тарифы на коммунальные услуги, кредиты и ссуды на льготных условиях и др.

Эта практика может быть описана в терминах теорий *«догоняющего развития»* (*catch-up type strategy*), в том числе парадигмы К. Акамацу (1935) «стаи летящих гусей» (*«Flying-Geese»*), или следования за лидером (в частности, следования за бывшей корейской метрополией — Японией). Эта *концепция догоняющего цикла*, основанная на парадигме *«стаи летящих гусей»*, была разработана японским исследователем в 1932 г. на материалах отечественной статистики.

По сути, в этой теории речь идет об эволюции национальных отраслей развивающихся стран, включенных в цепочку международной промышленной модернизации. Для Японии страной-лидером являлись США, и она следовала за «вожаком», используя свою экономическую модель. Перенимая новые технологии у Запада, эта страна смогла в сжатые сроки возглавить целый «клин» новых индустриальных стран Азии, в том числе и Республику Корея. Стратегия «стаи летящих гусей» (СЛГ) включала 3 базовых элемента:

– постепенный переход от развития отраслей с низкой добавочной стоимостью к отраслям с более высокой добавочной стоимостью на основе использования зарубежных лицензий на инновации с последующей их коммерциализацией, дублированием и тиражированием;

– импортозамещение с переходом к продвижению экспортной продукции;

– перемещение сравнительно невыгодных отраслей в соседние менее развитые страны с тем, чтобы оставить «дома» наиболее технологичные производства, т. е. перераспределить ресурсы внутри страны, используя механизм вывоза корейских прямых инвестиций за рубеж.

Основной целью *стратегии «стаи летящих гусей»* является постепенный подъем «по лестнице» модернизации. Как только экспортная промышленность начинала терять конкурентоспособность, она с помощью прямых инвестиций перемещалась в менее развитые соседние страны со схожим менталитетом, с более дешевой рабочей силой или иными дешевыми факторами производства. Кроме того, товары, произведенные в этих странах, затем импортировались в страну-донор прямых инвестиций.

«Догоняющая» инновационная модель Республики Корея определяется тем, что южнокорейская индустриализация на начальных этапах своего развития опиралась на импорт из экономически развитых стран средств производства и технологий, «заводов под ключ».

В итоге быстрый рост корейской экономики обеспечивался ростом экспорта различной технологической продукции (автомобили, электроника и др.) (рис. 2).

Применение развитых технологий на производстве (благодаря активному приобретению патентов, ноу-хау и др.), а также росту технической грамотности работников и приглашенным техническим специалистам и консультантам, постепенно стало существенным

критерием успеха бизнеса, поэтому инвестиции частных компаний в НИОКР, а также финансирование государством научных исследований в эти годы резко возросло. Изменялась структура экспорта: доля продукции тяжелой и химической промышленности в экспорте выросла с 21,3% в 1972 г. до 34,7% в 1978 г.

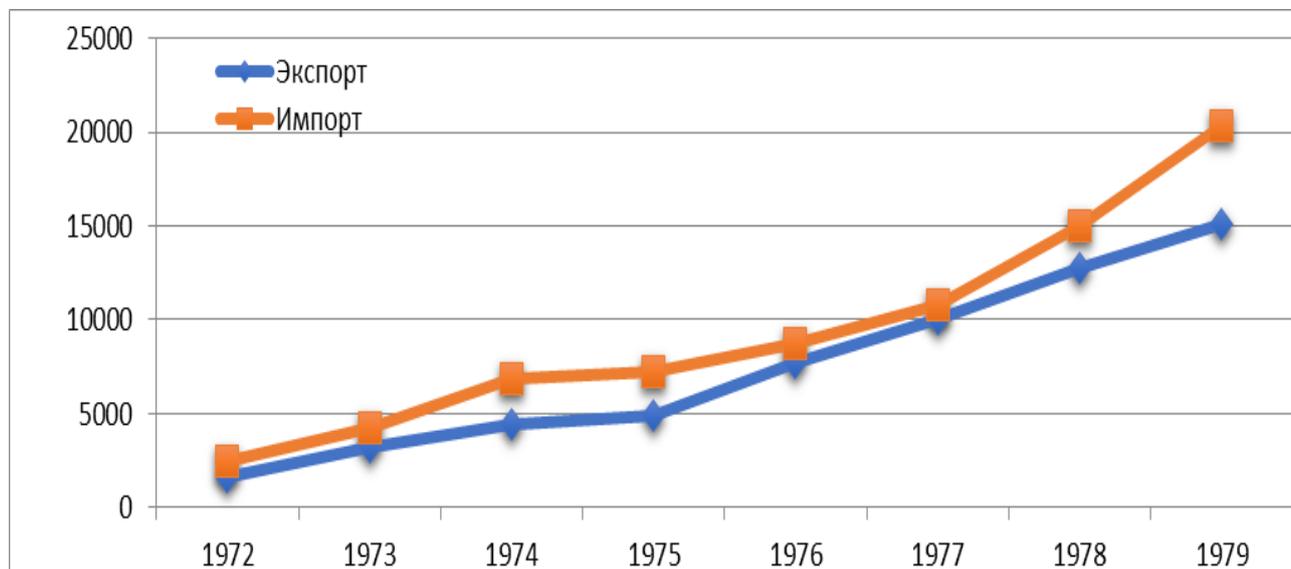

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта Республики Корея в 1972–1979 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

В 80-е гг. XX в. «догоняющее» технологическое развитие экономики базировалось на импорте патентов и лицензий, их адаптации и коммерциализации в экспортоориентированных отраслях. Одновременно осуществлялся вынос корейских производств в другие азиатские страны.

Можно сказать, что в этот период бэкграундом развития отечественной экономики и внешней торговли Республики Корея стал парадокс Леонтьева — страна производит и экспортирует много высокотехнологической продукции, для создания которой нет необходимости привлекать значительное количество рабочей силы (Young, 1995). Именно в этот период впервые стране удалось добиться превышения экспорта над импортом, и в 1985 г. было впервые зафиксировано положительное значение торгового баланса (рис. 3).

В чем же конкретная причина данного успеха? В этот период корейский экспорт становится более капиталоемким и технологичным: в 1986 г. продукция легкой промышленности составила 30% корейского экспорта, а тяжелой — 40%. Это стало возможным благодаря упору на развитие тяжелой и химической промышленности в 1970-е гг. и производство наукоемкой продукции (пятилетка 1982–1986 гг.) и автомобилей (1987–1991 гг.). Основным способом продвижения экспорта было регулирование обменного курса. Обменный курс значительно увеличился после девальвации воны в 1980 г., сделав корейский экспорт более конкурентоспособным (Kuznets, 1898).

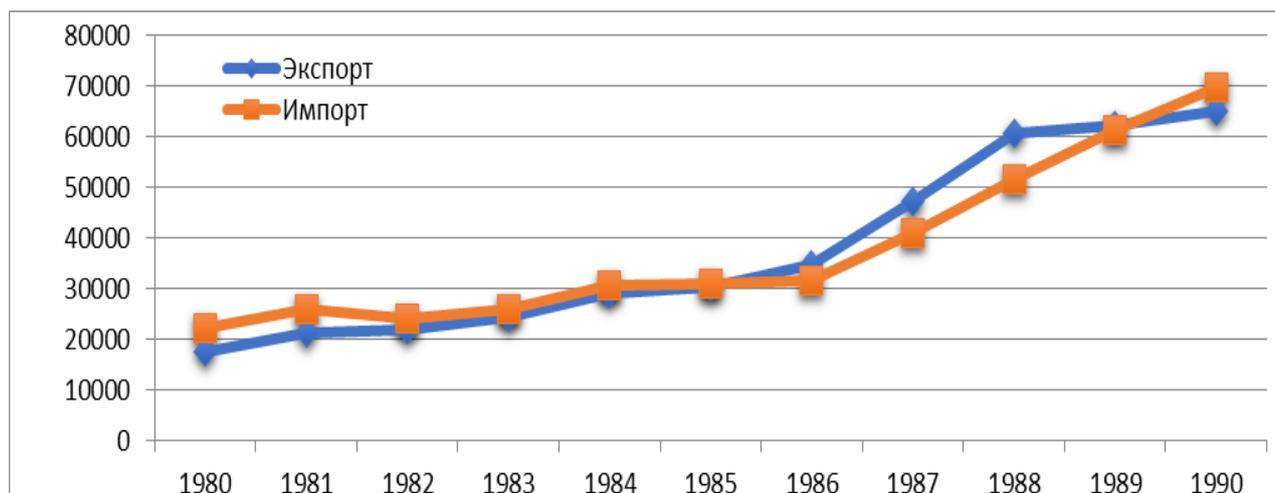

Рис. 3. Динамика экспорта и импорта Республики Корея в 1972–1979 гг., млн. долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

В 1990-е гг. внешняя торговля Республики Корея была весьма неустойчивой (рис. 4) из-за роста влияния внешних факторов и одновременно необходимости реформировать национальную экономику, и особенно производство, исходя из этих новых реалий и формирования новых подходов к реализации внешнеторговой политики из-за резкого падения импорта, обеспечивающего стабильность производственных процессов в Республике Корея.

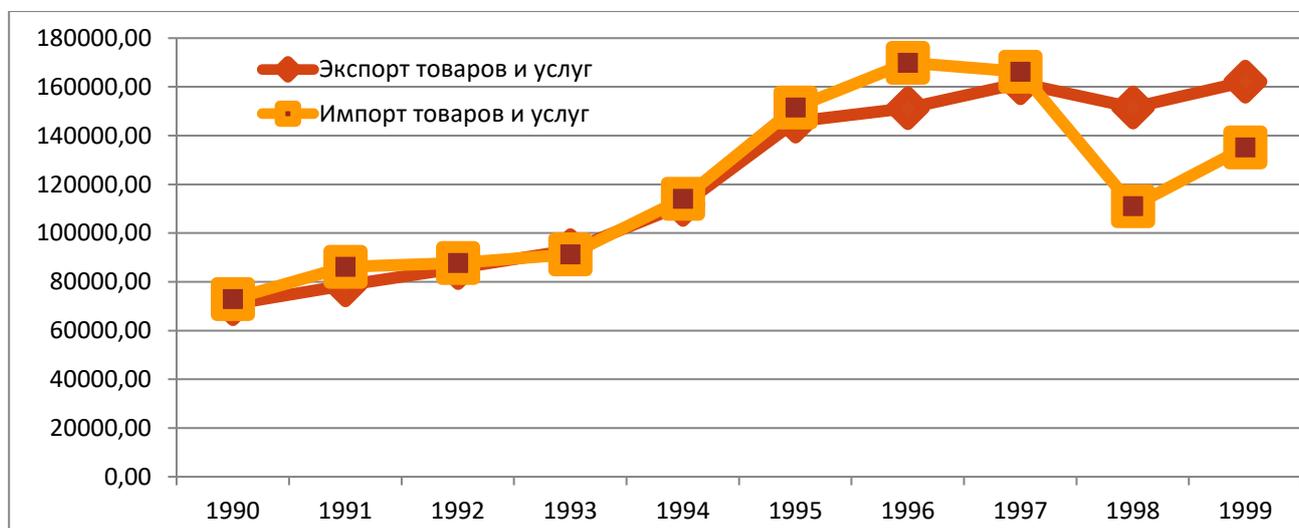

Рис. 4. Динамика экспорта и импорта Республики Корея в 1990–1999 гг., млн. долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

В 1990 гг. Республика Корея приступила к осуществлению индустриализации и диверсификации в рамках ряда теоретических и практических подходов в рамках формирования новых аспектов международной специализации страны и товарной структуры экспортно-импортных потоков на основе использования глобальных стоимостных цепочек (ГСЦ).

Термин ГСЦ ввел в оборот в 1994 г. Гарри Джереффи, понимая под ним набор внутриорганизационных сетей, направленных на производство определенного товара и связывающих между собой в мировой экономике домохозяйства, предприятия и государства (Gereffi, 1994). Присоединение к ГСЦ в Республике Корея, как правило, осуществлялось «снизу вверх» — от сборки отдельных товаров — к осуществлению НИОКР и созданию собственного бренда.

Прогресс в национальной сфере ИКТ позволил Южной Корее изменить фундамент индустриализации: от создания отрасли к специализации страны на отдельных стадиях производства. Такой процесс отражает углубление международного разделения труда (МРТ) и упрощает процесс присоединения экономически слабых стран к уже созданным иностранными ТНК глобальным производственным сетям.

По мнению профессора Ричарда Болдуина, все большее дробление производства и его рассеивание по миру способствуют росту товарооборота и конкурентоспособности как конечного продукта, так и экономик принимающих стран. Соответственно, происходит международный обмен технологиями не по отраслям в целом, а по отдельным стадиям производства. При этом автор отмечает, что **такого рода узкая специализация дает для принимающих стран гораздо менее значимый результат, чем в случае создания целых отраслей**. «Революция глобальных стоимостных цепочек сделала национальное производство не столь монолитным и взаимосвязанным внутри страны» (Болдуин, 2018. С. 374).

Используя ГСЦ, Республика Корея ценой значительных усилий достигла высокой конкурентоспособности в области автомобилестроения (как целой отрасли) и осуществляет экспорт своих автомобилей (готовой продукции) в экономически развитые страны. «...корейские промышленные фирмы приобрели *весь* набор компетенций, необходимых для успешного выхода на мировые рынки. Напротив, вьетнамский экспорт автозапчастей в Японию достоин похвалы, но он свидетельствует скорее о месте Вьетнама в международных цепочках поставок. В совокупности необходимых компетенций, освоенных вьетнамскими фирмами, на сегодня имеются еще обширные лакуны» (Ким, 2020).

Кроме того, Республика Корея активизировала свою деятельность в направлении цифровизации экономики, производства, инфраструктуры, создания цифровых продуктов, например смартфонов, которые получили широкое распространение во всем мире, и усилила свою внешнеэкономическую деятельность в данной сфере, в том числе с Российской Федерацией, что соответствовало мировым тенденциям (Ким, Авдокушин, 2019).

Таким образом, создание в РК целых взаимосвязанных национальных индустрий и выход на мировые рынки с продукцией, имеющей высокую долю добавленной стоимости, является фактором перемещения этой страны в группу экономически развитых государств. В перспективе, считает профессор Болдуин, продолжение тренда по схеме «летающие гуси» сохранится для простейших стадий производства. Для более сложных (с учетом революции виртуальной реальности) — переход к образу «стаи скворцов» (Болдуин, 2018), когда возможен более широкий охват круга развивающихся стран технологиями (не отрасль, а стадия производства, особенно в сфере услуг).

После азиатского кризиса 1997 г. и присоединения к ВТО правительство РК ослабило защитные меры поддержки внутреннего производства в пользу повышения его рыночной эффективности и открыло страну для иностранного капитала. Но даже в этот период руководство страны избирательно переносило в свою практику принципы либерализации торговли, изложенные в работе Джона Уильямсона (1990) «*Latin American Adjustment. How*

Much has Happened?» («Вашингтонский консенсус»). Как известно, адепты указанного концепта исходят из того, что либерализация внешней торговли должна приносить рост благосостояния всем торгующим сторонам. Ее беспрепятственное расширение означает рост внутреннего производства, выручки и выгод от снижения издержек за счет эффекта масштаба торговли. Импорт должен повышать конкурентоспособность, а значит рыночную эффективность внутри страны. При этом забывается, что в условиях несовершенного рынка, особенно в развивающихся странах с неполной занятостью доводы в пользу свободной торговли имеют ограниченную сферу приложения. Переток ресурсов в более эффективные производства, продукция которых способна конкурировать на мировых рынках, невозможна из-за высокой безработицы. В развивающихся странах крайне неразвита финансовая система, рынки страхования рисков и система социального страхования. А зарубежные финансовые рынки крайне волатильны.

Можно согласиться с позицией Джозефа Стиглица о том, что либерализацию торговли надо проводить вовремя, когда предшествующие этому стадии развития экономики пройдены, и с учетом национальных особенностей экономики. Теоретические аргументы и эмпирические данные в пользу обоснования положительной связи между либерализацией торговли и экономическим ростом весьма противоречивы. В частности, как отмечает Дж. Стиглиц, интеграция в мировую экономику азиатских стран через экспортоориентированную торговую политику является более убедительным фактом, чем интеграция через либерализацию торговли (Стиглиц, Чарлтон, 2007. С. 42).

Важнейшей особенностью государственной южнокорейской промышленной и внешнеторговой стратегии являлась установка на дополнение имеющихся сравнительных преимуществ (по Д. Рикардо) целенаправленным созданием новых сравнительных преимуществ. Тем не менее, инновационная система РК во многом носит преимущественно «догоняющий» характер.

Однако к концу XX в. южнокорейская модель исчерпала факторы экстенсивного развития и остро нуждалась в более активной мобилизации факторов интенсивного развития. С. Суслина это объясняет дополнительными капиталовложениями в наукоемкое производство, а также в развитие собственной научно-технической базы фундаментальных научных исследований. В результате возникла опасность отставания экспортной модели страны от западного мира (Суслина, 2002. С. 135). Необходимо было скорректировать стратегию экономического развития страны, исходя из другого подхода.

Таким образом, стратегия развития страны была отрегулирована в духе теорий «опережающего развития» (*advanced development*) (Андрианов, 2023). В этом случае предполагается обеспечение относительно высоких темпов роста национальной экономики за счет качественных изменений инфраструктуры (в особенности финансовой, средств связи и коммуникаций), институтов, человеческого капитала и структуры экономики, прежде всего промышленности, в сторону повышения их инновационности и создания новых рынков (инновационно-ориентированная, креативная, цифровая, постиндустриальная экономика) (Kim, 2008).

С 2000-х гг. руководство Республики Корея усиливает акцент на объединение усилий науки, креативных инноваций и ИКТ по ряду приоритетных направлений как в развитии экономики и промышленности, включая цифровизацию, так и во внешнеторговой сфере, что рассматривается как новый ресурс развития (Авдокушин, 2018). Это нашло отражение в новой государственной программе «*The Korean New Deal*» (*National Strategy for a Great*

Transformation) (2020). Центральное место в «Новом курсе Кореи» играют понятия цифровой и зеленой экономики.

Несмотря на то, что Республике Корея удалось создать развитую экономику, структуру которой можно охарактеризовать как экспортно-ориентированную, она сильно зависит и от экспорта, и от импорта, от состояния внешних рынков и глобальной экономики в целом. Для того, чтобы экономика страны была менее уязвимой от внешних вызовов, правительством страны проводилось не только реформирование экономики, инфраструктуры и институтов, но и преобразование национальной внешнеторговой политики в соответствии с возникающими проблемами.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что модель экономического развития Республики Корея была направлена на всемерное стимулирование внешней торговли и включала следующие характеристики:

1. Государственное регулирование на хозяйственном, административном и законодательном уровнях, которое включало проведение экономических реформ, формирование специальных экономических зон (СЭЗ), использование валютной политики для поддержки экспортных отраслей и национальной промышленности.

2. Развитие национальной промышленности на основе поддержки национального производителя в конкретных отраслях (прежде всего высокотехнологичных — электроники, автомобилей, судов и др.) через создание специальных структур (чеболей).

3. Импортзамещение. Страна активно инвестировала в научно-технический прогресс и высокие технологии, чтобы повысить конкурентоспособность своих отраслей.

4. Экспортноориентированная стратегия, которая обеспечивала возможность активно развивать экспортные отрасли и наращивать их производство. Экспорт — один из двигателей экономического роста Республики Корея.

5. Политика внешнеторговой экспансии и постепенное расширение ее географического охвата с опорой изначально на развитые страны как емкие и платежеспособные рынки, а также высокотехнологические экономики.

6. Взаимодействие с международными организациями, прежде всего ВТО, для защиты национальных интересов, стабилизации рыночных условий и расширения рынков сбыта (рыночной экспансии).

7. Для формирования практических основ внешнеторговой политики применялись как конфуцианские, так и западные концептуальные подходы, а также методы, основанные на эмпирической базе и национальной специфике.

Эти особенности максимально соответствовали как экономическим интересам Республики Корея, так и глобальным условиям в мировой экономике и торговле. В результате Республика Корея достигла впечатляющего экономического роста и превратилась в одну из крупнейших экспортных стран мира. Эти характеристики модели внешней торговли играли важную роль в успешном развитии страны в XX веке.

Проведенная нами этапизация развития внешней торговли и национального хозяйства, прежде всего промышленности, позволила обосновать вывод как о тесной взаимосвязи этих процессов, так и о перманентной трансформации внешнеторговой политики под влиянием изменений внешних и внутренних факторов.

Обоснована точка зрения о том, что Республика Корея, как и другие развитые страны, сегодня стоит перед необходимостью очередного этапа модернизации внешнеторговой политики для обеспечения внешнеторговой безопасности и повышения эффективности внешней торговли и национального хозяйства в новых условиях.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф. (2018) Цифровая экономика: стратегия формирования нового ресурса развития// Вопросы новой экономики. № 4 (48). С. 4–11. [Avdokushin E. F. (2018) Digital economy: a strategy for forming a new development resource// Issues of the new economy. No. 4 (48). Pp. 4–11. (In Russian).]
2. Андрианов В. Д. (2023) Основные направления устойчивого развития и инклюзивного роста экономики Республики Корея / В сборнике: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. ежегодник: материалы пятой международной научно-практической конференции. Москва. С. 15–33. [Andrianov V. D. (2023) The main directions of sustainable development and inclusive economic growth of the Republic of Korea / In the collection: Greater Eurasia: development, security, cooperation. Yearbook: proceedings of the fifth International Scientific and practical Conference. Moscow. Pp. 15–33. (In Russian).]
3. Бжезинский З. (2015) Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ. [Brzezinski Z. (2015) Strategic view: America and the global crisis. Moscow: AST. (In Russian).]
4. Болдуин Р. (2018) Великая конвергенция, информационные технологии и новая глобализация. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С. 355–386. [Baldwin R. (2018) The Great convergence, information technologies and the new globalization. Moscow: Publishing House "Delo" RANHiGS. Pp. 355–386. (In Russian).]
5. Ким Ю. (2020) Программы научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и странами Северо-Восточной Азии в сфере цифровой экономики // Международная торговля и торговая политика. № 1. С. 140–155. [Kim Yu. (2020) Programs of scientific and technical cooperation between the Russian Federation and the countries of Northeast Asia in the field of digital economy // International Trade and Trade Policy. No. 1. Pp. 140–155. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2020-1-140-155
6. Ким Ю., Авдокушин Е. Ф. (2019) Глобальная цифровая экономика: сравнительный анализ развития ИКТ России и стран Северо-Восточной Азии // Вопросы новой экономики. № 3(51). С. 4–13. [Kim Yu., Avdokushin E. F. (2019) Global digital economy: a comparative analysis of ICT development in Russia and the countries of Northeast Asia // Questions of the New Economy. No. 3(51). Pp. 4–13. (In Russian).]
7. Коргун И. А., Попова Л. В. (2011) Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2011 гг.): монография. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. 243 с. [Korgun I. A., Popova L. V. (2011) The foreign economic factor in the development of the Republic of Korea (1950–2011): monograph. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2011. 243 p. (In Russian).]
8. Кукла М. П. (2022) Экономика Республики Корея : учебник. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета. 246 с. [Kukla M. P. (2022) The Economy of the Republic of Korea : textbook. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University. 246 p. (In Russian).]

9. Линецкий А.Ф. Внешнеторговая деятельность России и субъектов Федерации в современных геополитических условиях // Теория и практика общественного развития. 2022. № 5 (171). С. 29–34. [Linetsky A.F. Foreign trade activity of Russia and the subjects of the Federation in modern geopolitical conditions // Theory and practice of social development. 2022. No. 5 (171). pp. 29–34. (In Russian).] DOI: 10.24158/tipor.2022.5.4
10. Пребиш Р. (1992) Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА РАН. 337 с. [Prebish R. (1992) Peripheral capitalism: is there an alternative to it? Moscow: ILA RAS. 337 p. (In Russian).]
11. Ростоу У. (1961) Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест. Нью-Йорк, Издательство Фредерик А. Прегер. 242 с. Rostow W. (1961) [The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. New York: Frederick A. Praeger Publishing House. 242 p. (In Russian).]
12. Стиглиц Дж. Ю., Чарлтон Э. (2007) Справедливая торговля для всех. Как торговля может содействовать развитию. М.: Издательство «Весь Мир. [Stiglitz J. Y., Charlton E. (2007) Fair trade for all. How trade can contribute to development. Moscow: Publishing House "The Whole World. (In Russian).]
13. Суслина С. С. (2002) Трансформация экономической модели Республики Корея в условиях глобализации и регионализации мирового рынка: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.14. М.: ИДВ РАН. 446 с. [Suslina S. S. (2002) Transformation of the economic model of the Republic of Korea in the context of globalization and regionalization of the world market: diss. ... Doctor of Economics: 08.00.14. Moscow: IDV RAS. 446 p. (In Russian).]
14. Akamatsu K. (1935) A Flying-Geese Formation in the Development of Industries in Japan: Special Reference to the Machine Institutional Tool Industry // Journal of Nagoya Higher Commercial School. 1935. Vol. Unknown.
15. Gereffi G. (1994) The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains and Global Capitalism. L.: Praeger.
16. Kim Ch. K. (2008) Liberalization and Globalization Policy / Kim Ch. K. Korea's Development Policy Experience and Implications for Developing Countries. Seoul.
17. Kuznets P. W. (1989) Trade, Policy, and Korea-United States Relations // Journal of Northeast Asian Studies. Vol. 8. № 4. Pp. 24–42.
18. Mackinder H. (1996) Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press.
19. Spykman N. (1944) The Geography of the Peace. Harcourt, Brace.
20. The Korean New Deal: National Strategy for a Great Transformation. URL: https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948#fn_download
21. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/>
22. Williamson J. (1990) Latin American Adjustment. How much has happened? Washington, Institute for International Economics. 445 p.
23. Young C. Kim. (1995) The Southeast Asian Economic Miracle // Transaction Publishers. New Jersey. 261 p.

Formation and development of the economy and foreign trade of the Republic of Korea: theory and practice of the twentieth century

Sergey P. Poplavsky,

PhD of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Technospheric Security of the ATI, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

The transformational processes taking place in the global economy and trade, as well as trade policy in the last quarter of a century and the need to understand and predict their prospects, dynamics — global and individual countries — actualizes the study of historical and economic aspects. The Republic of Korea is one of the countries whose economy has made a dramatic leap in socio—economic development, which many countries have not yet been able to replicate, so its experience is of considerable scientific and practical interest. The purpose of the research is to identify and analyze the main factors and determinants of the development of the economy and foreign trade of the Republic of Korea, which provided the country with a sharp leap in development in the second half of the twentieth century. To study the dynamics of trade flows and qualitative aspects of foreign trade of the Republic of Korea in the twentieth and twenty-first centuries and to formulate their features and fundamental characteristics. The author substantiates the point of view that the conducted research made it possible to establish that the model of economic development of the Republic of Korea was aimed at stimulating foreign trade in every possible way. Our stage-by-stage analysis of the development of foreign trade and the national economy, primarily industry, has allowed us to substantiate the conclusion both about the close relationship of these processes and about the permanent transformation of foreign trade policy under the influence of changes in external and internal factors. The point of view is substantiated that the Republic of Korea, like other developed countries, today faces the need for another stage of modernization of foreign trade policy to ensure foreign trade security and increase the efficiency of foreign trade and the national economy in the new conditions. The methods of induction and deduction, analysis and synthesis, as well as the visualization method were used in the article.

Keywords: Republic of Korea (ROK), world economy, world trade, foreign trade, trade turnover, South Korean model.

JEL codes: B22, B27, F12, F13, F14.